

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

Научный и учебно-методический ежегодник

Выпуск XIV

Армавир
АГПУ
2017

УДК-30(075.8)
ББК-60я75
И 90

Печатается в соответствии с приказом № 43
от 4 апреля 2017 г. «Об итогах конкурса
научных проектов фонда «Наука»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

А.А. Панарин – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора –

Ю.В. Приймак – доктор исторических наук, профессор

С.А. Голованова – доктор исторических наук, профессор

С.Л. Дударев – доктор исторических наук, профессор

А.Д. Похилько – доктор философских наук, профессор

А.А. Шматько – кандидат исторических наук, доцент

Ответственный редактор –

С.Н. Малахов – кандидат исторических наук, доцент

И 90 **История и обществознание** : научный и учебно-методический ежегодник
/ гл. ред. А. А. Панарин; зам. гл. ред. Ю. В. Приймак; отв. ред. С. Н. Малахов. –
Вып. XIV. – Армавир : РИО АГПУ, 2017. – 200 с.

ISBN 978-5-89971-568-6

На страницах ежегодника представлены публикации по различным проблемам истории России, всеобщей истории, историографии, философии и культурологии.

Издание представляет интерес для всех, кто интересуется вопросами истории и обществознания.

УДК-30(075.8)
ББК-60я75

ISBN 978-5-89971-568-6

© Авторы статей, 2017
© Оформление. ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет», 2017

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ РОССИИ

Ф.А. Марков

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ИЛЬ-1» (СЕВЕРСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

В работе подведены итоги археологического исследования средневекового поселения Иль-1, осуществленного в 2015 г. Незначительная толщина культурного слоя указывает на непродолжительное существование поселения. Находки гончарной керамики красного и коричневого цветов, невыразительные следы остатков жилищ и производственных комплексов, свидетельствует о том, что памятник был скорее не селищем, а сезонным стойбищем или зоной начального хозяйственного освоения.

Ключевые слова: Иль-1, средневековое поселение, охранно-спасательные раскопки, Северский район Краснодарского края.

Публикуемые археологические материалы были получены в ходе полевого сезона 2015 года при проведении охранно-спасательных археологических исследований на территории выявленного объекта археологического наследия – поселения «Иль-1», расположенного на 55 км автомобильной дороги «Краснодар – Новороссийск», в зоне строительных работ для ООО «Ильский НПЗ» в Ильском городском поселении Северского района Краснодарского края. В сентябре – ноябре 2015 года археологическим отрядом «Иль-1» (специалисты ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар) проводились охранно-спасательные раскопки поселения «Иль-1» эпохи средневековья, выявленного в северо-западной части Ильского НПЗ. Территория памятника была перекрыта техногенным грунтом, который складировался при строительстве НПЗ. Данная территория предназначена была для строительства очистных сооружений.

Целью работ являлось полное археологическое исследование культурного слоя поселения «Иль-1», попадающего в зону строительства проектируемого объекта – очистные сооружения. Всего было исследовано 13 800 м² площади поселения.

Средневековое поселение с переотложенным и поврежденным культурным слоем насчитывало 29 хозяйственных ям.

На поселении было разбито 10 линий квадратами 10х10 м. Поселение «Иль-1» является однослойным, строительные горизонты на раскопанной площади не выявлены. Отдельные фрагменты кружалной и лепной керамики, осколки костей и другие находки образуют культурный слой. На исследованном участке поселения отмечалось неравномерное распределение археологического материала с большей концентрацией находок в центральном и северо-восточном секторах раскопа. Как отмечалось выше, исследуемая территория памятника расположена на ранее распаханном поле, что привело к разрушению и перемешиванию верхних горизонтов на глубину до 0,45 м от современной дневной поверхности, а также измельчению керамического и остеологического материала.

Археологические находки на раскопе разной степени плотности отмечены под переотложенным слоем на глубинах от второго по третий пласты, причем наиболее насыщен второй штык (глубина 0,2–0,6 м от современной дневной поверхности) с преобладанием кружалной керамики красного и коричневого цвета эпохи средневековья. Находки фрагментов лепной керамики единичны.

Поселение «Иль-1» на площади 13 800 м² было исследовано до «стерильного» в антропогенном плане материкового слоя и далее, на глубину до 0,10–0,40 м дополнительно, с целью составления описания, графического и фотографического представления о материковом слое. Общие глубины прокопанных квадратов составили от 1 до 2 м.

Маломощный и слабо насыщенный культурный слой эпохи средневековья был разрушен и переотложен при производстве строительных работ. Немногочисленные профильные фрагменты лепных и кружальных сосудов, происходящие из верхних горизонтов антропогенного слоя синхронны материалу из ситуации и подтверждают датировку поселения, установленную ранее. Поселение однослойное, без выявленных строительных горизонтов на раскопанной площади, толщина культурного слоя – от 10 см (на периферии) до 60 см (в центральной части).

Малое количество хозяйственных ям и объектов на столь большой территории для памятника эпохи средневековья при отсутствии сколь-нибудь выразительного культурного слоя, остатков жилищ и производственных комплексов, вероятно, свидетельствует о том, что памятник является не поселением или селищем, а представляет сезонное кратковременное стойбище или зону хозяйственного освоения. Вследствие кратковременного и сезонного использования этой территории в эпоху средневековья здесь не сформировался стратифицированный культурный слой.

В результате работ получена большая коллекция керамического материала и других бытовых предметов, дополняющая сведения исторических и этнографических источников о культуре и хозяйственной деятельности человека. По результатам завершения полевых работ на поселении «Иль-1» собрана коллекция археологических материалов, представленная в основном фрагментами керамики, составлена коллекционная опись археологических находок из раскопок поселения, насчитывающая 935 предметов. В опись включены все индивидуальные находки. Из фрагментов керамических сосудов выбирались наиболее показательные, информативные, а также орнаментированные фрагменты.

Основная масса археологического материала из раскопа поселения представлена фрагментами кружальных красноглиняных сосудов, черепки лепной керамики встречались гораздо реже, есть фрагменты керамических сосудов со следами ремонта, просверленными отверстиями, одним из таковых является фрагмент горла пифоса с двумя сквозными отверстиями. Найдено 4 керамических пряслица и несколько заготовок под пряслице, 5 керамических грузил, 3 фрагмента ножек амфор и 1 фрагмент нижнего прилепа двуствольной ручки амфоры. Собрано 19 фрагментов керамических плиток, 3 из которых орнаментированы округлыми пальцевыми вдавлениями, 1 фрагмент с округлым сквозным отверстием. В яме 7 (квадрат 51) обнаружены 2 фрагментированные кружальные миски, фрагментированный лепной плоскодонный сосуд, керамическая сероглиняная пробка; также в яме 17 (квадрат 48) обнаружен развал кружальной сероглиняной миски; в яме 19 (квадраты 140-141) найден фрагментированный лепной плоскодонный сосуд. На территории поселения обнаружен турлук, остеологический материал представлен скудно. Интересны фрагменты рогов оленей, обнаруженные в яме 17 (квадрат 48), всего 13 фрагментов, из них 3 со следами обработки (2 – спиливания, 1 – полировки). Найдены 2 альчика (1 КРС, 1 МРС). Среди железных предметов можно выделить 6 подков, скобу, гвоздь, фрагмент топора. Также обнаружены 9 оселков, 22 терочника, 1 фрагмент жернова.

Все археологические материалы, полученные в ходе охранно-спасательных раскопочных работ, были сданы на постоянное хранение в фонды Курганинского исторического музея.

F.A. Markov

**MEDIEVAL SETTLEMENT «IL-1»
(SEVERSKY DISTRICT, THE KRASNODAR REGION)**

The work summarizes the results of archaeological research of the medieval settlement II-1, carried out in 2015. The insignificant thickness of the cultural layer indicates the short existence of the settlement. The elements of red and brown pottery ceramics, inexpressive traces of the remains of dwellings and production complexes, testifies that the monument was rather not a settlement, but a seasonal camp or a zone of initial economic development.

Keywords: II-1, medieval settlement, security and rescue excavations, Seversky district, Krasnodar Region.

A.B. Ананьев

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТЕЙ ПО КАЗАЧЬЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

В статье освещается политика российского государства в первой половине XIX в. по отношению к северокавказскому казачеству. Автор анализирует государственные меры по увеличению численности казачьего населения, призванного охранять российские рубежи на кавказском направлении и отношение как самого казачества, так и горских народов, оказавшихся в сфере политики оказывания, к проводимым мероприятиям.

Ключевые слова: казачество, горцы, фронт, набеги, однодворцы, казенные поселенцы, самокупаемость, оказывание, российское самосознание.

Усилившееся в первой четверти XIX в. вооружённое противостояние на Северо-Восточном Кавказе заставляло правительство уделять больше внимания терским казакам, которые были активно задействованы как в охране и обороне Линии, так и в походах против «немирных» горцев. При всех великолепных боевых качествах терского казачества они были слишком малочисленны, чтобы решать те задачи, которые на них возлагало командование. Поэтому следовало предпринять энергичные шаги по размещению в регионе дополнительных станиц, которые являлись авангардом российского присутствия в крае.

За счёт естественного прироста добиться желанной цели было невозможно. Казаки несли серьёзные потери в вооружённой борьбе против горских «хищников», а потому следовало изыскивать резервы для пополнения их рядов за счёт казачества из других регионов. Ещё одним источником могло стать включение в число терцев тех русских поселенцев, которые уже давно проживали на Кавказе и были не понаслышке знакомы с местной спецификой.

В результате успешных войн со своими давними соперниками в лице Персии и Османской Порты, заключения выгодных мирных договоров (Бухарестского 1812 г., Гюлистанского 1813 г., Туркманчайского 1828 г., Адрианопольского 1829 г.) Россия закрепила за собой кавказские владения и вплотную приступила к распространению здесь своих порядков. Предстояло обеспечить органичное вхождение края в экономическое, правовое, культурное пространство империи, но для этого нужно было сломить сопротивление той части горских обществ, которые не желали отказаться от привычного им мироустройства, основанного на архаичных ценностях и правилах.

Столь непростая задача не могла быть решена исключительно силами армии. Нужно было иметь на Кавказе население, которое бы являлось носителем державных ценностей,

отличалось лояльностью к власти и при этом могло содержать себя в хозяйственном отношении, не уповая только на поддержку казны. Ещё одним обязательным условием было воинское умение такого контингента, ибо в противном случае поселенцы были бы уничтожены горскими набегами. В России имелись колонисты, отвечающие всем этим требованиям, – казаки. Тем более что на северо-востоке Кавказа уже располагались терские станицы, давно основанные в этом непросто, но благодатном крае.

Для ознакомления с местной спецификой и выработки мер по заселению региона сюда в 1818 г. был отправлен сенатор Д. Мертваго. Достаточно скрупулёзно исследовав край, узнав мнение кавказских чиновников и военных, он пришёл к выводу, что не следует оценивать происходящие здесь события исключительно с позиции военно-политического противостояния. Он предлагал «взирать на Кавказскую губернию, как на путь к дальнейшим государственным видам. В настоящее же время она есть хутор России, где плодятся и возвращаются лошади, быки и овцы для потребности её. Смотря с сего пункта, надлежит признать, что чем пространнее тут живут люди, тем более размножается скотина, – следовательно, край полезнее для государства» [1]. Примечательно, что высокопоставленный имперский сановник начинал свой доклад именно с экономической характеристики Северного Кавказа. Он видел перспективу именно в созидательной деятельности местных народов, которые должны были получить возможность максимально использовать все преимущества мирной жизни.

Но добиться этого было непросто. Сенатор признавал, что «край сей граничит с народами, хищнически воинственными и находится непрерывно больше или меньше, как то по обстоятельствам случается, в войне оборонительной, то надлежит границу укреплять людьми военными» [2].

Россия в рассматриваемый период обладала сильнейшей армией в Европе. Являясь главным победителем Наполеона, она смогла не только отстоять собственную независимость, но ещё и освободила те народы, которые были завоёваны Французской империей. Её солдаты и офицеры получили неоценимый опыт войны с сильнейшим противником, но использовать их потенциал в местных условиях Д. Мертваго счёл нецелесообразным. Он отметил, что «регулярное войско стоит дорого и много людей теряется в полках. Рекруты, из северных губерний приведённые, не выдерживают климата, им несродного, и самые переселенцы отзываются, что едва половина их осталась в живых. Но сие тогда было, когда не приноровились они к климату, а теперь живущие здоровы и многие из них, более 30-ти лет переселившиеся, суть другой женерации» [3]. Именно их предполагалось использовать в качестве колонизационного фундамента, обеспечив новым статусом – «казак».

Такой шаг позволял решить сразу множество проблем. Дело в том, что «казаки, по древним Российским установлениям, не далее ста вёрст от домов своих служащие, получают содержание от своих собратий, – следовательно, казна весьма уменьшила бы расходы. Линия была бы сохраннее, да и внутреннее устройство лучше теперешнего, ибо обыватели сделались бы подчинёнными правилам военным» [4].

Любопытно, что военный статус обеспечивал преимущества в судебных разбирательствах. Очевидно, эта проблема была настолько болезненной в глазах современников, что Д. Мертваго счёл необходимым пояснить данный вопрос, отметив, что «по военным правилам преступление судится скоро и немедленно наказывается виновный, – следовательно, наказание, действуя на понятие людей, приводит правительство в почтение и устрашает посползованных на худые дела. По гражданским законам о виноватом дело продолжается несколько лет, в течение коих всякий забыл его преступление; производится жалость при виде человека, до нищеты доведённого; тут последующее наказание не исправляет никого, а только производит упреки на судей, будто бы напрасно наказанию его присудивших» [5]. Таким образом, это являлось ещё одним стимулом и доводом в пользу изменения социального положения.

Не будучи, очевидно, сторонником полумер, столичный ревизор предлагал действовать с размахом. Он собирался вообще всех жителей Кавказской губернии превратить в казаков и таким образом кардинально решить проблему.

В подобных подходах он был не одинок. Среди сторонников увеличения численности казачества в крае был назначенный сюда командующий Грузинским, позднее Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов. Появившись здесь, он стал свидетелем тяжелой ситуации, в которой оказались местные весьма немногочисленные терские станицы.

В своих мемуарах генерал вспоминал: «Первое обстоятельство, обратившее внимание моё, были высланные мне навстречу конвойные команды из поселённых на линии казаков. Всегда отличались они от прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротой лошадей. Я, напротив, увидел между ними не менее половины чрезвычайно молодых людей, нигде не служивших, и даже ребят. Предместник мой, по усиленному старанию Донского войска атамана генерала графа Платова, согласился сменить линейными казаками шесть донских полков, служивших на линии, и от сего неосмотрительного распоряжения должны были выйти на службу все малолетние и даже находившиеся в отставке казаки» [6]. Естественно, что он оказался в числе сторонников увеличения числа поселений казаков в регионе.

Ещё весной 1817 г. была создана комиссия, в задачу которой входило наделение казаков земельными наделами. На Тереке предполагалось изыскать рядовым казакам по 50 десятин земли, а офицерам по 400 десятин. При этом от императора последовало строжайшее распоряжение – не покушаться на собственность других народов, проживающих на Линии. Задуманные меры не должны были привести к стеснению «азиятских народов», т. е. горцев, на которых смотрели как на таких же полноправных подданных государя [7].

А.П. Ермолов считал целесообразным увеличить численность казаков до 28 405 человек. Мнение генерала было доведено до императора и стало предметом рассмотрения в Комитете министров. Далеко не все сановники разделяли мнение «проконсула Кавказа». Информация о развернувшейся дискуссии сохранилась в своде законов, откуда мы узнаём следующее: «Военный Министр входил с своей стороны в предварительное сношение с Министром Финансов и с управляющим Министерством Внутренних дел. Министр Финансов отозвался, что предполагаемого перечисления казённых крестьян в казаки, не может он признать полезным по следующим соображениям: большое пространство земель Кавказской Губернии, заключающее в себе обильные и разнообразные источники народного богатства, остаётся поныне невозделанным единственно по недостатку рук. Несмотря на поощрения и выгоды, предоставляемые Правительством, желающим в сём краю поселиться, население в оном прибавляется весьма медленно, и во всей губернии число казённых крестьян составляет не более 46 000 душ, а всех вообще жителей, платящих подати, не более 50 000 душ. При таком малоуспешном ходе населения, не значило ли бы обращаться назад, отнимая от оногo более 2 000, для причисления их в звание, конечно полезное в отношении к защите, но вовсе не принадлежащее классу производительному в отношении трудов и промышленности» [8].

Когда А.П. Ермолов узнал, что его предложения сочли непродуктивными, он не стал опровергать те финансовые расчёты, которые провели столичные чиновники. Действительно, казна теряла часть прибыли, но в условиях военной нестабильности в крае получить её и так было невозможно. Мирные поселяне не могли нормально заниматься хозяйством при наличии угрозы грабительских набегов, и сама жизнь заставляла их брать в руки оружие, т. е. фактически становиться казаками. В итоге доводы командующего были найдены справедливыми и утверждены 11 декабря 1823 г. Непосредственно заниматься переселением станиц на передовые рубежи, было приказано начальнику Штаба Кавказского корпуса А.А. Вельяминову.

Чтобы не разорять казачьи семьи, решили добиваться выполнения поставленной цели постепенно. За один раз предполагалось переводить на новое место жительства не более третьей части семейств. Всего подлежало переводу 2 647 дворов (т. е. 11 казачьих станиц). Первые поселенцы прибыли на линию в 1825 г., а завершилось всё спустя два года, в 1827 г.

К числу казаков были причислены и жители горских селений. Так, в состав линейного казачьего войска был включён Бабуковский аул, моздокские казачьи братья, под которыми понимались черкесы и осетины, грузины и окоченские татары. Всего их было 1 641 душ, а распределили их между Терским войском, гребенцами и Горским полком [9].

Благодаря увеличившейся численности казаков непосредственно на передовых рубежах противостояния удалось закрепиться на территории, которая раньше была неподконтрольна командованию. Новые станицы опирались на поддержку гарнизонов крепостей, которые строились в предгорной полосе Северо-Восточного Кавказа [10]. В свою очередь, казаки помогали регулярным частям тщательно осуществлять охрану порубежья. У них для этого была высочайшая мотивация. Казаки были кровно заинтересованы в защите своих семейств и хозяйства от набегов.

Численность казачества увеличивалась за счёт поступления в их ряды выходцев из других регионов страны. Для этого были сняты все юридические препоны. Если ранее податься в казаки можно было лишь с разрешения общества, то по положению от 1 октября 1829 г. и указа от 19 мая 1831 г. это правило отменялось. На практике нередко кавказские власти закрывали глаза на то, что в станицах искали защиту и покровительство беглые крепостные, предпочитавшие опасную жизнь северокавказского фронта своей зависимости от помещика [11].

Понимая, что остановить незаконное проникновение на Северный Кавказ беглецов из центральных губерний империи не удастся, Николай I 12 февраля 1829 г. распорядился всех бродяг отправлять в качестве работников к линейным казакам. Таким образом, решалось сразу две задачи: казаки получали возможность поддержать своё хозяйство, а власти обеспечивали порядок на вверенной территории. Тех, кто прожил со своими семьями на Линии более двух лет, зачисляли в казаки и уже официально привлекали для выполнения служебных обязанностей [12].

В сентябре 1832 г. официальное разрешение становиться казаками и проживать на Линии получили однодворцы и казённые поселяне. Для этого им нужно было лишь подтвердить, что они нуждаются в земельном наделе по прежнему месту жительства и не могут получить его от своего общества.

Подобная практика существенно отличалась от того, что имело место в прошедшем столетии. Тогда воинские команды отлавливали беглецов и выдворяли их с Кавказа. Теперь же разраставшееся вооружённое противостояние заставляло власти действовать более гибко и идти на компромисс.

Как отмечает современный исследователь терского казачества Н.Н. Великая, «никого не смущало, что пополнение идёт из разнородных, «разноплеменных» элементов. И ранее таковые принимались в казачью среду, но с условием принятия крещения и русского языка. Теперь же, причислявшиеся в казаки казанские татары, грузины и другие сохраняли свою речь, религию, традиции. Такой подход создавал возможность для «размывания» старых казачьих групп, утверждения представлений о социальной, а не этнической природе казачества. Однако естественные процессы ассимиляции приводили к слиянию небольших подразделений приписных с основными группами казачества (Терско-Семейного, Гребенского, Моздокского» [13].

Указом Сената 2 декабря 1832 г. крестьянские селения Нижнеподгорное, Александрийское, Незлобное и Верхнеподгорное дополнили состав Волгского полка. Их численность

оценивалась в 4 050 душ. Кроме них, казачий статус получили селения Государственное и Курское, но и это не покрывало потребность в личном составе [14].

По инициативе генерала А.П. Ермолова создаётся новая кордонная Линия, которая закрывала участок между Моздоком и станицами Волгского полка. Её должны были обеспечивать шесть станиц, созданных на основе четырёх крестьянских селений и двух селений, в которых проживали осетины, Моздокская команда, Луковская и Екатериноградская станицы [15].

За период с 1824 по 1834 г. ряды казачества пополнили 36 575 человек. Это было 37 селений, которые отныне считались станицами, и их жители получили как права казаков, так и их многочисленные и обременительные обязанности [16]. Огромную роль в этом сыграл указ «Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казённых селений», принятый 2 декабря 1832 г. Именно он в значительной степени превратил Северо-Восточный Кавказ в «казачий край», хотя и не в тех масштабах, о которых первоначально ратовали инициаторы этого проекта.

Но и после обозначенного периода процесс пополнения рядов казачества продолжился. В 1837 г. на Терек прибыли два Малороссийских полка. Они были укомплектованы выходцами из Черниговской, Воронежской и Харьковской губерний [17].

К казакам причислялись и бывшие военные поселяне. В условиях Кавказа власти считали целесообразным перевести бывших солдат в новое сословие и сформировать из них новые станицы Владикавказского полка [18].

По данным на 1837 г. на Линии насчитывалось уже 71 313 казаков мужского пола. Из них были сформированы девять полков, которые должны были обеспечить прикрытие кордона и принимать участие в наступательных операциях наряду с регулярными частями [19].

Пожалуй, нигде так не проявлялась общность судеб казаков и горцев, как в процессе формирования единого войска. Царская администрация, охотно привлекала местных жителей в ряды Терского казачества, хотя и проявляла при этом разумную осторожность. Так, генерал А.П. Ермолов в начале 1827 г. приказал приписать вышедших на постоянное место жительства в район Моздока осетин к горской казачьей команде. Из их числа набирались проводники, они служили толмачами, т. е. переводчиками, собирали разведывательные данные и т. п. Вместе с ними в ряды казачества решили обратиться и тех осетин, которые проживали в этом населённом пункте.

Но далеко не все они стремились к столь кардинальным переменам в своей жизни. Поступила жалоба вышестоящему начальству в Тифлис с просьбой не привлекать их к службе. Когда об этом стало известно новому командующему, генералу И.Ф. Паскевичу, он объявил выговор начальнику кавказской области Г.А. Емануелю, но не за то, что он собирался сделать моздокских осетин казаками, а за то, что это до сих пор не сделано. Не устроили нового руководителя и скромные, на его взгляд, цифры приёма горцев в казаки [20].

Стремясь на месте разобраться со столь щекотливой ситуацией, Г.А. Емануэль прибыл в Моздок и приказал собрать всех кандидатов в казаки, чтобы лично донести до них волю начальства. Но на этом собрании произошёл конфликт, и местные жители наотрез отказались выполнять не устраивающее их распоряжение. Возникла реальная опасность того, что часть горцев просто скроется в недоступных местах, а то и вольётся в ряды «немирных» соплеменников. Чтобы не усугублять и без того накалившуюся ситуацию, Г.А. Емануэль принял решение не приписывать их в казаки, а оставить в прежнем статусе.

Столь же упорны были в своём нежелании «тянуть казачью ляжку» и калмыки. Все попытки создать из них отдельную станицу успехом не увенчались, и тогда генерал А.А. Вельяминов в 1833 г. предложил расселять их дисперсно в различных станицах Моздокского полка. В итоге это предложение было одобрено, и новопоселенцев решили размещать в Наурской, Галюгаевской, Ищерской, Стодереvкской, Беломечетской и т. д.

Но когда до калмыков дошли известия о предстоящем поселении, они прислали своих представителей в Ставрополь и там добились встречи с местной администрацией. Они достаточно мотивированно пояснили, что не могут отказаться от привычного образа жизни и просили оставить их заниматься скотоводством. Так безрезультатно закончилось и это начинание [21].

Категоричное нежелание становиться казаками понятно. Вопреки расхожему мнению о привилегированном статусе казачества, на практике казакам приходилось нести массу тягот и повинностей, которые не могли компенсировать никакие льготы от правительства. Так, помимо участия в боевых действиях, они выполняли почтовую, квартирную, подводную и т. п. повинности. Это всё не только требовало личного участия, но и приводило к быстрому износу принадлежащих казакам телег, изнурению лошадей и волов. За свой счёт казаки должны были приобретать экипировку, вооружение, на которые уходила значительная часть доходов семьи. Не столь уж и свободны были казаки во внутреннем самоуправлении. Станичные правления достаточно жёстко контролировались правительственными чиновниками [22].

Но на фоне вышперечисленных неудач, были и примеры вполне успешного пополнения рядов казачества представителями горских обществ. Так, в их число охотно влились осетины-дигорцы, которые основали станицы Черноярскую и Новоосетиновскую, после того как перебрались жить на равнину. С 1824 г. они официально считались казаками и несли службу наравне с другими станичниками.

Столь же результативно было причисление в ряды казаков старожильского контингента грузин, с давних пор обосновавшихся в районе Кизляра. Они дополнили личный состав Терско-Кизлярского полка в 1838 г.

Одним из последних проектов по увеличению численности казаков за счёт «азиятцев» стал план А.И. Барятинского по оказыванию чеченцев [23]. Грамотный администратор и прекрасный военачальник, в данном случае будущий покоритель имама Шамиля продемонстрировал абсолютное незнание менталитета чеченского народа. Это выглядело весьма странно, учитывая печальный опыт, который успела накопить российская администрация. Достаточно вспомнить ситуацию 1840 г., когда только слухи о возможной военной службе чеченцев спровоцировали их выступление. Возможно, сказалась та победная эйфория, которую испытывал наместник, видя как под ударами российских войск, от владений имамата отпадают всё новые и новые общества. В защиту его можно сказать и то, что схожие идеи имели место и раньше, но тоже безрезультатно [24]. Естественно, что такое предложение не нашло поддержки у значительной части кавказского руководства, да и сам А.И. Барятинский не стал настаивать на воплощении в жизнь своего предложения.

Таким образом, добиваясь успехов и терпя неудачи, власть формировала этническую картину региона, добиваясь, чтобы у проживающих здесь народов формировалось российское самосознание. Как отмечает Н.Н. Великая, «формы этнических контактов определялись многими факторами, в том числе и включённостью этнических групп в общероссийское социально-правовое пространство, общеисторический контекст развития региона. Мирное освоение Восточного Предкавказья во многом предопределило и мирные межэтнические коммуникации. Историческая память народов, как известно, достаточно серьёзно влияет на их взаимоотношения. У народов Восточного Предкавказья она не была отягчена воспоминаниями о кровавых столкновениях и непреодолимых противостояниях. Мирные взаимоотношения сохранялись в регионе и в дальнейшем» [25].

После того, как было принято решение укрепить оборонительную линию на Сунже, сюда с 1845 г. стали подселять казаков с Дона, Терека и Кубани. Они составили три новых полка, которые прикрывали участок от Камбилея до Брагунов и Горячих вод [26].

Военный министр граф Н.И. Чернышёв обратился к императору с предложением организовать новое переселение выходцев из внутренних районов страны на Кавказ. Из числа добровольцев планировалось ещё раз пополнить ряды казаков-линейцев. Успешный опыт прошлых лет, а также очередной виток вооружённой эскалации на Северо-Восточном Кавказе подтолкнул Николая I поддержать этот проект. В начале 1847 г. он получает высочайшее благоволение и уже с весны начинает воплощаться в жизнь. Данный срок был выбран не случайно и был связан с полевыми работами, в которые должны были сразу же включиться новосёлы.

К 1849 г. на Северный Кавказ перебрались около 3 тысяч семей казаков, а их общая численность на Линии исчислялась 241 794 душами. Если до предпринятых усилий власти могли рассчитывать лишь на девять полков, то теперь их число достигло семнадцати. Вопреки надеждам властей на полную «самоокупаемость» казаков, добиться этого так и не удалось. Казаки жаловались, что доставшиеся им земли не отличаются плодородием, а потому хлебопашество и скотоводство не могут быть успешными. Правительство не желало слушать эти доводы, и время от времени сокращала свои субсидии на закупку провианта. Но такие кардинальные шаги приводили лишь к голоду в станицах, а потому вновь возобновлялись поставки казённого продовольствия. Как считают современные специалисты, подобное положение сложилось не потому, что казаки не желали заниматься мирным трудом, или их земли действительно были не пригодны для земледелия. У государственных крестьян, которые в дальнейшем появятся на этих территориях, успехи выглядели куда лучше [27].

Сказывалась отвлеченность казаков на выполнение различных воинских приказов. Большая часть их усилий была направлена на несение службы, а домашний труд ложился на плечи женщин. Безусловно, что такой образ жизни не мог не отложить отпечаток на менталитет казаков и на их определённое предубеждение ко всем тем, кто не знал тягот бивачной жизни [28].

По мере ослабления военной напряжённости, потребности в казачестве у власти уменьшались. Теперь нужны были податные сословия, которые могли пополнять казну своими налогами. Кроме того, определённые опасения вызывала всеобщая вооружённость казачества и их боевая подготовка. Как отмечал один из современников: «Всем известны невыгоды всякого вооружённого народонаселения. Везде, где подобные учреждения существуют, они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается по мере возможности уменьшить этот разряд населения, и там, где исчезает цель, с которой оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие установления государственные» [29].

Эти рассуждения напоминают тот спор между А.П. Ермоловым и министерством финансов, который разгорелся вокруг проблемы причисления казённых крестьян к казачьему сословию. Тогда разгорающаяся пламя т. н. «Кавказской войны» делало аргументы генерала более весомыми, но к середине столетия обстоятельства полностью поменялись. Былой потребности людей, которые могли постоять не только за себя, но и поддержать регулярные части больше не было.

Обеспечивая увеличение численности казачества на Северо-Восточном Кавказе, власти решали для себя две стратегические задачи. Они получали силу, с помощью которой можно было обеспечить безопасность южных рубежей и которая была хорошо подготовлена к участию в боевых действиях в специфичных условиях региона. Кроме того, казачество вполне успешно могло заниматься хозяйственной деятельностью, и было не столь обременительно для казны, как регулярные части. Совокупность этих факторов породило желание

создать на Северном Кавказе «казачий край», причём в числе казаков готовы были видеть не только представителей славянских народов, но и горцев. Отчасти это было воплощено в жизнь, и ряды казачества пополнили осетины, кабардинцы, грузины и т. д. В той ситуации, которая имела место в регионе в первой половине XIX в., с её затяжным системным кризисом, порождённым как трансформацией горских обществ, так и российской политикой, это представляется оптимальным решением властей, позволившим в целом преодолеть имеющиеся трудности.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею : В 12 т. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 578-579.
2. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 гг. / Сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М., 1991. С. 270.
3. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под ред. и с послесловием В. Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. С. 100-101.
4. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. № 29682. С. 1303-1304.
5. Чекменев С. А. Переселенцы. Пятигорск : Кавказская здравница, 1999. С. 50.
6. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.) : Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во МГУ, 1974. С. 206.
7. Белозёрова Е. В. Крепостные крестьяне как один из источников пополнения линейного казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвёртой международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Краснодар–Армавир, 2004. С. 53-56.
8. Чекменев С. А. Указ. соч. С. 51-52.
9. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов н/Д., 2001. С. 83.
10. Заседателева Л. Б. Указ. соч. С. 327.
11. Там же. С. 207.
12. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ : Ир, 1991. С. 90.
13. Берозов Б. П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 187-188.
14. Заседателева Л. Б. Указ. соч. С. 208.
15. Чекменев С. А. Указ. соч. С. 53.
16. Омельченко И. Л. Указ. соч. С. 90.
17. Там же. С. 94.
18. Емельянова Л. А., Емельянов О. Б. Хозяйственное развитие волгских станиц Кавказского линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840-1864 гг.). Георгиевск, 2014. С. 34-53.
19. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 209-210.
20. Виноградов Б. В. К проблеме особенностей служения горцев России в контексте существенных характеристик российско-северокавказского взаимодействия XVI – начала XIX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России : материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 50.
21. Великая Н. Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001. С. 134-135.
22. Заседателева Л. Б. Указ. соч. С. 209.
23. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. ... С. 112-113.
24. Емельянов О. Б. Земледельческие занятия в казачьих станицах Терского левобережья в системе природных и общественно-политических факторов в первой половине XIX века. Георгиевск, 2014. С. 125.
25. Цит. по: Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. С. 88.

A.V. Ananiev

**GOVERNMENT ACTIVITIES ON COSSACK COLONIZATION
OF NORTH-EAST CAUCASUS
IN THE FIRST HALF OF THE XIX-th CENTURY**

The article highlights the policy of the Russian government in the first half of the XIX century on the North Caucasian Cossacks. The author analyzes the state measures to increase the number of Cossack population, designed to protect the Russian borders in Caucasus and the attitude of both Cossacks and mountain peoples caught in *okazachivaniye* policy towards these activities.

Keywords: Cossacks, Highlanders, frontier, raiding, smallholders, treasury villagers, self-sufficiency, *okazachivanie*, Russian identity.

Н.Б. Яндакова

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

В статье рассматриваются обстоятельства формирования концепции татаро-монгольского ига в отечественной историографии первой четверти XIX века. Эта проблема была концептуализирована в работах писателя и историка Н.М. Карамзина и академика Х. Френа. Изначально в этой концепции отмечались негативные и позитивные стороны монгольского владычества на Руси. В статье выявляются различные взгляды, повлиявшие на определение значения «ига» в последующей истории России.

Ключевые слова: монгольское нашествие, иго, Н.М. Карамзин, Х. Френ, историография.

В отечественной историографии с начала XIX в. появляется ряд проблем, которые впоследствии в немалой степени были политизированы под влиянием «европейского взгляда» на русскую историю. К подобного рода сюжетам относится вопрос о монголо-татарском нашествии и ордынском иге. Большинство отечественных историков смотрели на проблему «ига» с позиции подчинения одного государства другим, умаления роли и влияния княжеской власти на Руси по сравнению с политическим господством Золотой Орды в Восточной Европе. Такой традиционный для российской историографии XIX–XX вв. и во многом односторонний подход приводит к созданию модернизированных концепций в системе взаимоотношений между государствами Средневековья, не учитывает специфику, характерную для политических и социальных отношений доиндустриальных обществ, сопровождается «осовремениванием» взаимоотношений между этногосударственными структурами средневековья.

В этой связи представляет интерес проблема «монголо-татарского ига» в историографическом аспекте: когда и как происходит концептуализация проблемы «ига» и кто стоял у ее истоков. Это позволит в дальнейшем увидеть, как формировались и менялись со временем взгляды на указанную проблему в отечественной историографии.

Изучение в отечественной историографии проблемы русско-монгольских отношений XIII–XV вв. неоднократно становилось предметом рассмотрения многих ученых, в основном советского периода, когда накопилось достаточное количество мнений и точек зрения как на отдельные периоды и проблемы, так и по обобщающим выводам концептуального плана. Различные по целям и задачам историографические обзоры содержатся в работах Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, А.Н. Насонова, М.Г. Сафаргалиева, Л.В. Черепнина, В.В. Каргалова, Н.С. Борисова, Г.А. Федорова-Давыдова, И.Б. Грекова, Д.Ю. Арапова, А.А. Арслановой, П.П. Толочко, А.А. Горского, В.А. Чукаевой, Ю.В. Кривошеева и др. [1].

В отечественной историографии выделение проблемы взаимоотношений монголо-завоевателей и Руси приходится на конец XVIII – начало XIX в. Это время романтизма не только в литературе, искусстве, но и историописании. В этот период постепенно формируется общественное и национальное самосознание, растет патриотизм (особенно после Отечественной войны 1812 г.), русское дворянство всё четче осмысляет свою русскую этнокультурную идентичность [2]. Эти социально-психологические основы формирования русской национальной культуры Нового времени непосредственно повлияли и на становление русской национальной историографии, ее начального «романтического» периода. В русском общественном сознании были сильны воспоминания о событиях 1812 г., что наложило отпечаток на изображение событий древних, связанных с татаро-монгольским нашествием. Всё это драматизировало восприятие событий средневековой русской истории, связанных с монголо-татарским нашествием и последовавшим за ним игом.

Фактически «последний русский летописец» (характеристика писателя и историографа Н.М. Карамзина, данная советским историком Н.Я. Эйдельманом) заложила фундамент концепции татаро-монгольского ига. Летописное восприятие монгольского нашествия через призму религиозно-эсхатологического сознания русскими летописцами передано и романтику-историографу Карамзину, ярко и трагически обрисовавшему Батыево нашествие и его последствия. Романтическая чувственность и сопереживание в его текстах во многом инициированы летописным нарративом. Россия – «обширный труп после нашествия Батыева» [3], – так писатель определяет непосредственные результаты первых походов монгольских ханов на Русь. Период ордынского владычества характеризуется Карамзиным также негативно: «...Изнузив государство, поглотив гражданское благосостояние оно, унизило самое человечество в наших предках, и на несколько сот веков оставило глубокие, неизгладимые следы, орошенные кровью и слезами многих поколений» [4]. Характерно, что историограф использует для оценки «ига» эмоциональные категории – прежде всего «унижение» человеческого достоинства. Эта нравственная категория была важна для дворянского самосознания. Оценочные категории эпохи сентиментализма присутствуют в обобщениях Н.М. Карамзина, когда он пытается суммировать излагаемый материал и делать обобщающие выводы о степени влияния ига на историческую судьбу России. «Сень варварства, – пишет он, – омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу...», «Россия терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!» Ордынское иго как причина отставания Руси от «государств Европейских» – таков первый основной вывод «западника» Н.М. Карамзина. Однако в оценке общего воздействия владычества монгольского и ордынского ига на Русь историк более аналитичен. Оказывается, что в течение более чем двухсот лет ига, русские князья позаимствовали многое, что вошло в плоть Российского государства и эти новации не всегда были отрицательными: благодаря им были ликвидированы междоусобия и «восстановлено самодержавие», сама Москва была «обязана своим величием ханам» [5]. Более того, по мнению современных исследователей, «Карамзин первым из историков выделил влияние монгольского нашествия на развитие Руси в большую самостоятельную проблему отечественной науки» [6].

Историческая концепция Н.М. Карамзина по вопросу татаро-монгольского ига получили широкое распространение среди современников, закрепилась в общественном сознании последующих поколений в силу авторитетности и популярности автора «Истории Государства Российского».

Однако не только эпоха русского романтизма способствовала своеобразию карамзинского взгляда на эту проблему.

При анализе литературы, использованной Н.М. Карамзиным в III и IV томах «Истории государства Российского», бросается в глаза достаточно частое упоминание труда

французского историка-ориенталиста XVIII в. Ж. Де Гиня «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар в древности и от Иисуса Христа до настоящего времени», вышедшего в 4-х томах в 1756–1758 гг. (том 5 появился в 1824 г.) [7]. Монголов и их место в мировой истории Ж. Де Гинь определяет следующим образом: «Народ, который вызвал большой переворот и который образовал затем империю, самую обширную из всех, какие мы знаем, не был вовсе ни цивилизованным народом, ни стремившимся распространить мудрость своих законов. Это был варварский народ, который отправился в самые отдаленные страны только затем, чтобы захватить все богатства, обратить народы в рабство, вернуть их к варварскому состоянию и сделать свое имя устрашающим» [8].

Сочинение француза Ж. Де Гиня было наиболее значительным и популярным исследованием по монгольской истории в Европе в XVIII в. [9]. Н.М. Карамзин – русский представитель европейского Просвещения, был не только знаком с работами своих современников историков, но и включал их некоторые выводы в свои труды.

Таким образом, концептуализация проблемы монгольского ига в сочинении Н.М. Карамзина в определенной степени навеяна европейской ориенталистической историографией. Подобные востоковедческие штудии по изучению «татарского мира» в русской академической исторической науке только начинают появляться. «Историческая наука в первой четверти XIX в. находилась в Академии в явном упадке» [10]. В основном немецкие по происхождению ученые, входившие в состав кафедр истории, занимались в основном вспомогательными историческими дисциплинами (нумизматикой, генеалогией, хронологией), при этом их работы по русской истории издавались на немецком языке. Так, избранный в 1817 г. российским академиком Х.Д. Френ был нумизматом, специалистом по восточным (джучидским) монетам [11]. Его научная деятельность отражала первые шаги русского востоковедения. Но он был пионером ордынской нумизматики, стремившимся на основании конкретного источника – джучидских монет – составить хронологическо-событийный и персональный «костяк» истории Золотой Орды. Дело в том, что «именно в первые десятилетия XIX в. во Франции, Англии, Германии возникают первые востоковедные научные общества, начинают издаваться специальные востоковедные журналы и т. п.» [12]. Х.Д. Френ смог шире своих предшественников посмотреть на проблемы, стоящие перед русской исторической наукой. Он становится основателем русской школы востоковедения, а его предыдущие занятия монгольской проблематикой определили первоочередные приоритеты русской ориенталистики. «Х. Френ был в курсе всей востоковедческой литературы своего времени и как крупнейший историк Золотой Орды имел твердые взгляды на роль монгольского завоевания в истории России», – отмечал А.Ю. Якубовский [13]. В 1826 г. Академия наук объявила конкурс на тему «Какие последствия произвело господство Монголов в России и именно какое оно имело влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оно, равно как и на просвещение и образование народа?» За постановкой задачи следовали и рекомендации. «Для надлежащего на сей вопрос ответа, требуется, чтобы оному предшествовало полное описание внешних отношений и внутреннего положения России до первого вторжения в оную Монголов и чтобы впоследствии показано было, какие именно перемены произведены господством Монголов в состоянии народа, причем желательно бы было, чтобы кроме рассеянных показаний, содержащихся в русских летописях, помещено было сличение всего того, что может быть почерпнуто из восточных и западных источников относительно тогдашнего состояния Монголов и обращения их с покоренными народами» [14].

Сформулированная задача была своеобразной перспективой будущих исследований. Фактически как собственно сама формулировка задачи, так и пояснений к ней, практически без изменений, сохраняют актуальность и по сей день. Тем не менее, уже в этом первоначальном определении научных целей имелась определенная заданность: заранее как бы констатировалась «господство» монголов на Руси, хотя именно доказательство или опровержение этого и должно было стать основной задачей иницируемых исследований.

Однако конкурс 1826 г. так и не привел к желаемому результату и был возобновлен по предложению Х.Д. Френа в 1832 г. Академией наук ещё раз была представлена написанная Х.Д. Френом «Программа задач» [15], однако более обширная и уточненная. Более развернутым оказалось и вступление. «Владычество Монгольской династии, известной у нас под именем Золотой Орды, у Магометан под названием Улуса Джучи, или Чингизова Ханства Дешткипчакского, а у самих Монголов под наименованием Тогмака, бывшей некогда в течение почти двух с половиною веков ужасом и бичом России, державшей ее в узах безусловного порабощения и располагавшей своенравно венцом и жизнью Князей ее, владычество сие долженствовало иметь более или менее влияния на судьбу, устройство, постановления, образование, нравы и язык нашего отечества. История сей династии образует необходимое звено Российской истории, и само собою ясно, что ближайшее познание первой, не только служит к точнейшему уразумению последней, в сем достопамятном и злополучном периоде, но и много способствует к пояснению наших понятий о влиянии, которое Монгольское владычество имело на постановления и народный быт России» [16].

Сравнивая «задачи» 1826 и 1832 г. можно отметить некоторое смещение акцентов. Во-первых, существенно большее место теперь уделяется необходимости изучения собственно истории Золотой Орды [17]; во-вторых, только намеченная прежде направленность на «владычество» монголов на Руси теперь развивается в целую концепцию. Говорится (в духе «норманской проблемы») о «монгольской династии», образующей «необходимое звено Российской истории». «Ужас и бич» России – монгольские ханы – держали ее «в узах безусловного порабощения», а «венцом и жизнью» князей распоряжались «своенравно». Кроме этого, обращает внимание и переход, так сказать, на карамзинский стиль изложения (чего стоят те же «ужас и бич» и проч.).

Так была заложена основа будущих – не только XIX, но и XX в. – исследований по русско-ордынской проблематике. Взгляды Н.М. Карамзина, изложенные им в IV и V томах «Истории Государства Российского», и академические конкурсы 1826 и 1832 г. дали сильнейший толчок в изучении темы «Русь и монголы» [18]. Уже в 20–40-х годах XIX века в отечественной историографии появляется много работ, прямо или косвенно развивающих те или иные суждения карамзинской концепции и других ученых авторитетов. Нередко мысль Н.М. Карамзина о замедлении хода исторического развития Руси вследствие монгольского ига в популярно-публицистических работах уже в конце первой четверти XIX в., доводилась до крайности, утверждалось о всеобщем влиянии монголов на все уровни общественной жизни Руси, что способствовало превращению русских в «народ азиатский». Подобная тема становится почти общим местом в статьях и рассуждениях на страницах периодической печати (причем наиболее популярных журналов), утверждаясь, вследствие этого в качестве историографического паттерна, репродуцируемого в сфере образования и общественном сознании.

Позднее своеобразная «карамзинская» идея наиболее видного последователя нашла в лице Н.И. Костомарова. «Где только славяне были предоставлены самим себе, – пишет историк, – там они оставались с своими первобытными качествами и не выработывали никакого прочного общественного строя, пригодного для внутреннего порядка и внешней защиты. Только крепкое завоевание или влияние иноземных стихий могло бы привести их к тому» [19]. Эти положения даже А.Н. Насонов назвал «фантастической теорией» [20]. Так, например, историк Н.И. Костомаров, следуя идеям Н.М. Карамзина, объяснял происхождение самодержавной власти на Руси татарским завоеванием: при монголах «исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство пред высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души», произошло «падение свободного духа и отупение народа» [21]. В целом для Н.И. Костомарова с завоевания монголов «начался великий переворот русской истории» [22].

Таким образом, с первой четверти XIX в. «монгольский вопрос» становится одной из важных проблем в отечественной историографии. У истоков ее концептуализации стояли писатель-историк Н.М. Карамзин и академик Х.Д. Френ, они исходили из назревшей потребности определения роли монголов в средневековой русской истории. На концептуализацию «монгольского ига» в карамзиновском «видении» повлияла летописная традиция, личностные приоритеты и западническое мировосприятие самого Карамзина, а также первые опыты западноевропейского востоковедения. Литературный талант «последнего русского летописца» Карамзина определил долгую историографическую жизнь тем оценкам монгольского владычества на Руси, которые были даны в знаменитой «Истории Государства Российского».

Примечания

1. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1) Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV вв.). Л., 1937. С. 3-10, 193-202; 2) Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 5-12; Насонов А. Н. Татарское иго в освещении М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Ч. 2. М.; Л., 1940; Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов в России // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 31-95; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 3-18; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 218-255; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 18-25; Борисов Н. С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. Вып. V. М., 1976. С. 129-148; Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М., 1980. С. 113-118; Арапов Д. Ю. Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 70-77; Арсланова А. А. Из истории изучения Золотой Орды по данным персидских источников XIII – первой половины XV вв. в отечественной историографии // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С. 11-130; Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 165-167; Горский А. А. Русские земли в XIII-XV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 56-57, 107-108; Чукаева В. А. Русские княжества и Золотая Орда. 1243-1350 гг. Днепропетровск, 1998. С. 4-19; Христианский мир и «Великая монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 32-39 и др.; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003; Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004; Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига». 30–40-е гг. XIII века. СПб., 2004.

2. См.: Стенник Ю. В. Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 17, 19, 20; Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры: Первая половина XIX века. М., 1975. С. 8.

3. Карамзин Н. М. История Государства Российского : в 12 т. М., 1992. Т. V. С. 205.

4. Карамзин Н. М. История Государства Российского : в 12 т. М., 1991. Т. II-III. С. 462.

5. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. V. С. 201, 202, 208. См. также: Борисов Н. С. Отечественная историография... С. 130-132.

6. Борисов Н. С. Отечественная историография... С. 132.

7. Карамзин Н. М. История Государства Российского : в 12 т. Т. II-III. С. 751; Т. IV. С. 423.

8. Цит. по: Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – сер. XX вв.). М., 1988. С. 40.

9. Там же.

10. См.: История Академии наук СССР : в 3-х т. Т. 2. 1803-1917. М.; Л., 1964. С. 67.

11. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003. С. 89.

12. Гольман М. И. Изучение истории Монголии... С. 143, прим. 57. О влиянии на русское востоковедение ряда идей, «господствовавших в западноевропейской ориенталистике», писал Д. Ю. Арапов (Арапов Д. Ю. Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды. С. 70). См. также: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 602-604; ср.: Кожин В. В. Загадочные страницы истории XX века. М., 1995. С. 229, 231-232.

13. Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов в России // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 39.

14. Арапов Д. Ю. Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды. С. 70-72.

15. Кривошеев Ю. В. Указ. соч. С. 90.

16. Цит. по: Там же. С. 91.

17. Там же.

18. Там же С. 92.

19. Костомаров Н. И. Начало единой державы в древней Руси // Костомаров Н. И. Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. 5. Т. XII-XIV. СПб., 1905. С. 5.

20. Насонов А. Н. Татарское иго в освещении М. Н. Покровского. С. 61.

21. Костомаров Н. И. Начало единой державы в древней Руси. С. 47.

22. Там же.

N.B. Jandakova

THE CONCEPTUALIZATION OF THE TATAR-MONGOLIAN YOKE IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

The article deals with the formation of the concept of the Tatar-Mongol yoke in the Russian historiography. This problem in the first quarter of the XIX century was conceptualized in the works of the writer and historian N.M. Karamzin and academician H. Fren. Initially, in this concept there is noted the negative and positive aspects of Mongol rule in Russia. The article reveals the reasons that influenced the ambiguous definition of the role of the "yoke" in the medieval history of Russia.

Keywords: Mongolian invasion, yoke, N.M. Karamzin, H. Fren, historiography.

А.И. Лубков

О ПРИЧИНАХ И ПЛАНАХ ПЕРЕНОСА КУБАНСКОЙ ЛИНИИ НА РЕКИ ЛАБУ И БЕЛУЮ

В 40-е гг. XIX века Россия приступает к колонизации Закубанья, включенного в состав империи ещё в 1829 г. В этот период происходит перенесение правого фланга Кавказской линии с Кубани на Лабу и заселение местности между ними казачьими станицами. В статье анализируется процесс планирования и выработки решения, предшествовавший переносу Кубанской линии.

Ключевые слова: Российская империя, П.Х. Граббе, Г.Х. Засс, Кубанская линия, Лабинская линия, горцы.

По Адрианопольскому миру с Турцией 1829 г. Закубанье вошло в состав России и перед ней встаёт проблема включения региона в общеимперское пространство. Но польские и европейские события, необходимость создания крепостей по побережью Чёрного моря надолго отвлекли правительство от колонизационных проектов на Северо-Западном Кавказе. И только в 1840-1841 гг. было осуществлено перенесение Кубанской кордонной линии на р. Лабу. Параллельно с этим планом рассматривался вариант перенесения кордонной линии глубже в Закубанье, на р. Белую. Целью данной статьи является анализ

планов переноса линии на р. Лабу и на р. Белую, а также причин переноса Кубанской линии на р. Лабу.

Данный вопрос слабо освещён в отечественной историографии, что и побудило нас специально к нему обратиться. Источниками для написания статьи послужили акты, собранные Кавказской археографической комиссией и материалы фонда № 347 «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии, станица Лабинская» Государственного архива Краснодарского края.

Перенесению Кубанской кордонной линии на р. Лабу предшествовали активные действия начальника Кубанской кордонной линии Г.Х. Засса по покорению проживавшего между Кубанью и Лабой черкесского населения. В течение нескольких лет (с 1834 г.) проводились экспедиции с целью наказания горцев за хищнические набеги, разорения наиболее враждебных аулов и нанесение контрударов по группам, намеревающимся вторгнуться на подконтрольные России территории. Уже к 1837 г. местное население в этой части Закубанья в большинстве своем либо переселилось за Лабу, либо изъявило покорность, и было переселено к берегам Кубани [1].

Для закрепления и развития достигнутых успехов в 1837 г. Г.Х. Засс представил царю через командующего Отдельным Кавказским корпусом барона Е.Ф. Розена проект устройства новой оборонительной линии по р. Лаббе. Предполагалось построить укрепления, поставить боевые посты, а затем станицы от истоков Большой Лабы до устья Лабы. Также планировалось приписать черкесов к казачьим станицам целыми племенами или аулами [2].

Проект имел следующие обоснования:

1. Окончательное замирение племен, проживающих между Кубанью и Лабой и улучшение положения враждебных залабинских племён. «Пока горские племена, обитающие между Лабой и Кубанью, не будут совершенно отрезаны от наиболее враждебных России племён, Шапсугов и Нотухайцев, нельзя будет воздействовать на последних» [3].

2. Сокращение охраняемой границы. В географическом плане новая линия должна быть короче предыдущей и её обслуживание потребует меньшее количество войск. Кубань «от проходимых вершин своих до Усть-Лабы имеет около 350 верст, Лаба 194, то есть 160 верстами меньше» [4].

3. Выпрямление границы с целью лучшего реагирования на угрозы и защиту кубанских земель. «Кубанская линия своим вогнутым положением представляет большие затруднения к защите и доставляет горцам возможность, собравшись на Лаббе или Белой, угрожать в одно время всем пунктам и станицам от Усть-Лабы до Кисловодской линии» [5].

4. Новая линия полностью прикроет Кисловодскую, что позволит если не уничтожить её, то значительно сократить войска и военные объекты на ней. «Уже не Кубань, а Лаба составляет настоящий рубеж между местами нам подвластными и теми, в которых непокорные горцы могут пользоваться некоторою свободою» [6].

В феврале 1837 г. Николай I утвердил проект новой линии и перенос на Лабу системы военных укреплений, кордонов и станиц [7]. Начался процесс обсуждения конкретных действий по переносу линии. Предполагалось построить три укрепления, первое в 4 верстах ниже Тамовского аула у истоков Большой Лабы, второе у ручья Арджин в 4 верстах от Лабы и третье на правом берегу Лабы в 25 верстах ниже второго укрепления. Так же планировалось перестроить Георгиевское укрепление на р. Уруп, которое, вместе с Вознесенским, обеспечит сообщение Лабинской линии с Кубанской, а на пространстве новой линии поселить 14 казачьих станиц [8]. Однако в сентябре император, посетив Кавказ, остался недоволен общим состоянием края. Е.Ф. Розен был смещён, а на его место назначен генерал Е.А. Головин.

К 1838 г. был намечен план действий по перенесению Кубанской линии на Лабу, но в связи с обострением ситуации в Дагестане Е.А. Головин решил отложить устройство Лабинской линии до 1840 г. [9].

В феврале 1839 г. Николай I, желая «сделать с северной стороны более решительный приступ к горам Кавказским» интересовался у начальника Кавказской линии П.Х. Граббе о возможности и целесообразности вместо перенесения кордонной линии на р. Лабу перенести её на р. Белую. В свою очередь П.Х. Граббе затребовал мнения Г.Х. Засса. По этому вопросу он изложил следующие соображения: план требует несравненно больше и войск и других средств, чтобы выполнить его в срок, поскольку в горах (между Лабой и Белой) «кроме немногих мирных аулов, остальные народы никогда не были покорены нашим оружием» и будучи «многочисленны, разрозненны, живя не большими аулами, не имея князей и не сосредоточены ни под какой властью; живя вольно, довольствуясь малым, они упорно защищают свою независимость, под покровительством своей твёрдой, горной местности». Без предварительной военной подготовки потребуется много крепостей и пехоты в их гарнизоны, а так же «конных казаков для частых усиленных постов и разъездов между ними». Но и этого недостаточно, «будут хищнические набеги и прорывы особенно в горах и ущельях вверх от Майкопа». Потребуется ведение наступательной войны, по итогам которой вероятны три варианта развития событий: 1) черкесы уйдут ещё дальше в горы, 2) переселятся на нашу сторону, 3) останутся на месте и будут подчинены строгим правлением. Во втором случае малопокорные аулы будут переселены ближе к Кубани, покорные ближе к Лабой и Белой, а на их места вновь покоряемые племена. Начать описанные мероприятия лучше всего как можно раньше, а именно осенью 1839 года [10].

Между Лабой и Белой планировалось построить десять крепостей и посты между ними, причём к пяти крепостям необходимо было строительство дорог. Указывались следующие выгоды занятия Закубанских земель по р. Белую: 1. Обеспечение полного спокойствия на этих местах. 2. Пресечение средств хищническим партиям достигать Кубани. 3. Упрочнение оседлости всех мирных закубанских народов. 4. Возможность обратить в казаки часть местного населения. 5. Распространение владений в местах с богатой природой. 6. Вытеснение неприятеля вдаль от нашей границы. 7. Крепости будут центрами военных операций, управления горцами и их будущей мирной жизни [11].

Однако, трезво оценив ситуацию, П.Х. Граббе пришёл к выводу, что «сколь ни обширны и ни очевидны, выгоды доставляемые устройством Белореченской линии, взгляд на положение края прилегающего к реке Белой удостоверяет в трудности и почти в невозможности теперь приступить к исполнению этого предприятия» [12]. В таких условиях устройство линии принесёт много затруднений, потребует много войск и даже самое бдительное несение службы не сможет предотвратить большие потери среди них. Так же в этих условиях невозможно заселение казачьих станиц. Без наступательной военной операции и покорения враждебных племён строительство укреплений не доставит желаемых результатов. Поэтому было решено вернуться к реализации первоначального плана.

В 1839 г. всё было готово к перенесению линии на р. Лабу, в то время как перенесение линии на р. Белую потребовало бы гораздо больших затрат времени и денег, привело бы к большим человеческим потерям, учитывая обстановку на Северо-Западном Кавказе. Таким образом, из двух планов по перенесению Кубанской линии вглубь Закубанья был выбран первый, так как он более соответствовал положению дел в регионе и состоянию российских войск и администрации.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией : В 12 т. Тифлис, 1881. Т. VIII. № 273. С. 387 (далее – АКАК).
2. АКАК. Т. VIII. № 263. С. 361.

3. АКАК. Т. VIII. № 263. С. 361.
4. АКАК. Т. VIII. № 560. С. 649.
5. Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армиею. Тифлис, 1877. Т. II. С. 2.
6. АКАК. Т. VIII. № 560. С. 648.
7. Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 185.
8. АКАК. Т. VIII. № 560. С. 650.
9. АКАК. Т. IX. № 245. С. 231.
10. Государственный архив Краснодарского края Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. (далее – ГАКК).
11. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
12. АКАК. Т. IX. № 358. С. 406.

A.I. Lubkov

ABOUT CAUSES AND PLANS OF THE KUBAN LINE TRANSFER TO THE LABA AND BELAJA RIVERS

In the 40-ies of the XIX century Russia begins to colonization of the Trans-Kuban territory included in the empire in 1829. In this period is implemented the transfer of the right flank of the Caucasian line from the Kuban on the Laba and settlement this area a Cossack villages. The article analyzes the planning and the decision-making process preceding the transfer of the Kuban line.

Keywords: Russian Empire, P.H. Grabbe, G.H. Zass, Kuban line, Laba line, Bergsteiger.

Н.С. Ткаленко

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ПОДДАНСТВУ РОССИИ ЗАКУБАНСКИХ НАРОДОВ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПОЛИТИКИ И.Ф. ПАСКЕВИЧА (1827-1831 гг.)

В статье рассмотрено одно из направлений политики Ивана Фёдоровича Паскевича по отношению к закубанским народам, а именно, привлечение горцев Северо-Западного Кавказа к верно-подданству России в период его управления Кавказом (1827-1831 гг.). Для этого использовались разные методы: подарки, поддержка мирных горцев, награды тем, кто приводил на сторону России непокорных и др. Была сделана попытка создания Миссионерского общества. Часть горцев Закубанья приняли российское подданство, что сыграло позитивную роль в умиротворении региона.

Ключевые слова: Россия, Северо-Западный Кавказ, И.Ф. Паскевич, политика, подданство, присяга, горцы.

В конце XVIII – первой трети XIX века Северо-Западный Кавказ неизменно находился в сфере интересов российского правительства. Особую роль в реализации политики в регионе играл институт наместников. Их разносторонняя политическая деятельность оказывала серьёзное воздействие на развитие событий в регионе. Целью данной работы является рассмотрение одного из направлений политики генерала Ивана Фёдоровича Паскевича по отношению к закубанским народам, а именно, привлечение горцев Северо-Западного Кавказа к верно-подданству России в период его управления регионом (1827–1831 гг.). Источниками послужили документы, опубликованные в актах Кавказской археографической комиссии, а также материалы, выявленные автором в Государственном архиве Краснодарского края.

Дореволюционный историк В.А. Потто отмечал, что И.Ф. Паскевич при вступлении на пост наместника обращал внимание не только на военные, но и на мирные методы умиротворения региона. «Он видел, что отдельные экспедиции, предпринимаемые для

наказания горцев, мало приносили пользы... советовал покорять горцев не оружием, а культурой во всем её широком объеме, т. е. просвещением, торговлей, водворением среди народа роскоши и даже пьянства» [1].

После мирных мероприятий наблюдались частые случаи присяг на верноподданство России со стороны закубанских горцев. По мнению Ф.А. Щербины, к 1827 году уже большая часть натухайцев считалась мирными соседями России. Настолько мирными, что «когда генерал Власов разорил несколько натухайских аулов, то по жалобе натухайцев этот генерал был отрешён от должности и предан суду» [2]. Известно, что в июле того же года, пройдя бугазский карантин, натухайский дворянин Нагой-зей принял верноподданство российского императора и перешёл на сторону России [3].

24 июля 1828 года гатукайские князья: Джан Кирей, Аладжуг, Хан Крим Кирей и дворяне, им принадлежащие (Ханач, Гусейн, Магмет, Мула, Ислам, Сары Гусейн, Оран, Тарух, Пшекуй, Мустафа, Шангирей, Муса, Бат Гирей, Мегмед Али, Салтан, Бей и другие), всего 51 человек дали присягу российскому императору, а князь Джан Кирей для службы России отдал своего родного племянника Ногая в аманаты [4].

В апреле 1829 года, по указанию Николая I, решено было приступить к устройству Миссионерского общества на Кавказе. Цели деятельности миссионеров имели политический характер. Прежде всего, их задача заключалась в сближении непокорных горских народов с Россией через проповедническую деятельность. Они должны были рассказывать горцам о христианской православной вере, об устройстве государственного аппарата Российской империи, об истории России, приводить многие героические события и факты, подвиги русского народа, показывая при этом мощь российского государства, давать горцам познания в анатомии и медицине, тем самым добывая их доверие. Российское правительство видело в данных Миссионерских обществах путь умиротворения региона, которые способствовали бы росту количества горцев, переходивших на российскую сторону. Однако, по мнению Ю.Ю. Клычникова, в связи с ростом антироссийских настроений, ведение миссионерской деятельности в горах стало затруднительно, а вскоре и невозможно [5].

2 сентября 1829 года российско-османская война 1828-1829 гг. закончилась подписанием Адрианопольского трактата, по которому Северо-Западный Кавказ переходил в состав Российской империи. Теперь закубанцы являлись уже не соседями Российской империи, а находились в её составе, что усилило политику правительства по привлечению непокорных горцев на свою сторону. Для этого использовались разные методы (подкуп, подарки, всяческая поддержка мирных горцев, награды тем, кто «расположит непокорные народы в сторону России» и др. [6].

Для более полного успеха в данном виде деятельности российское правительство даже обещало горцам Северо-Западного Кавказа сохранение своих прав. Так, при склонении на российскую сторону черченейского племени, князь Палавандов уверял горцев: «Русское правительство, оставляя вам религию, права, обычаи и собственность вашу, желает только вашего благоденствия, и на этом основании требует от вас только присяги» [7]. После этого часть горских князей с подвластным им населением принесли присяги верности Российской империи.

В 1829 году адыгский дворянин Беберда принял подданство России и переселился на правобережную Кубань с подвластными ему людьми. Через некоторое время, в том же году, ещё около 2 000 адыгов признали российское подданство [8]. В марте 1830 года темиргойский князь Шумаф Айтеков, который поначалу выступал против покорения России, принёс присягу верности российскому императору со своими подвластными людьми, живущими в восьми аулах, и попросил о переселении их с гор на правобережную Лабу [9]. Российское правительство было заинтересовано в подобном процессе для установления мира в регионе, и И.Ф. Паскевич подтвердил это в своём рапорте генералу Эмануэлю [10].

Другой темиргойский владелец Джембулат не только принял верноподданство России, но и обещал оказывать влияние на других непокорных горцев. Некоторое время у него получалось контролировать абадзехов и передавать их враждебные намерения российским властям. Джембулат сотрудничал с российским командованием и против непокорных шапсугов, находящихся недалеко от реки Абин. В конце ноября – начале декабря 1830 года о подданстве российскому императору заявили жаннеевцы, натухайцы и черченейцы [11]. Согласно М.В. Покровскому, в начале 30-х гг. XIX века отмечено много случаев переходов шапсугских дворян на сторону российского правительства [12]. Очевидно, это не случайно. Местные верхи искали покровителя, с помощью которого им легче было бы удерживать в повиновении низы адыгского общества.

Следует отметить, что на территории Северного Кавказа в данный период цель российской политики, как отмечал И.Ф. Паскевич, была направлена на установление спокойствия в регионе и привлечение горцев к подданству России. Но на Северо-Восточном Кавказе на рубеже 20–30-х гг. активно распространялся мюридизм, требовавший войны с неверными. Здесь присяги горских владельцев случались намного реже [13], чем на территории Северо-Западного Кавказа.

Современник событий и участник антироссийского движения горцев в 50-х гг. XIX века, поляк Теофил Лапинский всячески очернял горцев, принявших подданство России: «Каждый изменник или перебежчик, который должен был бежать от мести своих соотечественников, является желанным гостем в русском лагере... они русским служат шпионами, проводниками, посредниками и т. д., многие служат также в нерегулярных полках... русские за службу им платят самое меньшее по серебряному рублю ежедневно, не считая кроме этого части добычи, которая была награблена по их указанию» [14]. Но и он признавал, что уже «многие» не просто присягали, но и несли службу российскому престолу.

Таким образом, важной частью политики генерала И.Ф. Паскевича на Северо-Западном Кавказе в 1827-1831 гг. являлось привлечение горского населения на сторону России. Принятие немалым количеством горцев российского подданства в этот период сыграло позитивную роль в умиротворении региона.

Примечания

1. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 5. Тифлис, 1889. С. 5.
2. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2 : История войны казаков с закубанскими горцами. Краснодар, 2007. С. 660-661.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 244. Л. 13.
4. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.
5. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 280-282.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 896.
7. Там же. С. 898.
8. Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М., 2010. С. 208.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 892.
10. Там же. С. 894.
11. Там же. С. 896-897, 899.
12. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 161.
13. Великая Е. В., Великая Н. Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг.) / под ред. проф. С. А. Головановой. Армавир, 2015. С. 103-104.
14. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских : [пер. В. К. Гарданова]. Нальчик, 1995. С. 159.

N.S. Tkalenko

INVOLVEMENT IN CITIZENSHIP OF RUSSIA THE PEOPLES OF ZAKUBANJE AS ONE METHOD OF POLICY I.F. PASKEVICH (1827-1831)

In article one of the directions of policy of Ivan Fyodorovich Paskevich in relation to the zakubansky people, namely, involvement of mountaineers of the Northwest Caucasus to allegiance of Russia during his management (1827-1831) of the Caucasus is considered. Different methods were for this purpose used: gifts, support of peace mountaineers, awards that who brought on side of Russia rebellious, etc. Has made attempt of creation of Missionary society. A part of mountaineers of Zakubanje have become the Russian citizen that has played a positive role in a region pacification.

Keywords: Russia, Northwest Caucasus, I.F. Paskevich, policy, citizenship, oath, mountaineers.

Т.М. Логиновская

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается процесс формирования системы образования на Кубани в первой половине XIX в. Освещается создание первых учебных заведений и содержание в них образовательной деятельности, раскрывается роль К.В. Россинского и Г.А. Рашпиля в развитии кубанского образования, подводятся основные его результаты XIX в.

Ключевые слова: образование, учебные заведения, казаки, Черноморское войско, Кубань.

Развитие образования на Кубани в первой половине XIX в. определялось как влиянием процесса освоения казаками Северного Кавказа, так и общими тенденциями формирования российской образовательной системы. Благодаря деятельности царского правительства и лично императора Александра I с начала XIX в. были приняты важные меры по созданию единых требований к организации учебных заведений. В 1802 г. было образовано Министерство народного просвещения, определены его функции и основные задачи. По указу императора были разработаны единые «Правила народного просвещения» и положение «О заведении училищ». При Министерстве было создано Главное правление училищ (Комитет), одним из первых начинаний которого стало деление территории России на шесть учебных округов: Московский, Петербургский, Белорусско-Литовский (Виленский), Дерптский (немецкий), Харьковский, Казанский. Кубань вошла в состав Харьковского округа [1].

Внедрение российской системы образования на Кубани происходило гораздо медленней, чем в других районах страны, что объяснялось повседневными трудностями казаков при освоении новых территорий. Их заботы были, прежде всего, связаны с обустройством быта, решением продовольственной и других проблем, несением службы и пр. Тем не менее, и в таких сложных условиях казаки уделяли внимание обучению грамоте подрастающего поколения. В основном этим занимались приходские дьяки и другие служители культа, по инициативе которых создавались небольшие школы. Грамотного человека на Кубани называли «письменным», а пишущего с крючками и без препинаний величали «бумажным». Бумажных людей в войсковых присутствиях, канцеляриях, комиссиях и станичных правлениях было много [2].

Грамоте стремились научить, прежде всего, мальчиков, что объяснялось устойчивостью патриархальных основ казачьей организации. В отношении девочек бытовало стойкое убеждение, что «девок учить нечего, пусть лучше мужьям пироги пекут, да рубахи

чинят». Образование девочкам было большей частью недоступно не только из-за существовавших стереотипов, но и потому, что в отличие от мальчиков, которым предоставлялось больше свободы, к девочкам предъявлялись повышенные требования, касающиеся домашней работы, ухода за младшими. Им просто некогда было играть и учиться. Более благосклонно общественное мнение относилось к обучению девочек в церковноприходских школах, где основное внимание уделялось религиозной литературе и рукоделию. Таким образом, девочек готовили, прежде всего, к выполнению семейных, домашних обязанностей [3].

Началом создания государственно-организованной системы школьного образования на Кубани можно считать открытие в 1803 г. в Екатеринодаре первой войсковой школы. В 1804 г. на ее базе было создано войсковое училище, главную роль в организации которого сыграл протоиерей К.В. Россинский, ставший в этом училище смотрителем. В первые годы после открытия оно было чисто казачьим. Материальные средства, оборудование, помещения, подбор учебного персонала и организацию учебного дела казаки вели на собственные средства. Стимулирующим фактором к получению образования было то, что неграмотные казаки не могли получить офицерского звания. Это требование было установлено в соответствии с Указом Военной коллегии и Военного министерства от 31 августа 1803 г. «О предоставлении Черноморского войска к производству в хорунжие грамоте умеющих». Казаки одобрительно относились к образованию и в 1805 г. пожертвовали на развитие войскового училища 4 376 руб. [4].

Следующим этапом в деле становления и развития народного образования стало открытие в 1812 г. первых в Кавказском крае приходских школ на Тамани, в Щербиновском и Брюховецком, а затем и в Гривенском (Новонижестеблиевском) куренях. В течение последующих двух лет (1818-1819 гг.) были открыты еще шесть приходских школ: в куренях Темрюкском, Роговском, Кушевском, Медведовском, Леушковеком и Пластуновском [5]. К 1920 г. в приходских училищах Черномории обучалось 300 человек [6].

Отличительной особенностью образовательного процесса в первой половине XIX в. являлось его религиозное содержание и направленность. Познание мира происходило через изучение Закона Божьего. Социализация подрастающего поколения осуществлялась посредством основных христианских заповедей. В двухклассных церковноприходских школах преподавали краткую церковную отечественную историю, географию с краткими сведениями о явлениях природы, черчение и рисование. Уроки русского языка проходили с объяснением прочитанного, письмом под диктовку, кроме того, надо было знать необходимые грамматические правила, употребляемые при написании. Учащихся знакомили с географическими понятиями, частями света. Изучение истории начинали с краткого изучения истории населенного пункта и русской истории, арифметики – с нумерации, решения практических задач и ведения счетов [7].

В конце 1820-х гг. на смену достаточно быстрого формирования на Кубани сети учебных заведений приходит временный упадок. Причины его были связаны как с недостаточным вниманием к развитию образования на Северном Кавказе царского правительства, так и казачьих властей. Так, в 1828 г. в Екатеринодаре была закрыта войсковая гимназия. Причину медленной «смерти» гимназии современники усматривали и в «невнимании черноморцев к образованию юношества», и в недостатке воспитанников: в 1827 г. (за год до закрытия) в ней числился один ученик в четвертом классе, два – в третьем классе, четверо и один слушатель гимназических наук – в первом классе. Неаккуратное посещение занятий и слабые знания, высказанные учащимися на экзаменах, заставили администрацию гимназии оставить весь состав учащихся на второй год в тех же классах [8].

Как бы консервативны ни были устремления правительства, развитие образования обуславливалось самим существованием аппарата государственной власти. Ради его

укрепления приходилось заботиться и об учебных заведениях. В 1830-е – 1840-е гг. сложилась более совершенная система образования, общая для Кубани и Ставрополя. Ее опорой стали открытая в 1837 г. в Ставрополе мужская гимназия с «благородным пансионом» и несколько государственных и частных учебных заведений для девушек из дворянской и разночинной среды [9].

Большое значение в развитии образования на Кубани сыграл Г.А. Рашпиль, назначенный в 1842 г. начальником штаба Черноморского казачьего войска с правом занимать место наказного атамана. Заботясь о просвещении, он добился восстановления войсковой гимназии, способствовал открытию училищ. Проблему женского образования планировал решить не только путем приобретения вакансий в учебных заведениях страны, но главным образом путем учреждения собственного женского учебного заведения в войске. Когда к Рашпилю обратились с просьбой об учреждении женского монастыря, то главным условием его основания Рашпиль назвал открытие при нем женской богадельни и женского училища [10].

Благодаря Рашпилю и его сторонникам с 1850-х гг. система среднего образования на Кубани стала приобретать черты законченности и известной региональной автономности. Созданная в первой половине XIX сеть учебных заведений и сложившаяся система образовательной деятельности стали основой для последующего динамичного развития кубанского образования.

Примечания

1. Шкилева О. В. Из истории образования на Кубани (дореформенный период) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 23.
2. Там же. С. 24.
3. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001. С. 203.
4. Шкилева О. В. Указ. соч. С. 25.
5. Трехбратова С. А. Зарождение и развитие народного образования на Кубани (конец XVIII – начало XX вв.). Краснодар, 2005. С. 21.
6. Бардадым В. П. Этюды о прошлом и настоящем Краснодара. Краснодар, 1978. С. 67.
7. Шкилева О. В. Указ. соч. С. 24.
8. Трехбратова С. А. Указ. соч. С. 25.
9. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 312.
10. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 375.

T.M. Loginovskaja

THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE KUBAN IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Describes a process of forming of the educational system in the Kuban region in the first half of the 19th century the first highlights the educational establishments and the maintenance in them of educational activities, examines the role of K.V. Rossinskij and G.A. Rashpil in the development of education, summarizes the main Cuban its results of the nineteenth century.

Keywords: education, educational institutions, the army, the Black Sea Cossacks, Kuban.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
ПОД ВЛИЯНИЕМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Во второй половине XIX в. после окончания военных действий т. н. Кавказской войны, на Северо-Восточном Кавказе происходит трансформация сельского хозяйства на капиталистической основе. Земледелие и скотоводство всё больше ориентируются на рынок, что приводит к серьёзным социальным изменениям в горской и казачьей среде. Однако малоземелье и пережитки феодализма сдерживают поступательное развитие края, сохраняя здесь серьёзное социальное напряжение, чреватое будущими потрясениями.

Ключевые слова: общинное землевладение, обезземеливание, зерноводство, виноградарство, табаководство, скотоводство, садоводство, капиталистическая модернизация.

Преимущественно аграрный характер хозяйства терских казаков и горцев делал его достаточно консервативным. Но завершившийся период военно-политической нестабильности на Северо-Восточном Кавказе, череда буржуазных реформ, которые переживала страна, оказали воздействие и на эту сферу деятельности. Она неминуемо должна была измениться с учётом новых исторических реалий. Предполагалось, что в новых условиях произойдут не только экономические, но и социальные трансформации, а население в полной степени ощутит себя равноправными подданными империи [1]. Касалось это, прежде всего горских народов, которые далеко не сразу приняли новый образ жизни, принесённый им имперской властью.

Действовать предстояло крайне осторожно. На Кавказе весьма болезненно воспринимался вопрос, связанный с земельной собственностью, поэтому местная администрация стремилась соблюсти консенсус интересов разных слоёв общества, нередко откладывая решения проблемы на более поздний период [2]. Естественно, что такая практика не могла не загонять проблему внутрь. Аграрные преобразования откладывались, а местные народы, и без того испытывавшие настоящий культурный шок от изменения привычного образа жизни, переживали дополнительные тяготы и винили в происходящем государство [3].

Суть проблемы заключалась в том, что «состоявшиеся в прежнее время распоряжения кавказского начальства о временном распределении земель между населением, а также и решения по поземельным спорам, возникавшим между аульными обществами и частными лицами, далеко не отличались последовательностью, и оттого, в руках народа и частных лиц, не редко служили основанием для различных домогательств, исполнение которых, по меньшей мере, было бы несправедливостью по отношению к другой, также заинтересованной в деле стороне. И всё это осложнялось ещё тем, что в прежнее военное время и начальник отряда и комендант и пристав считали себя вправе распоряжаться распределением земель между народами» [4].

На самом деле российские власти не оставили эту проблему без своего внимания. Они выкупали земли у горских феодальных владельцев и передавали их горским общинам. Конечно, говорить о принципе социального равенства не приходилось. Большая часть наделов оставалась в руках знати. Так, в Дагестане на один крестьянский двор пришлось не более пяти десятин земли. Но такая ситуация здесь сложилась исторически, а имперская администрация сочла опасным вмешиваться в укоренившуюся практику.

В ходе вооружённого противостояния, имевшего место в предшествующие десятилетия, местные общества не раз вынуждены были покидать родные селения и обустраиваться

на новом месте. Это приводило к тому, что люди утрачивали чувство хозяина, лишались стимула рачительно обустроить доставшийся им земельный участок. В условиях распространения рыночных отношений от такой практики следовало отказаться. И власть, и автохтонное население были жизненно заинтересованы в скорейшем урегулировании вопросов, связанных с земельной собственностью.

Допускались ли при решении этой проблемы ошибки? Безусловно. Об этом говорили и сами современники событий. Так, в воспоминаниях Е. Маркова мы находим следующую оценку деятельности кавказской администрации: «Многие из влиятельных горцев, подделавшись к начальству и выдавая себя за русских сторонников, сумели выставить перед русскими своё социальное положение в среде племён и свои земельные права в таком виде, который не имел ничего общего с действительностью. Ослеплённые своими собственными сословными предрассудками и привилегиями, мы невольно рядили в феодальных помещиков своего рода этих влиятельных горцев, которые личными заслугами или заслугами отцов своих только приобрели себе несколько большие права на участие в общем владении аула» [5].

В рассматриваемый период продолжался процесс перемещения части горского населения на равнины. При этом местная администрация старалась не ущемить права казаков, которые тоже испытывали затруднения с земельным фондом. Отчасти проблему решали за счёт переселения некоторых семейств на территорию Османской империи, но в отличие от западных районов края, на Северо-Восточном Кавказе таких переселенцев было немного [6]. Примечательно, что часть местных горцев отправляли жить в другие районы Кавказа, например, в Кабарду [7].

Ситуация с новопоселенцами усугублялась тем, что они нередко вступали в земельные споры со старожильческим населением. Это также вносило определённую сумятицу и препятствовало успешному занятию сельским хозяйством. Чтобы поддержать горцев, российская администрация практиковала освобождение от налогов на пять лет. За это время можно было обзавестись хозяйством, построить жильё и т. п.

Наделение землёй на равнине происходило по принципу 33 десятины на один дым. Под этим понятием подразумевался один двор. В том случае, если земля была качественной, то размер надела мог быть уменьшен [8]. Но такой принцип распределения был далеко не оптимален. Дело в том, что число людей, входивших в один дым, было различным. Отсюда и обеспечение землёй существенно варьировалось. Но власти держались за эту норму распределения, т.к. она была удобна с точки зрения сбора налогов [9].

В условиях хронического дефицита земли добиться товарности горских хозяйств было трудноосуществимой задачей. Если какие-то хозяйства оказывались не в состоянии выплачивать подымную подать, то их фискальные обязательства перекладывались на более зажиточных соседей. Следовательно, бороться за дополнительный прибавочный продукт у них не было никакого интереса. Это грозило лишь новыми расходами, а то и разорением.

Чтобы отчасти компенсировать нехватку участка, горцы издревле практиковали террасирование, т. е. создавали искусственные поля. Но такая практика была весьма трудозатратной и плохо окупаемой. Требовалось расчистить участок земли от камней, наносить туда, причем нередко на большую высоту, достаточный для вспашки плугом (или сохой) слой земли, взятой из долин или ущелий. При этом существовал постоянный риск того, что большой ливень мог смыть наносную землю вместе с посевом. Впрочем, интересно, что в пореформенный период соха не служила синонимом отсталости, так как она была эффективна на террасе [10; 11; 12].

Естественно, что ожидать серьёзной прибыли от такой работы не приходилось. В условиях возросшей рыночной конкуренции местные земледельцы были обречены на неудачу.

Паллиативной мерой можно считать разрешение таким горным обществам расчищать участки на земле, непосредственно прилегавшей к плоскости. Их явно не хватало, да и подготовить подобный надел было весьма обременительно [13].

Известный кавказовед-этнограф Б.А. Калоев описывал процесс занятий горцев древним подсечно-огневым земледелием, когда в ходе расчистки земельных участков от леса крупный лес использовали в качестве строительного материала или топлива, мелкий складывали, сушили, а затем весной перед пахотой сжигали и разбрасывали золу по пашне для удобрения. Участок после раскорчёвки вспахивали ралом, запряжённым волами. Основным культурным злаком была кукуруза. Через 5-6 лет такой участок, выработав свой ресурс, переходил на сенокос или же под фруктовые посадки [14].

Фактически российская администрация сохранила прежние правила землепользования, рассудив, что укоренившиеся обычаи будут наименьшим злом в столь непростой обстановке. То и дело начинающиеся судебные тяжбы не могли умиротворить население, ещё больше вызывая раздражение у всех сторон конфликта [15].

На равнине, как отмечает Б.А. Калоев, вплоть до Октябрьской революции существовало в основном общинное землевладение. Вся земля – пахотная, сенокосная, выгон в лес – принадлежала обществу. Пахотные и сенокосные земли подвергались ежегодному переделу. В некоторых районах передел земли происходил один раз в несколько лет [16]. Но это лишь отбивало желание у горских крестьян налаживать капиталистическое хозяйство, не давало ожидаемого результата. Аграрное перенаселение будет той неразрешимой проблемой, справиться с которой во второй половине XIX в. так и не смогли.

Стремясь обеспечить себе опору в горской среде, имперская администрация сделала ставку на привилегированные слои общества, для которых изыскивала дополнительные возможности вознаграждения. Так, Терская сословно-поземельная комиссия (создана в 1864 г.), за пять лет своего существования выделила чиновникам, офицерам и местной знати на плоскости десятки тысяч десятин лучшей земли [17].

Таким образом, часть горской и казачьей верхушки обзавелись неплохим стартовым капиталом. Они могли легче адаптироваться в новых условиях и вести хозяйство на новых рыночных принципах. Впрочем, известны случаи, когда власти выкупали землю у местной верхушки и передавали её в руки рядовых общинников [18]. Такая практика осуществлялась за счёт казны и была направлена на обеспечение социальной стабильности в регионе. Как и прежде, экономическая целесообразность уступала место политическим интересам России в этом регионе.

Далеко не все казачьи офицеры оказались способны рачительно заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Отдавая большую часть своего времени службе, они нередко видели в доставшемся им земельном наделе обузу и предпочитали получить за него деньги. Найти состоятельного человека, способного предложить за участок большую цену, среди местных жителей было трудно. Неудивительно, что среди покупателей часто фигурировали пришлые предприниматели из числа т.н. иногородних. Они лучше были приспособлены к новым рыночным отношениям и вскоре стали крупными латифундистами [19].

Не следует думать, что на Северо-Восточный Кавказ прибывали исключительно состоятельные люди. Большинство из них вынуждено было наниматься к местным жителям для сезонных работ и эта категория населения считалась самой бесправной [20]. Достаточно распространённой практикой стала аренда земли. Зажиточные горцы готовы были платить по 8 рублей за десятину в год, и на таких участках стали появляться хутора таких владельцев. Сам по себе такой факт примечателен. Он говорит, что в местной среде стал укрепляться слой собственников, которые всегда были оплотом власти, за что ратовала имперская администрация [21].

В аграрном секторе региона чётко прослеживался процесс обезземеливания казаков и горцев. Не сумев перестроиться в новых исторических условиях, они вынуждены были идти батраками к своим более удачливым землякам. В каждом селении и станице мы видим примеры дифференциации, когда чётко прослеживается прослойка зажиточных поселян, середняков и бедняков. Причём последние к концу столетия могли насчитывать до 10 % от общего числа жителей [22].

Характеризуя местное сельское хозяйство, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что оно развивалось в зоне рискованного земледелия. Находящиеся в высокогорьях поля нередко смывались селевыми потоками. На равнине засухи могли уничтожать урожай в течение нескольких лет подряд и т. п. [23]. Да и полученное зерно не всегда имело товарный вид. Оно было забито сорняками, и требовалось закупить дорогостоящее оборудование, чтобы очистить его от разных примесей [24].

Впрочем, не следует рисовать сложившуюся ситуацию исключительно темными красками. Край демонстрировал убедительные успехи в самых разных отраслях, и местная продукция постепенно завоёвывала новые позиции в общероссийском рынке. Наиболее впечатляющие результаты давало зерноводство. Прежде всего, следует выделить кукурузу, спрос на которую с каждым годом только возрастал. Она неплохо прижилась в местном климате и охотно скупалась владельцами винокуренных заводов. Это был пример товарной культуры, которую разводили преимущественно на продажу [25]. Доходило до того, что её посевы увеличивали за счёт ограничения других культур, пусть это и негативно сказывалось на пищевом рационе местных крестьян [26]. По мнению некоторых ученых, кукуруза вообще сыграла революционную роль в местной северокавказской социокультурной истории [27].

На фоне кукурузы посевы пшеницы выглядели более скромно. Она расходилась внутри региона, но тоже была товарной культурой. Её охотно покупали жители высокогорных селений, которые в силу ландшафтно-климатических особенностей не могли обеспечить себя самостоятельно.

Не менял ситуацию и пример Дагестана, где пшеница давала больше половины от всего урожая зерновых. Его часто не хватало даже для удовлетворения собственных потребностей, и приходилось закупать зерно на стороне [28].

При этом, по словам Е. Максимова, «земледелие, составляет важнейшую отрасль сельского хозяйства в крае, несмотря на относительно малое развитие, всё-таки служит главным занятием казачьего населения, – в чём легко убедиться из нижеследующих данных об урожае за последние пять лет:

Хлебных растений, льна и конопли было	посеяно	собрано	сам
1885 г.	82600 ч.	240347 ч.	3,0
1886 г.	80071 ч.	366501 ч.	4,6
1887г.	99912 ч.	470190 ч.	4,7
1888 г.	108235 ч.	525204 ч.	4,9
1889 г.	124224 ч.	647886 ч.	5,2

Из этих данных об урожае собственно на землях казачьего населения, без земли ингушевских и др. владельцев, очевидно, что плодородие почвы, при современных условиях обработки её, нисколько не уступает таковому же в других местностях России...» [29].

Урожайность оставалась низкой, и местное земледелие во второй половине XIX в. развивалось по экстенсивному пути. Но вводить в оборот новые участки земли было затруднительно, а потому казаки и горцы доводили имеющиеся у них участки до полного

истощения. Чёткий севооборот отсутствовал, удобрения вносились в недостаточном количестве, и, как правило, ограничивались навозом [30].

Чтобы компенсировать имеющиеся недостатки, местные жители старались делать ставку на те культуры, которые лучше всего обеспечивали урожайность в условиях региона. Так, в Кизлярском округе успешно разводили виноград, причём владельцы садов активно привлекали наёмных работников, т. е. развивали капиталистическое хозяйство [31].

Вот какие сведения сообщались в одном из выпусков «Герского календаря»: «Главное занятие местного населения – виноделие и рыболовство. Что же касается жителей г. Кизляра, то последние занимаются исключительно виноградарством, производя в общем около половины всего вина, добываемого в области. Тут прекрасно вызревают все нежнейшие винные и столовые сорта виноградной лозы, взятые из Крыма и Южной Франции. К сожалению, таких сортов мало; они встречаются лишь в садах немногих зажиточных любителей. Вся же масса виноградников состоит из местных низких сортов лозы, чёрной и алой... Алый сорт даёт жидкое и кислое вино, годное лишь на выкурку спирта, для чего исключительно и употребляется. Однако нет сомнения, что с постепенным переходом винодельческой промышленности на рациональный путь, этой крайне важной отрасли хозяйства в Кизлярском отделе предстоит блестящая будущность» [32]. Другим крупным виноградарским районом был Дерентский. В 1875 г. виноградные плантации Дербента занимали 1 667 дес. В городе культивировалось 50 сортов винограда, в том числе 10 иностранных [33].

Помимо продовольственных культур, с каждым годом увеличивались посевы технических. Среди них выделялся лён, который был как местных, так и американских сортов. С одной десятины могли снимать до 200 пудов льняного семени, из которого выжимали масло. Однако всех положительных качеств этой культуры местные земледельцы так и не использовали. Они сжигали стебли, вместо того чтобы изготавливать из них ткани. Не учитывались и агротехнические особенности льна, а потому земля быстро истощалась, и урожаи падали.

Аналогичные недостатки мы видим и при выращивании конопли. Получив из семян масло, а жмых используя на корм скоту, стебли конопли уничтожали [34]. С каждым годом в регионе увеличивались посевы картофеля. Неприхотливая культура позволяла обеспечить отдельную семью необходимым пропитанием, а потому в ряде районов она уверенно заняла второе место после ячменя. Картофель не шёл на продажу, но благодаря его наличию можно было сосредоточиться на других видах деятельности [35].

Местные жители принялись разводить табак. Как правило, это были самые простые сорта, но выписывались и элитные виды. Среди чеченских плоскостных селений, в которых были заметны успехи табаководства, можно выделить Гойты, Шали, Атаги. Хотя курение осуждалось (ранее в имамате Шамиля оно вообще было строго запрещено) [36], но разведение этой культуры на продажу возражений не вызывало [37]. Известны и единичные случаи разведения горцами винограда, который шёл на изготовление алкогольной продукции. Это свидетельствовало о начавшихся изменениях в оценке местными жителями жизненных приоритетов. Теперь получаемая выгода постепенно вытесняла взгляды и устои, пришедшие из жесткой шариатской практики, которая в свое время побудила горцев отказаться от употребления спиртосодержащих жидкостей, что имело место в Чечне и Дагестане до «горской Реформации» [38; 39].

Отмечается, что на равнинах процесс внедрения капиталистического способа производства в сельское хозяйство происходил быстрее. Повсеместно стали встречаться достаточно дорогие и технически сложные сельскохозяйственные машины, в том числе и на паровой тяге. Для их обслуживания нужны были квалифицированные специалисты, а потому спрос на профессиональных работников возрос [40].

Сельскохозяйственные машины завозились на Северо-Восточный Кавказ из центральных губерний, но некоторые усовершенствованные орудия труда производились на месте. Широкой популярностью стал пользоваться усовершенствованный плуг, в который можно было впрягать пару волов. Раньше для этого требовалось не менее семи пар быков [41].

Уже в 70-х гг. XIX в. в Терской области имелось 56 конных молотилок, 61 веялка и 43 лобогрейки. Учитывая, что одна лобогрейка могла заменить не менее десяти косарей, эффект от её применения был очевиден. Веянием времени стали 4 паровые молотилки, отличавшиеся своей практичностью, но требовавшие тщательного ухода и своевременно-го профилактического ремонта [42].

В высокогорных селениях технические новинки распространения не получили. Объяснялось это не столько косностью мышления местных хозяев, сколько географической спецификой и дороговизной такого инвентаря.

И у терских казаков, и у горцев получило распространение садоводство и огородничество. Но оно имело потребительский характер, т. е. шло на удовлетворение собственных нужд. Сложность транспортировки овощей и фруктов не позволяла осваивать рынок соседних регионов, а на Северо-Восточном Кавказе найти заинтересованного потребителя этих культур было сложно [43]. Ситуация начала меняться после строительства железной дороги, которая крепко связала край с другими частями империи.

Б.Х. Ортабаев отмечал, что «более продуктивным и развитым садоводство было в казачьих отделах, хотя бывали годы, когда показатели его оказывались выше в национальных округах. Очевидно, всё зависело от качества земель, климатических условий, агротехнических мероприятий, ухоженности садов и особенно от спроса на рынке» [44].

Капиталистические отношения внедрялись не только в земледелие, но и затронули скотоводство. В некоторых частях Северо-Восточного Кавказа оно даже превалировало над всеми другими видами деятельности. Потребность в тягловой силе удовлетворялась за счёт разведения быков. Их количество превосходило лошадей. Последние служили скорее средством передвижения, а потому не играли столь существенной роли. На поголовья скота влияло постепенное сокращение пастбищ, которые распахивались для удовлетворения нужд товарного земледелия. По словам одного из современников, «в низменности оно редко играет роль самостоятельного хозяйства и большею частью является только подспорьем земледелию, в горных же и предгорных местностях оно развито сильно и почти всё благосостояние населения зиждется на нём» [45].

Регион постепенно превратился в один из крупнейших овцеводческих центров. Овцеводство было приоритетным на Кавказе с древнейших времен. Но рентабельны были лишь те хозяйства, где число овец насчитывало несколько сотен, а потому мелкие производители быстро разорялись, таким образом, всё овцеводство сосредотачивалось в руках небольшой группы скотопромышленников. Потребности рынка стимулировали разведение тонкорунных овец. Их шерсть шла на изготовление качественной ткани, и, как правило, этот товар уходил за пределы региона.

Этноконфессиональная специфика в регионе не благоприятствовала разведению здесь свиней. Несмотря на то, что это было весьма прибыльным занятием и обеспечивало устойчивый доход, у горцев и даже терских казаков, близких горцам в культурном отношении, такая деятельность вызывала осуждение. Как правило, этим занимались представители иногороднего населения, но и у них широкого распространения свиноводство не получило.

Отдельного внимания заслуживает пчеловодство. Спрос на мёд и воск был небольшим, но устойчивым. В горских хозяйствах пасеки встречались чаще, чем в казачьих.

К концу столетия число пасек несколько сократилось, но вырученные за реализацию этого товара суммы не уменьшились. Это объясняется трудоёмкостью и интенсификацией данной деятельности. К началу нового столетия пчеловодством занимались 2 544 хозяйства, которые держали 114 894 ульев. Объём мёда оценивался в 18 124 пуда, а воска в 1 830 пудов. Стоимость этого продукта была 59 456 рублей [46]. Сама по себе эта деятельность интересна тем, что она демонстрирует гибкость подходов местных производителей из числа терских казаков и горцев в поисках конкурентного товара.

Во второй половине XIX в. на Северо-Восточном Кавказе происходит трансформация сельского хозяйства на капиталистической основе. Земледелие и скотоводство всё больше ориентируются на рынок, что приводит к серьёзным социальным изменениям в горской и казачьей среде. Регион постепенно приходит в себя после тех потерь, которые были вызваны военно-политической нестабильностью первой половины столетия. Новые перспективы открываются после того, как были налажены надёжные средства коммуникации. Однако отсутствие необходимого земельного фонда сдерживает поступательное развитие края, а наличие феодальных пережитков сохраняет здесь серьёзное социальное напряжение, которое скажется в революционных событиях начала нового века.

Примечания

1. Хасбулатов А. И. Аграрный вопрос в политике царизма в Чечено-Ингушетии во II пол. XIX – нач. XX в. // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом : Сборник научных статей. Грозный, 1990. С. 5.
2. Рамазанов Х. Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. : Сборник научных трудов. Краснодар, 1987. С. 35-36.
3. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии) : Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2012. С. 347.
4. Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II. С. 7.
5. Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб., М., 1887. С. 59.
6. Хасбулатов А. И. Социально-экономические отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии на рубеже XIX-XX веков // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начало XX в.). Грозный, 1979. С. 139.
7. Хасбулатов А. И. Аграрный вопрос в политике царизма... С. 7-8.
8. Гриценко Н. П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975. С. 99-100.
9. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР Т. I. Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. С. 121.
10. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. I. С. 116.
11. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М. : Наука, 1971. С. 119-120.
12. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М. : Наука, 2004. С. 329, 552.
13. Гаврилов П. А. Указ. соч. С. 61.
14. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М. : Наука, 1981. С. 59.
15. Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. С. 25.
16. Калоев Б. А. Осетины. М. : Наука, 2004. С. 154.

17. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 119.
18. Гаврилов П. А. Указ. соч. С. 52.
19. Вертепов Г. А. Очерк движения частной поземельной собственности на территории Терского казачьего войска // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1891 г. / Под ред. Г. Стефановского. Владикавказ, 1890. Вып. I. С. 176.
20. Ахмадов Ш. Б. К вопросу о переселенческой политике царизма в Терской области в пре-реформенное время // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволю-ционном прошлом : Сборник научных статей. Грозный, 1990. С. 45.
21. Хасбулатов А. И. Социально-экономические отношения и классовая борьба... С. 139-140.
22. Гриценко Н. П. Истоки дружбы... С. 93-94.
23. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 37-38.
24. Кикот В. Описание станицы Умахан-Юртовской Терской области, Кизлярского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1893. № 16. С. 82.
25. Ортабаев Б. Х. Указ. соч. С. 142.
26. Айларова С. А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа А. Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» // Рос-сия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства) : Межвузовский сборник на-учных трудов. Грозный, 1990. С. 101.
27. Проценко Н. Кавказская демократия выросла из кукурузы и ружей. (Необычная история Кавказа от известного социолога Георгия Дерлугьяна) [Электронный ресурс]. URL: http://kavpolit.com/articles/kavkazskaja_demokratija_vyrosla_iz_kukuruzy_i_ruzh-30674/ (дата обращения – 11.01.17).
28. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Институт истории, архео-логии и этнографии. М. : Наука, 2004. Т. 1 : История Дагестана с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А. И. Османов. С. 551.
29. Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1890. С. 96-97.
30. Хасбулатов А. И. Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии в капиталистиче-ское развитие России (II половина XIX – начало XX века) // Вопросы политического и экономиче-ского развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 122.
31. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 144.
32. Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 230.
33. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. С. 554.
34. Аскеров А. Г. Социально-экономическое развитие Нижнетерского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Махачкала : АЛЕФ, 2009. С. 95.
35. Ортабаев Б. Х. Указ. соч. С. 139.
36. Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 5. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 22.
37. Ибрагимова З. Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. М. : Евразия+, 2002. С. 270.
38. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. С. 373-375.
39. Дударев С. Л. Трудными дорогами совместничества // Сборник научных трудов С. Л. Дударева. М. : Илекса, 2011. С. 492.
40. Гриценко Н. П. Истоки дружбы... С. 82.
41. Туманов Г. М. Кавказ. Справочная книга, составленная старожилом. Тифлис, 1888. С. 366.
42. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 145-146.
43. Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне... С. 36-37.
44. Ортабаев Б. Х. Указ. соч. С. 151.
45. Туманов Г. М. Указ. соч. С. 381-382.
46. Ортабаев Б. Х. Указ. соч. С. 151.

S.L. Dudarev, A.V. Ananiev

**SOCIO-ECONOMIC CHANGES IN AGRARIAN SECTOR
OF THE NORTHEASTERN CAUCASUS UNDER THE INFLUENCE
OF THE CAPITALIST MODERNIZATION
IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY**

In the second half of the XIX century after the end of hostilities, the so-called Caucasian War, the transformation of agriculture on the capitalist basis takes place in the Northeastern Caucasus. Agriculture and animal husbandry are increasingly guided by the market, leading to serious social changes in the highland and the Cossack environment. However, the lack of land and the remnants of feudalism hamper the progressive development of the region, preserving the serious social tensions which are fraught with future shocks.

Keywords: communal ownership of land, dispossession of land, grain-growing, viticulture, tobacco growing, animal husbandry, horticulture, capitalist modernization.

S.L. Dudarev, Ю.Ю. Клычников, А.В. Ананьев

**ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ТОРГОВЛЯ
НА СЕВЕРНО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЛИК
АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА
(вторая половина XIX в.)**

После завершения военных действий на Северо-Восточном Кавказе продолжился процесс мирной интеграции горского населения в состав Российского государства, характерный постепенным распространением элементов рыночного хозяйства. В его сферу все больше втягивалось и казачество. Эти процессы встречали трудности связанные как с социально-экономическими, так и ментальными причинами. Данная статья посвящена их анализу.

Ключевые слова: кустарная промышленность, земельный дефицит, ярмарки, фабрично-заводские предприятия, экономический бум.

Завершившееся в 1859 г. вооружённое противостояние на Северо-Восточном Кавказе открывало перед казаками и горцами самые широкие перспективы. Только обеспечив процветание для местных народов и примирив вчерашних противников, власть могла доказать все преимущества жизни в составе единого государства [1].

В этой связи огромные надежды возлагались на развитие промышленного потенциала региона. Вовлекая в производство автохтонное население края, предполагалось добиться благоденствия для значительной его части. Отметим, что речь шла не столько о трансформации отдельных отраслей, сколько об интеграции народов региона в структуру экономической системы империи. Результатом должно было стать дальнейшее развитие Северо-Восточного Кавказа на новых социально-экономических основаниях. Капиталистический уклад должен был изменить облик региона, который переживал те же процессы, что и вся страна в целом. Российские авторы середины XIX в. обсуждали возможности включения местного населения в товарные отношения в процессе послевоенного мирного обустройства края. Они отмечали определенные предпосылки для этого в автохтонной среде, в том числе, ментальные: ловкость, хитрость, а также избыток свободного времени у мужчин, обращали внимание на хозяйственно-ландшафтное районирование горских народов, пытались обсуждать актуальную и по сей день проблему занятости горцев, писали

о необходимости строительства коммуникаций и т. п. В то же время, среди этих представителей России высказывался скепсис в отношении возможностей включения кавказцев в рыночные процессы, связанных с традиционными предпочтениями в социальной жизни, и тех особенностей менталитета, которые уходили своими корнями в практику набеговой системы. Некоторые из авторов по-прежнему уповали на российскую армию, как главную преобразующую силу в крае [2], действительно сыгравшую выдающуюся роль в процессе интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства [3]. Будущее показало, насколько были основательны высказанные представителями России «за» и «против».

Стартовые позиции местной промышленности зачастую уступали другим губерниям России. Фактически в регионе не существовало промышленности в её классическом понимании, и всё ограничивалось кустарными промыслами, в которые были вовлечены казаки и горцы [4; 5; 6]. Отсутствовало машинное производство, и даже мануфактурная промышленность была в зачаточном состоянии.

Если говорить о специфике местной экономики, то она представляла собой хозяйственную систему традиционного типа. Существовало географическое (зональное) разделение труда, был достаточно развит товарообмен, но всё это шло на удовлетворение местных потребностей [7]. В частности, население Нагорного Дагестана обменивало свои товары у жителей прикаспийской низменности и т. п. [8].

Упомянутая выше кустарная промышленность имела в регионе давние традиции и была связана с переработкой сельскохозяйственной продукции. По мере проникновения в местную среду товарно-денежных отношений, она стала ориентироваться на потребности рынка, тем более что возрос и платёжный спрос населения, всё больше заинтересованного в товарах повседневной необходимости и предметах роскоши.

Учитывая, что в горах земельный дефицит не позволял обеспечить отдельную семью прожиточным минимумом, приходилось компенсировать этот фактор изготовлением различных вещей, прежде всего, из кожи и шерсти. Они шли на производство обуви, сбруи, папах, тулупов и т. д. Помимо удовлетворения домашних потребностей, часть произведённых товаров реализовывалась в крупных населённых пунктах, в том числе и на равнине [9].

Важным центром по производству изделий из шерсти была Чечня. Занимались этой деятельностью преимущественно женщины. Местные умелицы изготавливали войлочные ковры, которыми принято было украшать жилище не только у горцев, но и у терских казаков.

Столь же распространённым занятием было производство сукна. Из него шили шаровары, черкески, мундиры. Ведущими центрами по производству суконных изделий считались чеченские селения Ножай-Юрт, Ведено, ингушские – Базоркино, Яндырка [10]. По мере вхождения Северо-Восточного Кавказа в общероссийский рынок местным производителям пришлось столкнуться с конкуренцией фабричной продукции, которая во всё возрастающем количестве началась поступать в регион из центральных районов страны. В итоге к концу XIX столетия производством сукна продолжали заниматься лишь в высокогорных селениях, да и то делалось это для собственных нужд, а не на продажу.

Широкой популярностью пользовались бурки. Они были своеобразной «визитной карточкой» региона, и не только местные жители, но и приезжавшие на Кавказ путешественники стремились обзавестись этой одеждой. И это не случайно. Бурка играла роль знаковой одежды, символизируя жилище, дом [11], она имела большое значение в воинской и церемониальной культуре. Как отмечают чеченские исследователи, «бурка была в каждой чеченской и ингушской семье необходимым и престижным элементом мужского костюма» [12]. Они изготавливались в селениях Белгатой и Старый Юрт, причём в производстве было задействовано не менее четверти от общего числа жителей. Примечательно, что шерсть для бурок привозили ингуши, которые таким образом участвовали в процессе разделения труда [13]. Для этого уходило 3 400 пудов овечьей шерсти, которая также поставлялась местными производителями.

По данным на начало 80-х гг. XIX в. бурочным промыслом в Чечне занимались не менее полу-тысячи семей [14]. Занятие это было трудоёмкое и требовавшее скоординированного труда не менее 4-8 работников. За год они могли изготовить до 25 бурок по цене до 50 рублей каждая. Естественно, что такая эксклюзивная работа делалась для наиболее состоятельных заказчиков. На «обезличенный» рынок шли товары худшего качества. Они оценивались в 3-7 рублей за штуку [15]. Многие терские казаки предпочитали заказывать свои бурки у горских мастериц, так как разбирались в достоинствах и умениях конкретного производителя.

И терские казаки, и горцы Северо-Восточного Кавказа охотно участвовали в весенних и осенних ярмарках, которые регулярно проводились в Грозном [16]. Здесь можно было запастись сырьём и реализовать уже готовую продукцию. Только упоминавшихся бурок в Чечне продавали на 73 300 рублей ежегодно.

Подарочные образцы оружия изготавливали мастера Дарго, Атагов, Давлет-Гирей-Юрта, Хаджи-аула. По сравнению с первой половиной века эта деятельность значительно сократилась, т. к. власти крайне подозрительно относились к вооружению горцев. И это имело под собой определенные основания. Даже последователи шейха Кунта-Хаджи, сторонники учения зикризма, отрицательно относившегося к газавату [17], имели при себе кинжалы, которыми воспользовались только в минуту крайней опасности в бою с российскими войсками в 1864 г. у аула Шали. Но, тем не менее, в Терской области было более двухсот мастеров, которые под заказ делали кинжалы, шашки, кремневые пистолеты и ружья, украшенные декором из драгоценных металлов. Стоимость изделий оружейников Сунженского отдела и Грозненского округа, которых насчитывалось 59 человек, оценивали почти в десять тысяч рублей [18]. Благодаря высокому качеству изделия местных мастеров успешно конкурировали даже с фабричной продукцией, хотя в объёмах производства сравниться с нею не могли. Производство холодного оружия процветало и в Дагестане. Знаменитые масалавские, базалаевские клинки пользовались большим успехом и конкурировали со златоустовскими. Дагестанские оружейники получали заказы и от кавказского командования, заключая договоры с казачьими полками на изготовление холодного оружия [19]. В самом же быту горцев холодное оружие, особенно кинжалы все больше приобретали роль детали костюма, маркера мужественности, «горства», имели парадный характер, и все больше появлялось людей, которые носили их только из уважения к традициям, поскольку горская одежда постепенно вытеснялась платьем европейского покроя [20].

Художественная обработка драгоценного металла рождала совершенно уникальные вещи – бляхи для поясов, женские украшения, газыри и т. п. Естественно, что таких специалистов много быть не могло. В Чечне и Ингушетии в данной сфере во второй половине века трудилось 54 человека. При этом, как отмечал один из дореволюционных авторов, «их оригинальная ручная работа гарантирует им исключительное положение вне всякой конкуренции на рынке; исключительная прочность огневой позолоты, кавказская «чернь» и своеобразная узорчатая резьба резко выделяют их из общей массы однородных изделий» [21].

Гораздо шире был рынок у местных кузнецов. Они также вынуждены были бороться с возросшей конкуренцией, но благодаря тому, что фабричные изделия не покрывали всех потребностей на топоры, лопаты, мотыги, плуги, спрос на которые резко возрастал в летний период, они нашли свою нишу в новых условиях. В Чечне к концу 80-х гг. XIX в. их было 225 человек, а в Ингушетии по два-три мастера на каждое селение [22]. Был найден ещё один перспективный источник заработка. Ломавшиеся сельскохозяйственные машины фабричного производства требовали ухода, и местные умельцы довольно успешно ремонтировали их [23].

Среди направлений домашнего кустарного производства горцев и терских казаков традиционно выделялась обработка дерева. Всевозможные виды посуды, сельскохозяйственного инвентаря, арбы и т. п. доставляли на базары Владикавказа. В Терской области

лесной промысел превалировал в Веденском и Аргунском округах. Всего лесные богатства области давали казне 20 232 руб. 98 коп. (по данным на 1875 г.) [24]. Однако серьёзное уменьшение лесных насаждений ставило под угрозу этот вид деятельности, и его объёмы с каждым годом сокращались.

Нашли свою нишу и местные гончары, которые умели делать поливную керамику. Качественный обжиг, яркая цветовая гамма делали местные горшки, чашки, сосуды для зерна и жидкостей популярными среди местных жителей. Это обеспечивало мастерам неплохие заработки – до 120 рублей в год [25]. На основании этого промысла появились и небольшие кирпично-черепичные заводы. Например, в Грозненском округе в 1897 г. их было восемь, а в соседнем Сунженском отделе тринадцать. Каждая семья, участвовавшая в таком производстве, получала до 100 рублей дохода [26].

Еще одним перспективным направлением в хозяйственной жизни, как зажиточных терских казаков, так и их земляков из числа горцев стали мельницы. Только в Терской области их число достигало 1 098 штук к 90-м гг. XIX в. [27]. Зерно мололи на продажу для рынка Хасавюртовского округа, причём у некоторых владельцев мельниц суточный объём муки достигал 1 215 пудов. Чем шире развивалось товарное земледелие в регионе, тем больше возрастали объёмы мельничного производства. И вот уже к началу нового столетия появляются мельницы на паровых двигателях в селениях Назрань, Старый Юрт, Ачалуки и т. д. [28].

Власти в целом не препятствовали такой инициативе, но требовали, чтобы возведение этих сооружений согласовывалось с администрацией, т. к. некоторые постройки несли угрозу береговым укреплениям. В частности, в постановлении о строительстве мельниц говорилось следующее: «Воспрещается на будущее время без разрешения младшего инженера Строительного отделения Областного Правления Терской области, заведывающего береговыми работами в низовьях р. Терека и его рукавах, устанавливать мукомольные мельницы; ныне же существующие мельницы на местах опасных для береговых укреплений предписывается удалить не далее, как в двух недельный срок» [29].

К числу кустарных предприятий, занятых переработкой местной сельскохозяйственной продукции, относились всевозможные кожевенные, маслобойные, свечные, салотопные производства. Конечно, их продукция редко выходила за пределы Северо-Восточного Кавказа, но для терских казаков, жителей Дагестана, вайнахов они играли важную роль.

Настоящий прорыв произошёл в добыче и переработке нефти. Если раньше потребность в этом ценнейшем продукте была ограничена, то теперь, по мере развития спроса, связанного с обеспечением освещения улиц керосиновыми фонарями, запросы на нефть резко возросли. Достаточно взглянуть на показатели добычи на Кудакинских источниках, где в 1886 г. было получено 3 258 пудов петролиума, 665 пудов бензина, 2 993 пуда фотогена, 11 070 пудов мазута и 840 пудов тяжёлого масла [30].

Технология добычи нефти долгое время была примитивной. Использовались обычные колодцы, из которых вручную черпали это сырьё. Лишь к концу столетия стали применять более совершенное оборудование, что сразу же сказалось на добываемых объёмах [31]. Местным нефтяникам нелегко было конкурировать с нефтяной промышленностью Баку, которая использовала широкие возможности морского транспорта для вывоза своей продукции.

Сдерживающим фактором было и то, что источники нефти принадлежали Терскому казачьему войску, тормозившему частнокапиталистическую инициативу [32].

Отдав промыслы откупщикам, казачья верхушка фактически ничего не делала для модернизации производства. Как следствие, в Баку в 1898 г. добывали 8 млн тонн, а на Грозненских промыслах лишь 300 000 тонн [33]. В других местах объёмы добычи были ещё меньше. Например, Брагунские колодцы давали в 1889 г. 400 пудов, Беноевское месторождение всего 328 пудов нефти [34].

Тем не менее, эта отрасль имела серьёзные перспективы, и местные жители нанимались на работы, обеспечивавшие определённый достаток их семьям. Часть горцев подражалась участвовать в транспортировке бочек с нефтью. С этой целью они прибывали со своими арбами и везли продукцию на ближайшую станцию или до перерабатывающего завода.

Знаковым периодом для местной промышленности стали начавшиеся 70-е годы. Считается, что именно тогда кустарные промыслы начали активно преобразовываться в фабричное производство. Коснулось это, прежде всего, равнинных районов, где было сконцентрировано казачье население [35]. Местные изделия стали получать известность далеко за пределами Северо-Восточного Кавказа, получая призы на выставках столицы и прочих крупных городов империи. Такая реклама обеспечивала в перспективе неплохую прибыль, и что немаловажно – для обывателя жители Кавказа начинали ассоциироваться не только с войной, но и с экономическими успехами [36].

Исследователь прошлого терского казачества И.Л. Омельченко приводил следующие цифры фабрично-заводских предприятий за 1897 год: кирпичных, черепичных и гончарных – 34; кожевенных – 4; винокуренных и водочных – 9; мыловаренных – 5; маслособойных – 49; колесных – 9; известковых – 13; верёвочных – 3 [37].

Наиболее яркими примерами возросшего благосостояния терских казаков и горцев Северо-Восточного Кавказа служили ярмарки. Среди них выделялись Владикавказская, Грозненская, Моздокская, которые систематически собирали тысячные толпы каждую весну и осень. Денежные обороты на них впечатляют. Чтобы проследить динамику достаточно сравнить данные по одной только Грозненской ярмарки за 1876 и 1890 годы. В первом случае завезли товара на 720 тыс. рублей, а во втором уже на 800 тыс. рублей. Конечно, далеко не всё было реализовано, но сами объёмы говорят о положительной динамике экономического роста.

А если учесть, что в Грозном были и стационарные торговые заведения, оборот которых за 1896 г. определяли в 2,5 млн рублей, становится понятным, что край переживал экономический бум, обеспечивали который в том числе горские и казачьи труженики [38].

Но Грозный был не исключением. Расцвет стационарной торговли мы видим и на примере Владикавказа. По данным за 1876 г. здесь имелось 414 частных и 5 общественных лавок. К услугам потребителей были трактиры, пивные лавки и т. п. [39].

Помимо казаков и горцев, занимались предпринимательством и представители армянского этноса, иногородние переселенцы в Терскую область и т. д. Зачастую именно они были лидерами в такого рода деятельности, т. к. для представителей автохтонных народов торговля долгое время считалась не престижным занятием. Но под влиянием позитивного примера они также втянулись в эту работу. Сохранились, к примеру, фамилии чеченских купцов – Арсамирзоевых, Мациевых, которые быстрее своих земляков поняли перспективы такого источника доходов [40].

Весьма схожие процессы наблюдались в соседнем Дагестане. Он и раньше славился своими умельцами, а потому достаточно активно включился в процесс капиталистической модернизации. К середине столетия здесь насчитывалось до полусотни различных промыслов, а изготавливаемые образцы оружия, металлической посуды, украшения, шерстяные изделия расходились по всему Кавказу и даже попадали в сопредельные государства [41].

Ведущее значение для местного кустарного производства имела переработка шерсти. На её основе делались самые разные вещи. Как правило, весь технологический процесс проводился одним и тем же мастером, а разделения труда как такового не существовало. Горские женщины повсеместно занимались производством ковров, бурок, паласов. Уже в начале 80-х гг. одних только бурок реализовывалось на 475 000 рублей ежегодно. Считается, что в этом участвовало не менее 43 422 мастериц. Естественно, что нужно

было обеспечить устойчивую реализацию производимой продукции, а потому её отвозили на рынки Грузии, Азербайджана и Персии [42]. В одном только Андийском округе в 70-е годы на рынок попадало около 8 000 бурок, а в 1892 г. их число возросло до 53 000.

В 80-е гг. в Дагестане сформировался рассеянный тип мануфактуры. Примечательно, что сырьё для неё (верблюжью шерсть) привозили даже из Ирана и уже отсюда везли изделия на продажу. Если брать один только Кайтаго-Табасаранский округ, то в нём ткацкое производство фиксировалось в 137 селениях. Для сравнения укажем, что общее число селений было 189.

Селение Кубачи было широко известно своими ювелирными изделиями. Но следует вспомнить и тот факт, что здесь производилось до 120 000 черкесок, весьма популярных как среди горцев, так и среди терских казаков, как одежда для торжественных случаев [43]. Как правило, они уходили к оптовым реализаторам, которые скупали товар и развозили его по ярмаркам и стационарным лавкам для сбыта.

Как и в соседней Чечне, горцы Дагестана возводили на реках мельницы и зарабатывали на помоле зерна. Учитывая дефицит наличности, нередко за эти услуги брали натуральную плату, до двадцатой части от полученного продукта [44]. Такая практика говорила о том, что в местной хозяйственной жизни сохранилось немало пережитков докапиталистической эпохи. И таких примеров можно без труда найти и в казачьем и в горском хозяйстве. К концу столетия стали появляться паровые мельницы, которые существенно потеснили прежние приспособления для помола.

Крупным центром по переработке кожи стала Темир-Хан-Шура (ныне город Буйнакск). Здесь функционировало четыре предприятия, которые целиком базировались на местном сырье. Когда возрос спрос на необработанные кожи, поставщики стали вывозить их на фабрики, расположенные в центральных губерниях империи, что сказалось на рентабельности местного производства. Эта была оборотной стороной интеграции региона в общее экономическое пространство страны. С одной стороны данный процесс расширял для казаков и горцев возможности сбывать свою продукцию за пределами Северо-Восточного Кавказа, с другой – заставлял конкурировать с весьма сильными производителями за товары и интерес покупателя. Конечный результат был далеко не всегда в пользу местных предпринимателей.

Наглядно этот процесс демонстрирует судьба гончарного производства. Оно было вытеснено на периферию региона, сохранившись лишь в высокогорных селениях. На равнине, в лучшем случае, вчерашние производители посуды начинали изготавливать черепицу или кирпич, спрос на который был устойчивым, а завозить такого рода изделия издалека было нерентабельно.

В отличие от гончаров, вчерашние оружейники более органично влились в рынок. Они стали производить вполне мирную продукцию: трости, подсвечники, украшения и т. п. Столь специфичный товар заинтересовал покупателей не только в России, но и за её пределами. Примечательно, что на промышленной выставке 1900 г. во Франции изделия дагестанских горцев удостоились призового места [45]. Вообще, с 1850 по 1914 г. Дагестан участвовал в 39 выставках: всемирных, общероссийских, региональных, где дагестанские мастера получили более 360 медалей различного достоинства, прославляя не только свой горный край, но и Россию в целом [46].

Согласно подсчётам современников, в Дагестане к концу XIX столетия ювелирное производство практиковалось в 136 селениях, причём для 36 из них это был основной промысел. Упомянутые Кубачи уже не удовлетворялись рынком Северо-Восточного Кавказа и открывали свои мастерские далеко за его пределами, например, в столичных городах [47].

Но обычные кузнецы, которые работали преимущественно по заказу, постепенно вытеснялись с рынка. Многие из них переквалифицировались в лудильщики, а остальные

занимались ремонтом либо обеспечивали сельскохозяйственным инвентарём те селения, куда фабричные товары поступали в недостаточном количестве. Всего металлообработку в Дагестане практиковали мастера 62 селений, хотя единичные специалисты имелись и в других аулах.

Весьма болезненно технический прогресс ударил по поставщикам корня марены. Этот природный краситель пользовался повышенным спросом в суконной промышленности и почти весь уходил за пределы Северо-Восточного Кавказа. Марена была высокодоходной культурой, и ее выращивание сравнивалось с сеянием золота. Когда был изобретён синтетический аналог, это привело к разорению очень многих хозяйств [48]: зигзаги капитализма беспощадны и требуют недюжинных усилий от каждого производителя, который должен быть готов к превратностям и смене профессий.

Перспективной сельскохозяйственной культурой стал табак. Местные табачные изделия поставлялись не только в другие части Кавказа, но и реализовывались в Средней Азии, во внутренних российских губерниях.

Знаковым событием стало появление консервной промышленности. Это позволяло и казакам, и горцам сдавать свою продукцию по устойчивым ценам и больше не зависеть от транспортных потерь своих скоропортящихся продуктов. В различные города империи ежегодно отгружалось до 40 000 пудов консервов и пюре. Такие предприятия возникли в Даргинском, Кюринском округах [49].

По-прежнему Северо-Восточный Кавказ являлся поставщиком винодельческой продукции. Она производилась терскими казаками, которые и раньше реализовывали излишки алкоголя на местном рынке. С каждым годом объём вина увеличивался, и за десять лет, с 1872 по 1882 гг., только в Кизлярском округе достиг показателей в 2 млн вёдер [50]. Горцы, будучи мусульманами, не занимались такого рода деятельностью, а потому казаки стали фактически монополистами в этом вопросе.

В Кизляре уже во второй половине 60-х гг. появляются паровые виноградно-водочные заводы. Они требовали огромного количества сырья, которого местные поставщики обеспечить не могли. Чтобы выйти из затруднительной ситуации, стали закупать виноград в соседнем Иране. В немалой степени благодаря винокурению Кизляр стал одним из хозяйственных лидеров Дагестана. Сюда в поисках работы стекались люди, представлявшие самые разные общества. Как правило, они нанимались на сезонные работы, т. к. потребность в рабочих руках существовала постоянно.

Постепенно оправлявшийся от кризиса Дербент доминировал в количестве купцов, которые стекались сюда со своими товарами. Как писал Е.И. Козубский, «ввозная и вывозная торговля существует в Петровске и Дербенте. Предметами вывоза служат произведения садоводства и огородничества, рыба и разные сырые продукты, получаемые в области. Главными предметами ввоза служат: мануфактурные и бакалейные товары, лес, железные, чугунные и стеклянные изделия и хлеб. По причине слабого развития местной добывающей и обрабатывающей промышленности, ввоз товаров вообще превышает вывоз» [51].

Нагруженные закупленным на городских рынках товаром караваны расходились потом по другим селениям региона. Для этого использовался гужевой транспорт, который нередко нанимали у местных предпринимателей.

Происходящие процессы привели к социальному преобразованию местных обществ, изменили их менталитет. Если раньше торговля считалась зазорным занятием в глазах многих казаков и горцев [52], то теперь они охотно принимали участие в этой деятельности. Рядовым событием стало открытие собственной лавки для розничной торговли. В крупных станицах и аулах их могло насчитываться несколько десятков, а то и больше сотни, как, например, в селении Ахты [53].

Сдерживающим фактором в развитии хозяйственной активности местного населения было отсутствие налаженной системы коммуникаций. Регион сильно страдал от бездорожья. Если ранее оно помогало горцам в противостоянии с российскими властями, о чем образно говорил в свое время имам Шамиль, едва ли не воспевая свои плохие горные дороги [54], то в мирной обстановке их грязь и ухабы превратилась в настоящий тормоз развития северокавказских народов. В 1860-х гг. появились новые дороги, которые, например, соединили Дагестан с соседними российскими регионами. С 1860 по 1868 г. в Дагестанской области было построено 908 верст гужевых дорог. В 1860-1872 гг. государство израсходовало на это 728 396 руб. Шло строительство арочных железных мостов. С конца 1850-х гг. строились порты (Петровск) [55]. Но, разумеется, подлинным прорывом стало строительство железных дорог. Если раньше в Дагестан поступали товары и вывозились местные продукты преимущественно водным транспортом, то с конца XIX в. Ростово-Владикавказская дорога потеснила все другие виды перевозок.

В 1892 г. начались работы по прокладке путей от Грозного к Петровску, и уже через год по этой ветке пошли поезда [56]. Причём благодаря скорости доставки появилась возможность отправлять свежие фрукты и овощи, что также стимулировало их рыночное производство. Из одного только Дербента с 1895 по 1900 гг. поставили 578 000 пудов.

Власти стимулировали экономическую инициативу жителей Северо-Восточного Кавказа и поощряли поиск полезных ископаемых. Интересно, что еще некоторые российские солдаты, побывавшие в плену у горцев, мечтали об освоении Россией богатства местных гор [57; 58]. И вот эта мечта стала сбываться. Неудивительно, что вскоре стали приходить известия о найденных фрагментах железного купороса близ Ножай-Юрта и железной руды близ Ведено [59]. Но добывать обнаруженные минералы власти запрещали без соответствующей лицензии. Впрочем, такая работа была весьма трудоёмкой, требовала серьёзных капиталовложений, а потому была не по силам отдельным селениям или частникам.

Но это не значит, что такие попытки не предпринимались. Так, казак А. Изюмов в 1865 г. стал разрабатывать медную и железную руду в Аргунском ущелье, а чеченцы из Шатоя добывали поблизости от своего селения серу и т. п.

Таким образом, терские казаки и горцы активно встраивались в рыночные отношения и пытались переориентировать своё хозяйство под новые капиталистические требования. Это приводило к серьёзной социальной трансформации местных обществ, разрушало оковы архаики и традиционализма. Не обходилось и без издержек. Далеко не все могли найти себя в новых условиях, разорялись, пополняли ряды маргиналов. Но безусловным плюсом стало то, что процесс интеграции Северо-Восточного Кавказа в общероссийское экономическое пространство ускорился, а это открывало перед автохтонным населением серьёзные исторические перспективы.

Примечания

1. В. К. Несколько слов о будущей деятельности нашей на Кавказе // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 602.

2. Дударев Д. С. Перспективы экономического освоения Северного Кавказа Россией в работах российских авторов 1850-1860-х гг. // Армавирская государственная педагогическая академия – региональный центр развития личностного ресурса субъектов образования : Материалы научно-практической конференции (г. Армавир, 13-17 апреля 2015 г.). Армавир : РИО АГПА, 2015. С. 74-77.

3. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Армавир : ИП Шурыгин В.Е., 2011. 248 с.

4. Масальский В. Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. 1900. Кн. 7. № 7. С. 92.
5. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М. : Наука, 2004. С. 550.
6. Гарсаев Л. М., Гарсаев Х.-А. М., Гарсаева М. М., Шаипова Т. С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX – начала XX в. (история, кавказская этническая культура и наименования). Саратов : Наука, 2014. С. 48-49, 73.
7. Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 136.
8. Берже А. П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 год. Тифлис, 1858. С. 283.
9. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис, 1878. С. 394.
10. Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. С. 38-39.
11. Интересно, что в современных песнях на казачьи темы есть такие слова – «только бурка казаку во степи станица» (А. Розенбаум), что отражает соответствующие реалии казачьего прошлого, близкие горской действительности.
12. Гарсаев Л. М. и др. Указ. соч. С. 138.
13. Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900 гг.). Грозный, 1963. С. 137.
14. Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 23.
15. Максимов Евг. Чеченцы // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 год. Отделение I. Статистико-экономическое. Владикавказ : Тип. Терского Областного Правления, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 89.
16. Там же. С. 90.
17. Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата : Наука, 1975. С. 142.
18. Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 189.
19. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 561.
20. Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. Т. III / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный, 1969. С. 153-154.
21. Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С. 25.
22. Пиралов А. С. Указ. соч. С. 25.
23. Вертепов Г. А. Указ. соч.
24. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис, 1878. С. 376.
25. Хасбулатов А. И. Указ. соч. С. 39.
26. Максимов Евг. Указ. соч. С. 92.
27. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1890. Т. 1. Вып. 1. С. 20.
28. Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица... С. 216.
29. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 140.
30. Обзор производительных сил... С. 360.
31. Потолов С. И. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893-1903 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России. М.-Л., 1962. С. 95.
32. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ : Ир, 1991. С. 238.

33. Масальский В. Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. 1900. Кн. 7. № 7. С. 92.
34. Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск : Технологический университет, 2005. С. 37.
35. Ибрагимов З. Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. М. : Евразия+, 2002. С. 430-432.
36. Ситовский Н. П. Краткий обзор Московской Политехнической выставки 1872 года. Тифлис, 1873. С. 31.
37. Омельченко И. Л. Терское казачество. С. 237.
38. Хасбулатов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Чечни во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/477/15217-3.php> (дата обращения – 02.01.2017).
39. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 62-66.
40. Хасбулатов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Чечни...
41. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 560-561.
42. Там же.
43. Пиралов А. С. Краткий очерк... С. 94.
44. Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского на-ибства, Закатальского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис, 1873. С. 6.
45. Обзорение о состоянии Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 78.
46. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 566.
47. Обзорение о состоянии Дагестанской области... С. 92.
48. Козубский Е. И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 274-275.
49. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 564-565.
50. Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900 гг.). Грозный, 1963. С. 123.
51. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 71.
52. Емельянова Л. А., Емельянов О. Б. Хозяйственное развитие волжских станиц Кавказского линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840-1864 гг.). Георгиевск, 2014. С. 121.
53. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 570-571.
54. Вердеревский Е. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854-1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. В 3-х ч. // Кавказ: В плену у горцев. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. Вып. 13. Т. 2. С. 311.
55. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 55.
56. Викторов А. Ф., Кажлаев Д. Г. Махачкала. Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 1958. С. 20.
57. Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Вып. 6. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т»), 2011. (Народы Кавказа: страницы прошлого). С. 23.
58. Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 5. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 15.
59. Ибрагимов З. Х. Чеченская история. С. 300.

S.L. Dudarev, Y.Y. Klychnikov, A.V. Ananiev

**INDUSTRIAL DEVELOPMENT AND TRADE
IN THE NORTHEASTERN CAUCASUS AND ITS INFLUENCE
ON SOCIO-ECONOMIC IMAGE OF AUTOCHTHONOUS POPULATION
OF THE REGION (2nd half of the 19th century)**

In the second half of the XIX century after the completion of the so-called Caucasian War, Terek Cossacks and mountaineers actively built into the market relations and tried to readjust their economy to the new capitalist demands. This led to serious social transformation of local societies, destroyed the shackles of traditionalism and archaic character. Not without cost. Not everyone could find themselves in a new environment, some were ruined and became social outcast. But the absolute plus was that the process of integration of the Northeastern Caucasus in the national economic space has accelerated, and that opened up serious historical perspective to the indigenous population.

Keywords: cottage industry, land shortage, trade fairs, factory enterprise, the economic boom.

А.Г. Сидякина

**НОВАЦИИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
КУБАНИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
СТАНОВЛЕНИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ**

В начале XX века в Кубанской области и Черноморской губернии наряду с гужевым транспортом, осуществляющим пассажирские и грузовые перевозки, активно развиваются рельсовые коммуникации. Развитию железной дороги и трамвайному сообщению в регионе способствовали многие факторы. Совершенно новым для региона, распространившимся весьма быстро, видом транспорта, стал автомобиль. Автомобили осуществляли пассажирские и грузовые перевозки как внутри населенных пунктов, так и между ними. В Причерноморье автомобильное сообщение было более востребовано, нежели в Кубанской области, где по-прежнему доминировали виды гужевого транспорта, а в Екатеринодаре развивался трамвай.

Ключевые слова: автомобиль, велосипед, мотоцикл, междугороднее сообщение, внутригородские рейсы, коммерческие перевозки.

Впервые в регионе инициатива создания городского автомобильного транспорта появилась в Черноморской губернии в конце 1902 года. В качестве пионера новых средств сообщения выступил некий Ф.С. Миллер, который предложил городским властям Новороссийска условие: отсрочить учреждение в городе «электрического или конного трамвая», чтобы не создавать конкуренции автомобильному товариществу, учреждаемому для перевозки желающих на автомобилях «из города на Стандарт и к вокзалу» [1]. Однако, городская управа, планировавшая в это время строительство в Новороссийске трамвая, не согласилась с ходатайством Ф.С. Миллера.

Надо отметить, что примерно в это же время в Черноморской губернии уже имелся опыт использования новых видов транспорта в коммерческой сфере. Так, в 1904 г. на территории курорта Гагры действовала мастерская, где ремонтировали автомобили и велосипеды. Здесь же предоставлялись автомобили напрокат [2].

В 1905 г. в Новороссийске была вновь предпринята попытка начать автомобильное сообщение. Инициатором проекта стал местный судовладелец Г.Л. Федоров, однако последний отказался от реализации своей идеи по причине протестов со стороны городских извозчиков, опасавшихся конкуренции со стороны моторных экипажей [3].

В 1903 г. российские власти разрешают муниципалитетам взимать сбор с велосипедов (не более 1,5 руб. в год) и автомобилей (не более 3 руб. «с каждой силы автоматического экипажа») [4]. В интересах городского бюджета муниципальные власти в Кубанской области начинают устанавливать сборы с велосипедов и автомобилей, несмотря на то, что последние в это время еще не стали привычным явлением на городских улицах.

В Екатеринодаре решение о налоге с автоматических экипажей приняли в 1908 г., хотя первые автомобили в административном центре Кубанской области начали движение примерно в 1905 г. В этом году городская дума разрешила ряду частных лиц (Задунайскому, Балтыанскому, Мелик-Дивидянцу) осуществлять движение по улицам города на автомобилях. В итоге инициатива организации коммерческого автомобильного сообщения не нашла отклика у горожан, потому что движение автоматических экипажей было нерегулярным, к тому же предприниматели не позаботились о рекламе своих таксомоторов [5].

В 1906 г. был утвержден маршрут автомобильного сообщения между Екатеринодаром и ст. Славянской, по которому пассажирские машины отправлялись дважды в день [6]. Так как распространение в регионе автомобилизма было совершенно новым явлением, городские власти обсуждали различные аспекты и последствия появления машин на улицах. 20 мая 1905 г. Екатеринодарская городская дума принимает постановления о правилах езды по городу на машинах [7]. Перед началом эксплуатации автомобиля, последний подвергался осмотру специальной комиссией, в то время как владелец машины «испытывается в отношении своей компетентности, подготовленности и опытности» [8]. Водителю, при условии достижения им возраста 20 лет, выдавался билет с фотографией (шоферское свидетельство); а владельцу машины – книжка-разрешение на право пользования автоматическим экипажем. Каждое транспортное средство снабжалось номером, крепившимся на жестянке сзади и сбоку, а также оснащалось рожком или трубкой с пневматической грушей. В городской черте допускалась езда со скоростью 12 верст в час, в окрестностях – 20 верст в час. Запрещалась езда по тротуарам, пешеходным полосам, городским паркам, садам, церковным площадям. Движение было правостороннее, обгонять экипажи разрешалось только с левой стороны, «при встрече с лошадьми, обнаруживающими испуг, автомобиль должен быть остановлен» [9].

В 1908-1909 гг. Новороссийске учреждается Черноморское товарищество автомобильного движения, которое организует в городе пассажирские перевозки на автобусах. Кроме внутригородских маршрутов, товарищество осуществляло регулярные рейсы между Новороссийском и Геленджиком. По данным за 1911 г., автомобильное товарищество владело 4-мя местными пассажирскими автобусами [10].

Существование на улицах городов различных видов транспорта, безусловно, сопровождалось конкурентной борьбой. В 1910 г. новороссийские извозчики жаловались, что появившийся в городе новый вид транспортного сообщения создает угрозу их традиционному промыслу. Число автомобилей в центре Черноморской губернии стремительно увеличивалось, свидетельствуя о том, что этот сравнительно новый вид транспорта прочно завоевывал себе уверенные позиции на городских артериях. Так, с 1 февраля по 16 ноября 1913 г. здесь было выдано 33 разрешения на пользование автоматическими экипажами [11]. В начале 1914 г., как следует из газетного сообщения, в Новороссийске было зарегистрировано 30 автомобилей, принадлежавших местным жителям. В том же году в Екатеринодаре имелось всего 20 автоматических экипажей. Однако в центре Кубанской области к тому времени уже существовал электрический трамвай, обеспечивавший основной объем пассажироперевозок [12].

На территории Черноморской губернии автомобильный транспорт гораздо больше был задействован для связи между отдельными населенными пунктами, чем в Кубанской области. Однако и здесь постепенно развивалось междугороднее автомобильное сообщение.

В 1909 г. открылось автомобильное движение между Майкопом и ст. Усть-Лабинской (где находилась станция Владикавказской железной дороги). В 1910 г. движение автомобилей осуществлялось между Майкопом и Армавиром [13]. В Армавире автомобили также применялись для грузовых перевозок. Так, в 1909 г. в селе открывается «автомобильная станция» и «коммерческо-транспортная контора по покупке, продаже и отправке всякого рода товаров» [14]. Летом 1911 г. крестьянин П. Оскольский получил разрешение на коммерческие перевозки между станицей Кавказской и хутором Романовский, а также в пределах данных пунктов [15].

Особенность формирования транспортной инфраструктуры Причерноморья была обусловлена потребностью в организации сообщения в зоне быстро растущих курортов. При этом отсутствие прибрежной железной дороги и одновременно наличие Сухумского шоссе создавали условия, благоприятствовавшие широкому распространению автомобильного транспорта в сфере междугороднего сообщения.

Уже в 1905 г. здесь было налажено частное автомобильное сообщение между Адлером и Сочи, с 1910 г. – между Сочи и Сухумом. В 1916 г. автомобильное сообщение регулярно осуществлялось между Сочи и Туапсе, Мацестой, Адлером, Гаграми, Сухумом [16].

Максимального развития в дореволюционный период автомобильное сообщение на территории Северо-Западного Кавказа (как и в целом в России) достигает в начале 1910-х гг. В основе этого процесса лежал экономический подъем, охвативший, как центральные, так и окраинные территории государства. Важной причиной интенсификации различных видов транспортного сообщения был стремительный рост городов, проникновение процессов урбанизации в сельскую местность. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, в результате которой были резко сокращены поставки автомобилей из Европы (из Германии прекращены полностью), а также осуществлена реквизиция частных машин для нужд армии, вызвала кризис в сфере автомобилизма. Данные о количестве автомобилей в г. Екатеринодаре, приведенные в справке городской управы (18 машин в 1915 г., 14 – в 1916 г., 12 – в 1917 г., 0 – в 1918 г.) [17], наглядно демонстрируют кризис данного вида городского транспорта, усугубившийся с началом революционных событий 1917 г. Еще больший спад автомобилизма в регионе произошел в годы Гражданской войны.

Таким образом, распространение в начале XX в. в городах региона автомобильного транспорта демонстрировало высокий уровень развития урбанизационных процессов на Кубани и в Причерноморье. Новый вид транспорта имел ряд преимуществ перед гужевым: большая скорость, вместимость, мощность и грузоподъемность, что делало таксомоторы серьезными конкурентами гужевого транспорта.

Примечания

1. Управление архива администрации муниципального образования город Новороссийск (далее УААН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 10.
2. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. Ч. 1. Новороссийск, 1904. Паг. 1. С. 224.
3. Черноморское побережье. Новороссийск, 1905 (3, 8 июля).
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 2589. Л. 3-3об.
5. Бардадым В. П. Кубанские арабески : краеведческие очерки. Краснодар, 2000. С. 100.
6. Новая Заря. Екатеринодар, 1906. № 76 (6 июля).
7. Бардадым В. П. Указ. соч. С. 98.
8. УААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 558. Л. 10.
9. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1909. № 163 (1 авг.).
10. УААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 651. Л. 68.
11. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 678. Л. 1-1об.
12. Черноморская газета. Новороссийск, 1914. 19 января.

13. Ктиторов С. Н. Из ранней истории автомобилизма на Северо-Западном Кавказе // История и культура народов Северного Кавказа : Сборник научных трудов. Вып. 5. Пятигорск, 2006. С. 80.
14. Новая заря. Екатеринодар, 1909. № 703 (20 февраля).
15. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 318. Оп. 6. Д. 495. Л. 31, 33, 64, 64об., 67.
16. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Пг., 1916. С. 403.
17. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 53. Л. 84.

A.G. Sidyakina

INNOVATIONS IN THE FIELD OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE OF THE KUBAN AND THE BLACK SEA REGION AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: THE FORMATION OF AN AUTOMOBILE COMMUNICATION

In the early twentieth century in the Kuban region and the Black Sea province, along with horse-drawn transport, which carries out passenger and freight traffic, rail communications are actively developing. Many prerequisites served the development of the railway and tramway in the region. Completely new and unexpected for the region, which spread very fast mode of transport, was a car. The cars carried out both passenger and freight transport within and between settlements. In the Black Sea region the automobile communication was more in demand than in the Kuban region, where the role of public transport was carried out by trams.

Keywords: car, bicycle, motorcycle, intercity communication, intraurban flights, commercial transportation.

Л.В. Криворучко

РОЛЬ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ В РАЗВИТИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

В данной статье представлена деятельность Ставропольской мужской классической гимназии в становлении северокавказского просветительства. Рассмотрены некоторые персоналии северокавказских просветителей, связанные непосредственно с гимназией. В статье освещается информация о педагогических кадрах гимназии. Большой акцент сделан именно на представлении модели преподавания в данном учебном заведении.

Ключевые слова: образование, гимназия, просветительство, интеллигенция, горцы.

Открытие Ставропольской гимназии – знаменательная веха в развитии просвещения на Кавказе, ибо она явилась первым светским средним учебным заведением, открывшим доступ к образованию уроженцам края. Вплоть до начала 50-х годов Ставропольская (до 1848 года Кавказская областная) гимназия была единственной на Северном Кавказе. Ставропольская мужская классическая гимназия была основана 18 октября 1837 года, когда северокавказский регион посетил царь Николай I.

При гимназии состоял «благородный пансион», в котором жили и обучались дети дворян. Ставропольская гимназия сыграла в обучении и воспитании детей горцев важнейшую роль. Первые гимназисты из числа горцев появились в Ставропольской гимназии в 1849 г. В 1850 г. в гимназии обучалось 185 учеников, из них всего 11 горцев. С 1850 по 1887 г. в гимназии прошли обучение 7 191 человек, в том числе 1 739 представителей

горских народностей региона. В конце XIX в. число учеников Ставропольской гимназии превышало 800 человек, среди них 43 гимназиста из Дагестана, 21 человек из Терской области, 18 человек из Кубанской области [1].

В первые два месяца после открытия гимназии в ней преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык и словесность, латинский язык; математика, география, история и статистика [2].

В Ставропольской гимназии в разные годы работали различные известные педагоги просветители: Я.М. Неверов, У.Х. Берсей, Н.И. Воронов, Ф.В. Юхотников, С.Л. Кузьмин, Н.С. Рындовский и др. Российские и горские ученые делали все возможное для приобщения народов Кавказа «посредством обучения их грамотности к культурным ценностям российской цивилизации, стремились решить проблемы национальной и этнокультурной толерантности» [3]. Под их непосредственным воздействием появилась талантливая плеяда горских просветителей (М. Абаев, Ч. Ахриев, И. Кануков, С. Кокиев, А. Гассиев, А-Г. Кешев, К. Хетагуров и др.), продолживших начатое российскими учеными и педагогами дело культурного обновления края.

Особую популярность в среде горцев учреждение получило во времена работы директором Я.М. Неверова. Его незаурядные организаторские и педагогические способности привлекали воспитанников. В работе он учитывал специфику социальных, этнических и религиозных особенностей учащихся гимназии. Посещая столицу, директор гимназии знакомил власти со своими проектами и поднимал проблемы просвещения в регионе. Он уделял внимание языковой адаптации обучающихся, методической работе, был щепетилен в подборе педагогических кадров [4].

С особым вниманием и заботой Януарий Михайлович относился к воспитанникам из числа коренных жителей Кавказа, тонко чувствуя потребности формировавшегося российско-северокавказского общества: «горцам следует давать такое образование, которое бы представляло им средство быть полезными гражданами не на воинственном, а преимущественно мирном поприще, не выходя из своей среды, т. е. не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований» [5].

Я.М. Неверов стремился развивать в своих воспитанниках дух любознательности, для чего организовал в гимназии две библиотеки. Они находились в ведении учителя словесности Федора Васильевича Юхотникова. Федора Васильевича с большой симпатией относился к горцам и видел в них нравственные достоинства и недюжинные умственные способности [6].

В 1851 г. Я.М. Неверов учредил в память о создании Ставропольской гимназии ежегодные конкурсы сочинений воспитанников. Работы на данный конкурс ученики готовили во время летних каникул. Сочинения рассматривались директором, а далее предлагались на обсуждение педагогическому совету. Лучшие работы зачитывались авторами в присутствии педагогического коллектива. Автору сочинения задавались вопросы, чтобы убедиться, что выступающий умеет защищать свое мнение. И лишь пройдя строгий отбор, сочинения декламировались авторами на торжественном собрании в октябре нового учебного года [7].

Из 23 сочинений, представленных учениками Ставропольской гимназии на конкурс в 1857 году, выдавалась своими достоинствами работа ученика VI класса Адиль-Гирея Кешева – «О характере героев в современных русских повестях и романах». Рассматривая конкурсные работы за этот год, совет заметил, что сочинения горцев отличаются большим совершенством, чем сочинения русских. Это явление совет объяснял тем обстоятельством, что русские, «привыкнув с детства выражаться неправильным русским языком и употреблять областные слова и речения, с трудом отвыкают от этих привычек в гимназии. Горцы же поступают в нее без всяких познаний, почерпают их уже в чистом источнике и при

замечательной их любви, к чтению приобретают материал языка практикой и учением образуют свой слог преимущественно по образцам литературным» [8].

Таким образом, одним из выпускников Ставропольской мужской классической гимназии является видный общественный деятель, просветитель, педагог Северного Кавказа XIX в., абазинец – Адиль-Гирей Кешев.

Во время обучения в Ставропольской гимназии Адиль-Гирей Кешев по всем предметам успевал отлично, но особое пристрастие имел к литературе, в чем была большая заслуга преподавателя этого предмета Ф.В. Юхотникова. Кешев отлично справлялся с написанием ежегодных сочинений, нам известны две темы сочинений, подготовленных в годы учебы в гимназии А.-Г. Кешевым: «О характере героев в современных русских повестях и романах» (1857 г.) и «О сатирическом направлении литературы при Петре, Екатерине и в наше время» (1858 г.), высоко охарактеризованные руководством гимназии. Одно из этих сочинений было отослано в журнал «Русский педагогический вестник», который отмечал: «Как-то странно, но вместе с тем отрадно видеть под такими словами черкесское имя Адиль-Гирея Кешева! Наука вправе ожидать многое от молодого горца, который с такой внутренней силой вступает на ее поприще» [9]. Кешев с отличием окончил гимназию, получив рекомендацию в Петербургский университет. В 1859 г. он посылает свой первый литературный опыт в журнал «Библиотека для чтения» [10].

Уже в первом произведении – цикле рассказов под названием «Записки Черкеса», в который вошли рассказы «Два месяца в ауле», «Ученик джиннов» и «Чучело», – Кешев создает широкую реалистическую картину общественного быта адыгов накануне реформ 1860-х годов. Позже А.-Г. Кешев подготовит статьи, посвященные адыгской тематике: «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым», «Характер адыгских песен», «О незаметном вымирании горских песен и преданий», «Из кабардинских (адыгских) преданий» [11]. Свои литературные произведения он подписывал именем Каламбий (в переводе с арабского «Господин пера»).

Итак, Ставропольская мужская гимназия, основанная в 1837 году, на протяжении десятилетий являлась центром формирования местной северокавказской интеллигенции. Именно здесь получало образование население Ставропольской губернии, Кубанской и Терской области, в том числе горцы. Появление интеллигенции означало прогресс в области культуры, науки, техники. Северокавказские просветители, получившие образование в Ставропольской гимназии, открывали школы, покровительствовали наиболее одаренным ученикам и направляли их на учебу в крупные российские города. Благодаря их деятельности образование получили многие жители Северного Кавказа.

Примечания

1. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов: Избранное. Орджоникидзе, 1972. С. 342.
2. Стрелов В. И. Педагогические взгляды и деятельность Я. М. Неверова на посту директора Ставропольской мужской гимназии // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века. Ставрополь, 2006. С. 591.
3. Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители второй половины XIX–XX вв. Нальчик, 1983. С. 99.
4. Психомасова А. Р. Вклад Ставропольской классической гимназии в формирование адыгской интеллигенции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2014. № 3 (42). С. 176.
5. Краснов М. В. Просветители Кавказа // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века. Ставрополь, 2006. С. 630.
6. Неверов Я. М. Еще раз об образовании кавказских горцев // Кавказ. 1895. № 39. С. 8.

7. Стрелов В. И. Педагогические взгляды... С. 768.
8. Краснов М. В. Просветители Кавказа... С. 573.
9. Адиль-Гирей Кешев / вступ. статья Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1976. С. 6.
10. Ктиорова О. В. Основные вехи жизненного пути Адиль-Гирея Кешева // Вопросы южно-российской истории. Вып. 18. Армавир, 2013. С. 356.
11. Хашхожева Р. Х. К вопросу об этнической принадлежности Адиль-Гирея Кешева // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, 2002. Вып. 4. С. 19.

L.V. Krivoruchko

THE ROLE OF STAVROPOL CLASSICAL GYMNASIUM IN THE DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS ENLIGHTENMENT

This article presents the activity of the Stavropol men's classical gymnasium in the development of the North Caucasus enlightenment. Discusses some of the personalities of the North Caucasus educators associated directly with the school. The article also provides information about teachers' school. A big emphasis is on the presentation model of teaching in the school.

Keywords: education, school, enlightenment, intellectuals, highlanders.

Е.В. Панарина

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ П.Н. МИЛЮКОВА

В статье рассматриваются взгляды видного руководителя партии кадетов П.Н. Милюкова по вопросам Великой русской революции 1917 г., включающие ее причины, характер, движущие силы. Анализируются представления П.Н. Милюкова о причинах неудач политики либералов и умеренных социалистов, а также роли стихийного народного движения в революционном процессе и деятельности большевистской партии.

Ключевые слова: Великая русская революция, самодержавие, Временное правительство, кадеты, умеренные социалисты, большевики.

Мемуары Павла Николаевича Милюкова представляют несомненный научный интерес с точки зрения изучения представлений руководителя партии кадетов о феномене Великой русской революции 1917 г. Эти мемуары являются не только ценнейшим источником для понимания истории нашей страны, но и полезной информацией к размышлению о проблемах современной России. Речь в данном случае идет о реализации либерального проекта преобразования российского общества, начавшегося после уничтожения советской политической системы в 1991 г. Сложность и противоречивость процесса модернизации страны, сохраняющиеся острые проблемы в социально-политической и социально-экономической сферах заставляют задуматься о тех не до конца познанных уроках, которые извлекли для себя лидеры либерального лагеря из бурных событий 1917 г.

Свои представления о причинах, характере, движущих силах и других аспектах Великой русской революции П.Н. Милюков изложил в своей фундаментальной «Истории второй русской революции», написанной в 1920 г., непосредственно после окончания Гражданской войны в России. Через двадцать лет, находясь уже в преклонном возрасте, Милюков опубликовал свои «Воспоминания», в которых вновь поделился размышлениями о событиях 1917 г. Эти два труда Милюкова и были положены в основу анализа его представлений о Великой русской революции.

В процессе исследования данных представлений было интересно сопоставить позицию лидера кадетской партии и руководителей большевистской партии, которая вышла победителем из острой и длительной политической борьбы со своими оппонентами, представив собственное обоснование коренного поворота в развитии страны, ставшее одним из важнейших элементов утвердившийся в СССР официальной идеологии.

Примечательно, что Милюков, как и большевики, рассматривал революционные события 1917 г. как единый революционный процесс, как действительно Великую русскую революцию, началом которой стало разрушение прежней политической системы в лице самодержавия. Однако в определении причин революции позиции существенно расходятся. Если В.И. Ленин и его сторонники рассматривали причины революции сквозь призму марксистской теории о неизбежной смене общественно-экономических формаций, то Милюков в качестве таковых определял результаты глубинных процессов в социокультурной сфере российского общества.

Одним из этих результатов автор считал слабость государственности в России, ставшей неизбежным последствием такого хода исторического процесса, в котором пришедшая извне государственность постоянно, при Рюрике, как и при Петре Великом и в последующем опережала внутренний органический рост государственности. Господствующие классы, по Милюкову, являлись не столько продуктом внутреннего развития страны, сколько служилыми сословиями при созданном по западному образцу государстве. Характеризуя в данном случае дворянство, Милюков обращал также внимание на «почти полное отсутствие «буржуазии» в истинном смысле этого слова, ее политическое бессилие...». Он справедливо обращал внимание на глубокую разницу в истории всей борьбы за политическую свободу между Россией и европейским Западом, заявлял «о громадном хронологическом расстоянии между началом этой борьбы там и у нас, о неизбежном последствии этой разницы, о слиянии у нас политического переворота с социальным, а в социальном перевороте – о смещении борьбы против непрочного сложившегося и быстро разрушившегося крепостничества с борьбой против совсем не успевшего сложиться „капитализма”» [1].

С двумя отмеченными чертами: слабостью русской государственности и с примитивностью русской социальной структуры, Милюков связывал третью характерную черту российского революционного процесса – идейную беспомощность и утопичность стремлений русской интеллигенции. Считая, что корни слабости и бессилия революционной интеллигенции заложены в прошлом, Милюков видел неорганичность культурного развития России в неизбежном следствии его запоздалости. Являясь убежденным «западником», он признавал, что «мы не могли сделать одного: мы не могли еще выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу. Эту западную культурную устойчивость мы еще склонны называть «ограниченностью» и мы продолжаем предпочитать ту безграничную свободу славянской природы, «самой свободной в мире», о которой не то с умилением, не то с сокрушением говорил гениальный наблюдатель Герцен» [2].

Учитывая такую оценку, становится ясно, почему для Милюкова и его соратников по партии наиболее приемлемой формой политической системы в России являлась конституционная монархия, при которой сохранение определенных атрибутов привычной для общества власти позволяло осуществить буржуазные преобразования на основе принципов постепенности и последовательности стадий перехода от традиционного российского уклада к западной модели развития. Одной из главных причин неудач этих намерений Милюков определил неспособность Николая II и его окружения к диалогу с либеральной буржуазией. Оценки, которые дает автор императору и проводимой им политике удивительно совпадают с аналогичными оценками советской историографии.

В ряду причин Февральской революции Милюков особенно выделял влияние на обстановку в стране Первой мировой войны, отмечая, «что старое правительство было

свергнуто ввиду его неспособности довести войну «до победного конца». Именно эта неспособность обеспечила содействие вождей армии при совершении переворота членами Государственной Думы» [3].

Близость оценок Милюкова и советской историографии обнаруживается и при характеристике политики проводимой Временным правительством, вначале представленного в основном кадетами, а затем в коалиции с умеренными социалистами. Не удивительно, что лидеры большевиков давали крайне отрицательную оценку деятельности своих противников. В то же время принадлежащий к последним Милюков также не скрывал разочарования в способностях российских либералов справиться с управлением страной, у которых вместо реальных дел преобладала демагогия, пустопорожние споры и безответственность. В частности, он отмечал, что были решения, перед которыми Временное правительство останавливалось, «считая их вмешательством в права Учредительного собрания (например, вопрос о будущей форме правления); с другой стороны, из своего состава выделило настоящую диктаторскую группу, которая не остановилась и перед этим решением» [4].

Вместе с тем, Милюков отдает должное большевикам, которые, напротив, сумели увлечь народ своими, по его мнению, утопичными проектами и сами были ими увлечены, целенаправленно осуществляя меры по захвату власти. Милюков писал: «Среди постепенно прогрессирующего хаоса и анархии два элемента сохранили и усилили свой характер планомерных волевых факторов: во-первых, утопия всемирной социалистической революции, долженствовавшей из Петрограда перекинуться на Берлин, Париж, Лондон и т. д., утопия, уже погубившая нашу первую революцию 1905 г. отчасти при посредстве тех же самых идеологов-фанатиков; во-вторых, искусство германского генерального штаба, сумевшего организовать измену внутри неприятельской страны и заставить русских сражаться за Германию в Петрограде, Москве и многих других городах России» [5].

Вместе с тем, спорными представляются суждения Милюкова о русском народе, в котором он видел по преимуществу темную, невежественную массу, неспособную к восприятию прогрессивных идей, идущую на поводу популистских лозунгов. В связи с этим, одной из главных причин поражения либерального движения в России, как считал Милюков, явились «бессознательность и темнота русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже идей, являющихся вполне своевременными, а частью даже и осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности» [6].

Можно высказать предположение о том, что утверждение конституционной монархии, к которой стремились кадеты, также вряд ли способствовало бы поддержке новой власти со стороны народа. Либералы в данном случае преувеличивали авторитет царя в народных массах. Вопреки этому представлению, значительная часть народа не только приветствовала падение монархии, но и безучастно отнеслось к расстрелу царской семьи. Об этом свидетельствуют не только либералы, но и представители монархического лагеря.

Например, как отмечает бывший министр царского правительства В.Н. Коковцев, «на толпу, на то, что принято называть «народом» – эта весть произвела впечатление, которое я не ожидал. В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: «давно бы так», «ну-ка – поцарствуй еще», «крышка Николашке», «эх, брат Романов, доплясался», – слышались кругом, от самой юной молодежи, а старшие либо отворачивались, либо безучастно молчали» [7].

Высказывая свое отрицательное отношение к стихийной народной революции и возможности народа к управлению государством, Милюков к моменту окончания Гражданской

войны скорректировал собственную позицию о пассивной роли инертной массы, признав, что в Советской России начинается строительство нового в мировой истории государства и общества, в котором народ принимал непосредственное участие. Милюков отмечал: «Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о земле. Если из мрака небытия, в котором мы погребены под обломками великих руин, нам удастся зафиксировать эту светлую точку вдаль, то это соображение поможет излечить самый упорный пессимизм и, быть может, внушить отчаявшимся и тонущим, каких теперь так много, желание жить дальше, чтобы работать для родного народа на новом пути, избранном им самим» [8].

Исходя из этой позиции, Милюков отказался от идеи насильственного свержения Советской власти извне, считая, что она изживет себя изнутри, потеряв поддержку народных масс. Вместе с тем, он надеялся, что этот процесс не приведет к новому ослаблению страны, следствием чего могло стать ее порабощение сильными державами. Этот исход он признавал более губительным для России, чем сохранение большевистского режима.

В последние годы жизни, которые совпали по времени с начальным периодом и кульминацией Великой Отечественной войны, эволюция представлений Милюкова привела его к выводу о близости народа и действующей в СССР власти. «Утверждать, что отношение к власти армии и населения сплошь «остаётся враждебным», – писал Милюков, – значит присоединиться к ожиданиям неприятеля, тоже не сомневавшегося, что народ восстанет против правительства и режима при первом появлении германских штыков. В действительности этот народ в худом и хорошем связан со своим режимом» [9].

Нужно отдать должное Милюкову в том, что он нашел в себе мужество дать высокую оценку достижениям советского государства и общества, которые позволили дать отпор агрессору, использующему мощный военно-экономический потенциал цивилизованной Европы. «Советские люди, – писал Милюков, – создали громадную промышленность и военную индустрию, они поставили на рельсы нужный для этого производства аппарат управления. Упорство советского солдата коренится не только в том, что он идет на смерть с голый грудью, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании, вооружении и не менее развит профессионально» [10]. В связи с этим, Милюков приветствовал разгром немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом и умер в марте 1943 г. в надежде на окончательную победу над врагом.

Таким образом, представления П.Н. Милюкова о Великой русской революции и ее последствиях прошли определенную эволюцию. Если в начале 1920-х гг. Милюков оценивал революцию как упущенную возможность реформирования страны по западноевропейскому образцу и проявление невежества народных масс, обличенного в форму большевистской диктатуры, то через двадцать лет осуществления «советского эксперимента», он признал достижения советского государства, порожденного революционными событиями 1917 г. На основе анализа представлений П.Н. Милюкова можно сделать вывод о том, что революции, как и другие явления политической жизни не могут происходить по определенному шаблону, основанному на программах тех или иных партий. Формирование революционного процесса является сложным продуктом общественного развития, примером чему служит история Великой русской революции.

Примечания

1. Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 18.
2. Там же. С. 19.
3. Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 481.
4. Там же. С. 453.

5. Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 54.
6. Там же. С. 20.
7. Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911-1919 / сост., авт. вст. ст., коммент., имен. указ. С. С. Волк. М., 1991. С. 531.
8. Милуков П. Н. История второй русской революции / с предисловием и послесловием Н. Старикова. СПб., 2014. С. 8.
9. Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 19.
10. Там же.

E.V. Panarina

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE VIEWS OF P.N. MILYUKOV

The article discusses the views of P.N. Milyukov, the leader of Kadet Party, on the great Russian revolution of 1917, including its causes and nature. There is analyzed Milyukov 's view on causes of failure politics of Liberals and moderate Socialists, as well as the role of spontaneous popular movement in the revolutionary process and the activities of the Bolshevik Party.

Keywords: the great Russian Revolution, autocracy, the provisional Government, the kadets, the moderate Socialists, Bolsheviks.

Ю.Б. Молчанов

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ КОМАНДАРМА И.Л. СОРОКИНА

Статья посвящена периоду установления Советской власти на Кубани, роли и участию в этих событиях непростой и яркой фигуре – Ивана Лукича Сорокина. К сожалению, в современной историографии до сих пор нет однозначной оценки как самого вооруженного противостояния между «белыми» и «красными» на территории Кубани, так и самой личности Ивана Лукича Сорокина. Автор ставит перед собой цель проанализировать и дать оценку, на основании собранных материалов, как противоречивой и сложной фигуре И.Л. Сорокина, так и тем сложным историческим процессам, которым скоро исполняется 100 лет, на фоне которых он смог так ярко себя проявить.

Ключевые слова: казаки, командарм, Кубань, конфронтация.

Иван Лукич Сорокин родился 4 (16) декабря 1884 г. в станице Петропавловской Лабинского отдела Кубанской области, в казачьей семье среднего достатка [1]. В 13 лет он поступил в Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу, куда принимали грамотных подростков 12-17 лет. Школа готовила полковых медицинских работников для Кубанского и Терского казачьих войск. После ее окончания участвовал в Русско-Японской войне [2].

Во время Первой мировой войны служил в 1-м Линейном полку Кавказского фронта фельдшером. Благодаря своей храбрости и отваге обратил на себя внимание начальства. За смекалку и личный героизм был награжден Георгиевским крестом 3-й и 4-й степени. В 1915 г. его отправили на учебу в Тифлисскую школу прапорщиков, по окончании которой в 1916 г. произвели в чин хорунжего, после чего он опять возвратился на Кавказский фронт.

В ходе боев с турками Сорокин вновь отличился, за что и получил чин подъесаула и стал командиром сотни 1-го Лабинского полка.

В 1917 г. Сорокина как прекрасного оратора отправили в Киев на Казачий съезд, который потом переехал в Новочеркасск. Там он с резкой критикой выступил против

генералов, поддерживавших Временное правительство. Позиция И.Л. Сорокина не нашла поддержки среди участников съезда, он был арестован, но вскоре отпущен. Опасаясь повторного ареста, он бежал к себе на родину – в станицу Петропавловскую, где из казаков-фронтовиков создал вначале революционный комитет, а потом революционный отряд в 150 сабель [3].

Фото 1. И.Л. Сорокин

Свой отряд Сорокин привел к железнодорожной станции Тихорецкая, где они влились в состав Юго-Восточной революционной армии, которой командовал его сослуживец по Кавказскому фронту, бывший хорунжий А.И. Автономов [4].

Уже в феврале 1918 г. он стал помощником командующего Юго-Восточной Красной Армии. Здесь проявился его талант не только как прекрасного организатора и пламенного оратора, но и как грамотного военачальника, способного планировать и воплощать крупные операции. Иван Лукич был смелым человеком, лично присутствовал на самых сложных участках фронта, мог лично поднять войска и повести их в атаку, за что бойцы его не просто любили, а боготворили.

Сорокина поставили командовать Екатеринодарским фронтом, где проявился его полководческий талант. За оборону Екатеринодара и разгром Добровольческой армии Корнилова в апреле 1918 г. ЦИК Кубанской республики наградил его «Алой муаровой лентой» [5].

Его стремление быть самостоятельным в военной деятельности, игнорирование приказов, а иногда и не подчинение им, привели к конфликту с его начальником А.И. Автономовым. Следует отметить, что Автономов вел себя абсолютно так же по отношению к ЦИК и политруководству Кубано-Черноморской республики (КЧР), за что и был снят с должности по решению 3-го Съезда Советов КЧР, но тогда в этом конфликте Сорокин поддержал своего начальника [6].

После снятия с должности Автономова командовать войсками Красной Армии на Северном Кавказе назначили К.И. Калинина, но, потерпев ряд поражений, он просил снять его с должности и рекомендовал на свое место Сорокина [7]. 3 августа 1918 г. И.Л. Сорокина назначили командующим войсками Северного Кавказа.

В это же время обострился его конфликт с партийными и советскими органами. Адъютант И.Л. Сорокина Ф.Ф. Крутоголов писал: «Сорокин был человеком крайне честолюбивым, но житейски умным. Выше и важнее всего в период войны ставил военное дело, стремился быть неограниченным в сфере военной деятельности, в гражданские дела не вмешивался, предоставляя это политорганам армии. Он представлял человека, которому приходилось бороться не только с врагами явными, но и с какой-то таинственной изменой, которая окружала его. Он чувствовал всю неискренность отношения к нему со стороны членов ЦИК Северокавказской республики. Они армии не знали, и армия их не знала и не видела. В то же время они направили в главный штаб Северокавказской армии и в оперативный штаб белогвардейских офицеров, деникинских агентов, которые, затаившись, творили свои темные дела: искажали смысл приказов и распоряжений в пользу деникинской армии» [8].

На этом фоне Сорокин все чаще в своих публичных выступлениях начинает критиковать партийное руководство Северо-Кавказской республики, обвиняя их в открытой враждебной политике по отношению к казачеству. Он говорил, что политическое руководство не знает и не учитывает «местной специфики».

В то же время, используя свою популярность, стремясь к неограниченной власти, проводил политику на централизацию военного управления. Он отстранил от командования Белореченским округом Г.А. Кочергина. Был расстрелян командующий Таманской армией И.И. Матвеев. Таманцы считали, что приказ о расстреле их командующего отдал Сорокин, однако решение о расстреле принял Реввоенсовет, на котором Сорокин отсутствовал, так как в это время болел, а приказ был подписан Председателем ЦИК КЧР Рубиным и секретарем крайкома Крайним, позднее расстрелянными в Пятигорске [9].

Вскоре конфликт с политическим руководством достигает своего пика. 15 октября 1918 г. в Пятигорске состоялся фронтовой съезд. На нем Сорокин справедливо обвинил ЦИК Северо-Кавказской республики в прямом саботаже, что отражалось на снабжении армии прежде всего боеприпасами, продовольствием, обмундированием, из-за чего войска терпели поражения. В ответ на демарш командарма, ЦИК республики принял решение о снятии его с должности.

В ответ на это И.Л. Сорокин собрал Военный совет армии, на котором приняли решение об аресте руководства Северо-Кавказской республики, обвинив их в измене. 21 октября 1918 г. председатель ЦИК КЧР А.А. Рубин, секретарь крайкома М.И. Крайний, председатель ЧК М.П. Власов, председатель фронтовой ЧК Б.Г. Рожанский, уполномоченный ЦИК по продовольствию С.А. Дунаевский были расстреляны у подножья горы Машук. В ответ на это 27 октября остальные члены ЦИК и реввоенсовета собирают Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа, где командарма Сорокина и 3-х его замов объявили вне закона [10].

Несмотря на предостережения чекистов, Сорокин отправляется на съезд, чтобы объяснить свои действия: «...я должен быть на съезде. Я докажу, что арестовал предателей, документами докажу!» [11]. Однако поезд командарма на станции Курсавка был остановлен, конвой разоружен, а сам Сорокин арестован и отправлен в Ставропольскую тюрьму. Сорокина пытались доставить в Невинномысскую на съезд, но в это время «белые» взяли Армавир, и съезд прекратил свою работу. И.Л. Сорокина доставили об-

ратно в Ставропольскую тюрьму, где он и был расстрелян командиром 3-го Таманского полка И.Т. Высленко [12].

Деятельность Сорокина по достоинству оценили как враги, так и соратники. Командующий Добровольческой армии А.И. Деникин писал: «...весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих – Сорокина или штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северокавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника» [13]. Командарм 1-й Конной армии С.М. Буденный считал, что «он был настоящим казачьим полководцем, который боролся за правду, но она не всегда идет в согласие с реальной жизнью» [14].

Высоко оценивал его и Л.Д. Троцкий, которого многие считают одним из виновников смерти Сорокина. Сохранились материалы его разговора с Я. Полуяном, в котором он обвинял, что тот, скрыв телеграмму, предписывавшую доставить Сорокина в Москву, допустил самосуд над ним таманцев, и тем самым погубил «талант-самородок» [15].

В своей записке «Год гражданской войны на Северном Кавказе» (1919 г.) Г.К. Орджоникидзе писал о том, что «несмотря на всю необузданность Сорокина, несмотря на его преступления, совершенные по отношению к нашим товарищам, с контрреволюцией никаких связей не имел...» [16].

С 1905-1907 гг. Сорокин принимал активное участие в революционном движении, за что был сослан в Оренбург под надзор полиции, где и находился до августа 1909 г. [17]. В 1917 г. состоял членом партии эсеров. В мае 1918 г. парторганизация фронта оформила его сочувствующим РКП(б), он всегда присутствовал на партийных собраниях при штабе армии [18]. И.Л. Сорокин был солдатом, который принял новую власть и воевал за нее честно и храбро. Безусловно, фигура Ивана Лукича Сорокина неординарная и порой противоречивая, которую революционные события вынесли на вершину, но они же потом его и уничтожили. 11 армия с гибелью Сорокина терпела поражение, за поражением, откатываясь в астраханские степи, и в начале 1919 г. практически прекратила свое существование.

Примечания

1. Карпов Н. Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М. : Русская панорама, 2006. С. 24.
2. Там же. С. 78.
3. Шишов А. В. 100 великих казаков. М. : Вече, 2007. С. 375.
4. Крутоголов Ф. Ф. Правда о Сорокине // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 263.
5. Там же. С. 263.
6. Красильников О. Ю. Жизнь и смерть командарма Сорокина [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/k/krasilxnikow_o_j/sorokin.shtml.
7. Крутоголов Ф. Ф. Указ. соч. С. 267.
8. Там же. С. 264.
9. Там же. С. 269.
10. Шишов А. В. 100 великих казаков. М. : Вече, 2007. С. 379.
11. Крутоголов Ф. Ф. Правда о Сорокине // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 266.
12. Шишов А. В. 100 великих казаков. М. : Вече, 2007. С. 379.
13. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М. : Айри-пресс, 2006. Т. 3. С. 77.
14. Красильников О. Ю. Указ. соч.
15. Крутоголов Ф. Ф. Указ. соч. С. 273.
16. Там же. С. 274.
17. Там же. С. 263.
18. Там же. С. 267.

Y.B. Molchanov

PAGES OF THE BIOGRAPHY OF ARMY COMMANDER I.L. SOROKIN

The article is devoted to the period of establishment of Soviet power in the Kuban region, the role and participation in these events difficult and bright figure – Ivan Lukich Sorokin. Unfortunately, modern historiography is still no unambiguous assessment of how the armed confrontation between "white" and "red" on the territory of Kuban and the personality of Ivan Lukich Sorokin. The author aims to analyze and assess, on the basis of the collected materials, as contradictory and complicated figure I.L. Sorokin and the complex historical processes that soon will be 100 years, against which he could so clearly manifest themselves.

Keywords: cossacks, war commander, Kuban, confrontation.

Г.А. Геворгян, А.Н. Коломойченко

БОРЬБА СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С ПОВСТАНЧЕСТВОМ НА КУБАНИ В 1920 ГОДУ

В статье рассматривается борьба местных партийных и советских органов Кубани с антисоветским повстанческим движением в 1920 г. Анализируется организация антиповстанческих мероприятий, роль партийных комитетов и ревкомов в их обеспечении. Приводятся сведения о взаимодействии местных органов с руководством Красной армии по подавлению антисоветских выступлений, дается оценка результатам этой деятельности.

Ключевые слова: повстанчество, советские органы, революционный трибунал, всероссийская чрезвычайная комиссия, отряды особого назначения, революционные комитеты, Красная армия.

Подавление повстанческого движения являлось серьезной проблемой для большевиков. От того, насколько быстро и успешно население будет приведено к покорности, зависела не только внутренняя стабильность молодого Советского государства, но и признание его на международной арене. В организации и контроле над проведением антиповстанческих мероприятий непосредственно участвовали как центральные партийные, советские, военные и карательные структуры, так местные партийные и советские органы, а также действующие в годы Гражданской войны революционные трибуналы.

Повстанческое движение, захлестнувшее Северо-Западный Кавказ в 1920 году, представляло серьезную угрозу завоеваниям большевиков, но, тем не менее, не было неожиданностью для советского руководства. Еще в начале февраля 1920 года на IV конференции губернских Чрезвычайных Комиссий В.И. Ленин обращал внимание чекистов, что «первый острый момент борьбы с контрреволюцией, с белогвардейской вооруженной силой как скрытой, так и явной, этот острый период, по-видимому, проходит. Но более чем вероятно, что попытки тех или иных контрреволюционных движений будут повторяться. Сохраняя боевую готовность, не ослабляя аппарата для подавления эксплуататоров, мы должны учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменяя тактику, изменяя характер репрессий» [1]. Уже 19 февраля 1920 года В.И. Ленин подписал постановление СНК «О мерах борьбы с бандитизмом», возлагавшее ответственность за пресечение вооруженных выступлений на органы ВЧК и ревтрибуналы [2].

Общее руководство борьбой с повстанчеством на освобожденных территориях Северного Кавказа и Закавказья осуществляло Кавказское бюро ЦК РКП (б), образованное 8 апреля 1920 года. Годом позже, 28 февраля 1921 года, на заседании Президиума Кавказского бюро ЦК РКП(б) было принято постановление о создании Юго-Восточного бюро, которое руководило работой, в Донской, Кубано-Черноморской и Терской областях и Ставропольской губернии.

Действующие в регионе войска в разное время входили в состав Кавказского фронта и Северокавказского военного округа. После разгрома Деникина Кавказский фронт был ликвидирован и приказом РВСР № 499/83 от 31 марта 1920 года был вновь создан Северокавказский военный округ. Однако округ просуществовал недолго. Ввиду обострения обстановки на Северном Кавказе Приказом РВСР № 1392/239 от 21 июля 1920 года опять был образован Кавказский фронт, а функции Управления округа были переданы Командующему войсками фронта. Управление фронтом и округом осуществлял Реввоенсовет, в подчинении которого находились штаб, политотдел, ревтрибунал и т. п. В составе Кавказского фронта действовали 1 Конная, 8-я (Кавказская трудовая), 9-я Кубанская, 10-я Терская, 11-я, 2-я Особая армии. Помимо регулярных частей Красной армии, в подавлении повстанцев принимали участие также войска Внутренней охраны Республики (ВОХР) и Части (отряды) особого назначения (ЧОН – ООИ).

Для борьбы с контрреволюцией в Кубанской области приказами штаба 9-й Кубанской армии стали создаваться специальные укрепрайоны. В центре Кубано-Черноморской области был образован Екатеринодарский укрепрайон. Для охраны побережья Керченского пролива и Азовского моря от высадки групп противника и ликвидации повстанцев в плавнях реки Кубани был создан укрепрайон на Таманском полуострове [3].

Самое активное участие в антиповстанческих мероприятиях принимали местные советские и партийные органы. Партийные комитеты непосредственно занимались организацией военных и агитационных акций. Они формировали отряды ЧОН и дружины самообороны. Ревкомы и Советы состояли преимущественно из членов партии. Партийные структуры направляли карательную политику, регулировали деятельность органов ЧК, милиции, суда, занимались продработой [4].

Говоря о государственном строительстве, следует отметить, что система ревкомов, упраздненная еще в январе 1920 года, на Северном Кавказе существовала довольно долго. Ревкомы являлись своеобразным переходным звеном, играли важную роль в организации и проведении антиповстанческих мероприятий. Для непосредственного руководства борьбой с антибольшевистскими отрядами при ревкомах могли создаваться оперативные штабы. Такой штаб действовал при Армавирском отдельском ревкоме, когда город в 20-х числах августа оказался под угрозой захвата повстанческими войсками.

К июлю 1920 года, когда стало ясно, что повстанчество приняло угрожающий размах, командование 9-й Кубанской армии пришло к выводу о неэффективности действий государственных структур, призванных вести борьбу с восставшим народом. Ревкомы не пользовались никаким авторитетом в глазах населения, а злоупотребления террористическими мерами подрывало позиции советской власти. ЧК и Особотделы вызывали у жителей лишь страх, причем даже у тех слоев, чьи интересы эти органы, собственно, и были призваны защищать. Милиция и военкоматы, первые столкнувшиеся с повстанцами, не имея поставленной разведки и действуя без всякой координации, не могли справиться с восставшими, но «сплошь и рядом были окружаемы бандитами и разоружались» [5].

Состав станичных ревкомов рекомендовалось оздоровить «введением в них сознательных, опытных партработников или командируя инструкторов для воспитания Ревкомов». Подчеркивалась необходимость «безусловного видоизменения и ограничения деятельности ЧК и Особого отдела». Одновременно предполагалось усилить дисциплину и политическую сознательность в красноармейских частях и милицейских отрядах. Все попытки произвола и бесчинств, способные вызвать недовольство населения, подлежали пресечению.

На место, где начинало проявляться недовольство населения, высылались группа агитаторов и политических инструкторов для проведения пропагандистско-разъяснительной работы. Инспекционная комиссия из представителей РВС, Кубчерревкома и Ревтрибунала должна была определить причины возникновения недовольства и непосредственных виновных.

Выявленные подстрекатели и виновники недовольства подлежали аресту и суду ревтрибунала. После приведения приговора в исполнение ликвидацию конфликта должны были завершать агитационные мероприятия.

Важно отметить, что приказом РВС Кубанской армии и Кубано-Черноморского ревкома № 6 от 2 июля 1920 года проведение судебного разбирательства и наказание виновных по делам контрреволюционных выступлений объявлялось исключительной прерогативой Революционного военного трибунала 9 армии и Областного ревтрибунала. Инструкцией также предлагалось расформировать громоздкий аппарат Облвоенкома, объединить Регистротдел, ЧК и Особотдел и создать ударные отряды для борьбы с восстаниями [6].

15 июля 1920 года Постановлением РВС 9 армии, Кубано-Черноморского ревкома и представителя ВЧК аппараты Кубано-Черноморской чрезвычайной комиссии и Особого отдела 9 армии были объединены под общим руководством. Новый орган был назван «Кубано-Черноморская чрезвычайная комиссия с Особым отделом при ней». Возглавил новую структуру председатель Реввоен трибунала 9-й армии Котляренко [7].

В июле 1920 г. вопрос об объединении карательных органов не потерял своей актуальности, поэтому принятое решение было утверждено на заседании Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б). На этом же заседании было заявлено о перенесении «центра тяжести борьбы с бело-зелеными бандами в область военного подавления» и сделана установка на разворачивание «самой беспощадной и неуклонной борьбы, как с самими участниками бандитских выступлений, так и со всеми теми, кто оказывает им какую-либо поддержку. Обком также одобрил предложенный Реввоенсоветом 9-й армии плана военной борьбы с повстанцами и идею о создании ударных отрядов с политработниками. Кроме этого, было сделано указание о проведении широкой агитационно-политической кампании. Немного позже, 27 июля, постановлением Кубано-Черноморского ревкома было подтверждено назначение Котляренко председателем Кубанской ЧК и утверждена коллегия при Кубчека в составе Когана, Виноградова, Павлова и Извекова [8].

В августе 1920 года на Кубани сложилась критическая для большевиков обстановка в связи с высадкой врангелевских десантов и выступления Армии возрождения России М.А. Фостикова. Карательные органы и недавно созданные ударные отряды оказались не в состоянии подавить повсеместные восстания и противостоять многотысячной повстанческой армии. В.И. Ленин требовал самого подробного отчета о ситуации на Кубани и Кавказе [9]. В конце августа, когда действия Армии возрождения России достигли своего апогея, В.И. Ленин писал Ф.Э. Дзержинскому: «Опасность, по-моему, громадная. Предлагаю: от Политбюро принять директиву: просить Оргбюро по соглашению НКвоен и ВЧК выработать экстренные меры борьбы с опасностью восстания и мобилизовать достаточное количество сил военных, чекистских и партийных. Если мы получим восстание на Кубани, вся наша политика (о которой говорили в Цека) крахнет. Надо во что бы то ни стало не допустить восстание, не пожалеть на это людей и сил» [10]. Для осуществления общего руководства всеми силами по борьбе с «бандитизмом» на Северном Кавказе при Северокавказском округе было создано специальное управление [11].

В сентябре – октябре 1920 года к борьбе с повстанчеством начинает подключаться и население. Так, собрание станичников-фронтовиков станицы Привольной Ейского отдела 26 сентября 1920 г. приняло решение «неукоснительно излавливать и расстреливать на месте» бело-зеленых. В станице Николаевской был образован отряд самообороны в 100 человек, основной целью которого была борьба с бело-зелеными.

Однако формирование структур, позволявших гибко использовать средства политического и силового воздействия на непокорное население, не поспевало за стремительным ростом повстанческих отрядов. С августа 1920 года подавление повстанчества осуществлялось уже преимущественно крупными регулярными частями Красной армии. Окончательное

решение проблемы повстанчества было связано не только с применением вооруженной силы, но и с введением новой экономической политики, в условиях которой была предпринята попытка сотрудничества советского государства и широких слоев общества, в том числе казачества, преобладавшего в рядах повстанцев.

Примечания

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40 [Электронный ресурс]. URL: <http://uaio.ru/vil/vilall.htm>.
2. Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / Сост. : Н. Т. Панчишкин, В. В. Гусев, Н. В. Сидоренко. Краснодар, 1997. С. 43.
3. Бугай Н. Ф., Джимов Б. М. От ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп, 1989. С. 113.
4. Трифионов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921-1923 гг.). Л., 1964. С. 183.
5. Дробов М. А. Малая война: партизанство и диверсии // Малая война. Организация и тактика боевых действий и малых подразделений : хрестоматия / Сост. А. Е. Тарас. Минск, 2003. С. 92-93.
6. Бугай Н. Ф., Меркулов Д. Х. Народы и власть: «Социалистический эксперимент». Майкоп, 1994. С. 311.
7. Кубанская ЧК. С. 51.
8. Там же. С. 56.
9. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы / Сост. М. И. Басик. М., 1998. Т. 1. Кн. 1-2. С. 222.
10. Из истории гражданской войны в СССР. Февраль 1920 – октябрь 1922 гг. М., 1961. Т. 3. С. 314.
11. Бугай Н. Ф. 20-е годы: становление демократических форм правления на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 74.

G.A. Gevorgyan, A.N. Kolomojchenko

SOVIET AUTHORITIES STRUGGLE WITH THE REBELLION ON KUBAN IN 1920

This article deals with the struggle of the local party and Soviet organs of Kuban with the anti-soviet rebel movement in 1920 examines the Organization of events, the role of counter-insurgency party committees and revolutionary committees in their provision. Provides information about the interaction of local bodies with the leadership of the Red Army to suppress anti-Soviet, assesses the results.

Keywords: rebellion, Soviet authorities, the Revolutionary Tribunal, the all-Russian Extraordinary Commission, special purpose units, the revolutionary committees, the Red Army.

А.Н. Коломойченко

ОСОБЕННОСТИ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА КУБАНИ В 1920 ГОДУ

В статье анализируются агитационные и программные материалы, на основе чего было установлено, что несмотря на общее неприятие населением коммунистического режима, единой целостной идеологической доктрины антибольшевистской направленности не существовало. Рассматриваются идеи восстановления единой и неделимой России и создания самостоятельной казачьей республики, дается оценка результатам этой деятельности.

Ключевые слова: повстанческое движение, идеология, самостоятельное движение, антибольшевизм, интернационализм, коммунизм.

В повстанческом движении 1920 года можно выделить четыре направления, выработавших собственные идейные основы. Прежде всего, это белогвардейские отряды, стоящие на позициях восстановления единой России, но отказавшиеся от лозунга реставрации самодержавия. Эту позицию разделял «Горно-сводный отряд» полковника Крыжановского в июле 1920 г., который открыто, проводил мобилизацию от имени Врангеля, а также самое крупное антисоветское формирование – «Армия возрождения России», проводившее активную пропаганду восстановления единой и неделимой России.

Второе направление, которое можно определить как казачье демократическое самостоятельное движение, выдвигавшее лозунг объединения казачества. Самостийные идеи поддерживало Кубанское краевое правительство, действовавшее в г. Тифлисе. Кроме того, эти взгляды были распространены непосредственно среди повстанческих отрядов, действовавших на Северном Кавказе.

Третье направление, определяется как демократическое движение «трудовластия», составляли «Организация свободного труда», «Трудовая и стоическая организация». Схожесть содержания листовок, единство места и времени распространения позволяют предположить, что за разными названиями могло скрываться одно и то же объединение. Социалистическая направленность призывов, большое внимание к земельному вопросу, разрешение его через социализацию земли, позволяет определить эти организации (либо организацию) как близкие эсерам.

Следует отметить, что в начале 1920 года среди кубанских эсеров возникли острые разногласия по поводу отношения к советской власти, только что возвратившей свои позиции на Северном Кавказе. Целью новой организации было «выявить истинное лицо революционной демократии, стоящей на платформе Советской власти». Равно осуждая «врангелевскую реакцию» и большевиков, узурпировавших власть и, таким образом, изменившим принципам социалистической демократии, отколовшаяся группа считала недопустимым любое сотрудничество с большевиками и настаивала на последовательном проведении политики третьего пути. Широкой поддержки среди населения трудовластники не добились, рабочие считали их «ненастоящими эсерами», кроме того, большевики арестовали большую часть группы раскольников [1]. Тем не менее, с большой долей уверенности можно предположить, что указанные организации принадлежали именно к этому эсеровскому течению, которым активно руководил Н. Воронович.

Четвертое направление представлено «Кубанским отрядом мира и свободы». Для этого отряда характерны лозунги, близкие к анархическим, с ярко выраженной антимонархической и антибольшевистской направленностью.

В 1920 году, безусловно, доминировала идея «единой и неделимой России», поддерживаемая проврангелевски настроенными формированиями и, прежде всего, «Армией возрождения России» М.А. Фостикова. Для «Армии» были характерны призывы к сохранению целостности России, пресечению сепаратистских устремлений со стороны горцев и части казачества. Жестко осуждались партизанские методы борьбы с большевизмом, которые практиковали мелкие повстанческие отряды.

Говоря о содержании агитации, большой интерес вызывает адресат, к которому, собственно, и обращались повстанцы, на чью помощь и поддержку они рассчитывали. Для листовок «Армии возрождения России» характерно обращение к достаточно большому спектру социальных и этнических групп. В ряде случаев агитаторы «Армии возрождения России» обращались к солдатам Красной армии, в основном к рядовому составу, стремясь склонить их на свою сторону, убеждая, с одной стороны в лживости большевистской пропаганды, а с другой, обещая им полную амнистию в случае перехода на сторону повстанцев.

В качестве объекта критики в большинстве листовок «Армии возрождения России» фигурируют большевики и коммунисты, а также применяемые ими насильственные методы насаждения коммунистического общественного устройства. Чуждость народу большевистской политики показывается посредством описаний зверств и жестокостей со стороны коммунистов. Агитаторы играли на антисемитских настроениях народа, подчеркивая еврейское происхождение большевистского руководства. В пику большевистской политике воинствующего атеизма в программе «Армии возрождения России» подчеркивалось, что вера будет гарантированно защищена от поругания. Выдвигался лозунг: «Вера неприкосновенна и священна» [2].

Важной чертой идеологии «Армии возрождения России» было провозглашение равного для всех закона и справедливого законного суда. В общем, в агитационных материалах «Армии возрождения России» достаточно последовательно проводились идеи внесловности и интернационализма. В армию призывались все – казаки, иногородние, горцы. Подчеркивалось, что возрождение России является общей задачей, стоящей как перед казаками, так и перед крестьянами и горцами.

Фостиковским штабом предпринимались активные идеологические диверсии с целью обострить ситуацию в регионе. В июле 1920 года в Баталпашинском отделе распространялись слухи о якобы предстоящем аннулировании советских денежных знаков всех достоинств выпуска 1918 года. В результате в отделе резко снизилось доверие к советской валюте, и вновь активизировался оборот донских денежных знаков. Наиболее емко требования «Армии возрождения России» воплотились в идеологической формуле: «Народу земля и воля, государству – твердая власть».

Позиция самостийников ярко излагается в воззвании войскового старшины Черного, который, осуждая большевиков за узурпацию власти и развязывание гражданской войны, признает невозможность избавления от большевизма центра России. Что касается политического устройства, то после освобождения Кубани предполагался созыв Краевой Рады на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, с соблюдением принципа пропорциональности. Раде подчинялась исполнительная власть. Правительство, в свою очередь, контролировало Кубанскую армию, сформированную из коренного населения. Подчеркивалось необходимость установления полного гражданского равноправия «без различия пола, национальности и вероисповедания». Предлагалась и социальная программа (впрочем, довольно лаконичная). Сохраняя недра в собственности государства, «трудовому народу» гарантировалось бесплатное пользование землей, а рабочим – «широкое рабочее законодательство и 8-часовой рабочий день».

«Кубанское краевое правительство» в своих агитационных материалах также пыталось определить общие принципы организации власти на Кубани. К местному самоуправлению предполагалось привлекать все местное население, включая не казаков, поселившихся в крае до 1914 г. Правительством должны были назначаться атаманы, в то время как станичное правление должно быть выборным. Предполагалось в обязательном порядке выбирать помощника атамана из иногородних. Высшим органом должна была стать Краевая законодательная рада, выборы в которую предполагалось проводить на основе всеобщего равного и тайного голосования, без различия сословий (ограничения налагались лишь на лиц, поселившихся на Кубани после 1914 г.).

Говоря о другом «самостийном» формировании – «Доно-Кубанских зеленых орлах», следует отметить их достаточно широкую социальную ориентацию. Так, «Орлы», судя по имеющимся документам, не стремились вычленивать какие-то определенные группы населения, как это было в случае с листовками Армии возрождения России [3]. Здесь апеллируют либо ко всем «гражданам», либо пытаются довести «правду» «красноармейцам и коммунистам». Объект критики, в основном, схож с заявлениями Армии возрождения

России. В листовках яростно осуждаются большевики, проводящие репрессивную политику, направленную против народа и церкви. Авторы листовок пытаются сыграть на антисемитизме кубанского населения. Коммунисты определяются как «жиды», а Советское государство как «жидовское царство».

Показательно, что «Орлы» не выдвигали никаких лозунгов о политическом устройстве всей России. На первый план выдвигался призыв освободить от власти большевиков Дон, Украину и Кубань, рефреном звучат здравицы за объединенное казачество Дона и Кубани. Все эти лозунги характерны для самостийного движения, ставящего целью создание независимой от России казачьей республики. Для этого направления свойственен демократизм. Власть должна была быть водворена волею народа при самоопределении самого народа. В лозунгах «Орлов», также как и у многих других отрядов, звучал призыв к свободе личности, совести, печати, собраний и союзов. Приверженцы этого движения призывали граждан подняться на борьбу с коммунистами, от населения требовался отказ от помощи большевикам (не нужно было участвовать в мобилизации, не давать Красной Армии продовольствия) [4].

«Орлы», ратуя за объединение казачества, придерживались своих, партизанских, методов ведения борьбы с коммунистами. Для борьбы с большевиками предлагалось объединяться в дружины и «партизанскими действиями» разбивать коммунистов на мелкие отряды и беспощадно уничтожать. «Доно-Кубанские зеленые орлы» разделяли программу и действия Врангеля, которого называли не иначе, как «гениальнейший генерал и честный человек». Однако в обращении к «красноармейцам и коммунистам» авторы листовки подчеркивали, свою не ангажированность, прямо говоря: «Мы не агенты гражданина Врангеля» [5].

Из общей массы агитационного материала выделяются призывы организаций, выступающих за «трудовластие» – «Организации свободного труда», «Трудовой и стоической организации». Объект критики, в общем-то, тот же что и у других движений – «еврейское господство», «зверский красный террор», «коммунизм». Зато политическая программа выглядит гораздо продуманней, чем у прочих политических сил, действующих в регионе. Земельный вопрос «Организация свободного труда» разрешает совершенно в эсеровском духе: «Все частновладельческие, монашеские и церковные земли отберутся и распределятся между теми, кто ее обрабатывает».

Вопрос о политическом устройстве России не рассматривается, но для Кубани предлагается довольно стройная структура выборной власти. Высшей властью должна была стать Краевая рада, в которую вошли бы выборные представители всего населения края, включая коренных жителей и войсковые части. Между созывами Краевой рады должна действовать Законодательная рада, исполняющая решения Краевой Рады, и проводящая в жизнь реформы. Управление войсками предполагалось сосредоточить в выборной Войсковой раде.

Для «Кубанского отряда мира и свободы», который явно тяготел к анархизму, характерно обращение не только к казакам, но и к красноармейцам, и к «красным товарищам». Осуждая политику коммунистов, которые «нас не жалеют и ведут нас чуть ли не со всем миром воевать», авторы листовки призывают уйти в горы – «зеленое царство мира и свободы». Для отряда характерно неприятие любого политического режима. Звучит призыв: «Долой коммунистов, монархистов, кадет!». Листовка призывает красноармейцев: «заберите от нас и с Кубани своих коммунистов и отведите туда, куда мы отвели своих монархистов». Из этого призыва следует, что отряд занимал оппозиционную позицию не только по отношению к советской власти, но и к режиму Добровольческой Армии.

Характеризуя, в целом, идеологию повстанческого движения в 1920 году следует отметить, что практически для всех формирований были характерны неприятие больше-

вистского режима, попытка связать проводимую советской властью политику происками «жидов». Важно подчеркнуть, что в это время полностью отсутствовали монархические лозунги. Повстанцам присущи демократические настроения, признание народовластия, гражданских прав и свобод. Однако целостного видения будущего политического устройства России, либо ее части, у повстанцев не было. Некоторые предлагали систему демократического управления в духе казачьих традиций, другие уклонялись от прямых ответов. Армия возрождения России делегировала решение вопроса о политическом устройстве Учредительному собранию.

Серьезные расхождения во взглядах наблюдаются по отношению целостности России. За освобождение от большевизма всей России выступает только Армия возрождения России. Для большинства других отрядов характерно стремление защитить лишь свой регион. В идеале повстанцы видели создание казачьей республики, охватывающей территорию Дона, Кубани и Украины.

Характерной чертой для всех антибольшевистских формирований являлось стремление расширить свою социальную базу, включив в свои ряды все социальные и этнические группы, проживающие в регионе, включая «заблуждающихся» красноармейцев. Безусловно, аморфность, бросающаяся в глаза слабость, размытость и непонятность для широких слоев населения политических лозунгов, отсутствие какой-либо четкой программы, были присущи всем формированиям, которых объединяло только одно – неприятие большевистского режима. Однако достойной альтернативы мощной доктрине РКП (б) им создать не удалось.

В заключении следует отметить, что идеология была наиболее уязвимым местом в повстанческом движении. Неспособность выработать ясные, четкие, понятные лозунги, способные сплотить и поднять народ на борьбу с советским режимом, явилась одной из основных причин поражения антибольшевистских сил.

Примечания

1. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 27-28.
2. Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д., 1997. С. 62.
3. Октябрь на Дону и Северном Кавказе / Отв. ред. К. А. Хмелевский. Ростов н/Д., 1977. С. 180.
4. История Кубани. XX век. Очерки / Под ред. В. Е. Щетнева. Краснодар, 1998. С. 121-122.
5. Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 218.

A.N. Kolomoychenko

FEATURES OF INSURGENT IDEOLOGY IN KUBAN IN 1920

In the article agitational and program materials are analyzed, on the basis of which it was established that in spite of the common rejection by the population of the communist regime, there was no single holistic ideological doctrine of anti-Bolshevik orientation. The ideas of restoring a united and indivisible Russia and creating an independent Cossack republic are considered, and the results of this activity are evaluated.

Keywords: insurgent movement, ideology, self-propelled movement, anti-Bolshevism, internationalism, communism.

Ю.А. Лазуревская

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЗДУШНОГО СООБЩЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассмотрены основные моменты зарождения и развития гражданской авиации на Северном Кавказе. Дается характеристика Общества друзей воздушного флота (ОДВФ), способствовавшего развитию авиации на Северном Кавказе, а также Северокавказской краевой конторы «Укрвоздухпуть», основавшей первую воздушную линию в регионе. Сделаны выводы о значении воздушного сообщения внутри региона и за его пределами.

Ключевые слова: гражданская авиация, воздушное сообщение, Северный Кавказ, Ростов-на-Дону, воздушные линии, Укрвоздухпуть, ОДВФ.

Гражданская авиация занимает особое место в транспортной системе нашей страны, имеющей протяженность на многие тысячи километров. Прежде всего, это связано с тем, что для оперативной связи с некоторыми регионами единственным доступным способом является воздушное сообщение. История формирования гражданской авиации России началась в первой четверти XX века, в результате ее развития сформировалась современная авиатранспортная система, связывающая отдельные регионы внутри государства и за его пределами, с соседними странами и континентами, а также обеспечивающая возможность жизни в труднодоступных районах страны.

Сложно представить современное общество без активного использования воздушного сообщения, но если обратиться к истории формирования и развития отрасли, то можно увидеть, что за время своего существования гражданский воздушный флот не раз реформировался и менял свою организационную структуру, а также переживал различные кризисы, результатом которых становилось ухудшение функционирования сети воздушных перевозок. Для эффективного развития гражданской авиации в условиях развития современного общества, необходимо учитывать опыт, полученный в результате исторического развития авиационной отрасли.

Важную роль в системе воздушного сообщения страны играет региональная авиация, которая в различных регионах зарождалась в разные временные периоды и соответственно, развивалась не однородно. В современных реалиях отечественная гражданская авиация в целом и гражданская авиация Северного Кавказа в частности, является динамично развивающейся отраслью, которая сталкивается с трудностями, требующими тщательного изучения в разные периоды отечественной истории.

Характерной особенностью гражданской авиации Северного Кавказа является то, что история ее возникновения и развития тесно связана с историей возникновения гражданской авиации страны, у истоков ее формирования стояли прославленные авиаторы, такие как А.П. Дьяконов, И.У. Павлов, А.В. Краснощеков, Я.Н. Моисеев, Н.П. Каманин, которые внесли свой вклад не только в развитие авиации региона, но и активно способствовали развитию авиации страны.

Гражданская авиация, как новая отрасль народного хозяйства СССР, появилась в 1923 г., после того, как 23 февраля 1923 г. Советом Труда и Оборона было принято постановление о создании постоянно действующего совета, который занимался открытием новых авиалиний, управлением и организацией полетов, вопросами подготовки кадров и экономической деятельности, а также созданием своих региональных организаций.

С этого дня сети воздушных сообщений начинают активно развиваться в различных регионах страны, а спустя два года в 1925 г. открываются первые воздушные линии на Северном Кавказе. Столь раннее развитие гражданской авиации в этом регионе обусловлено высокой его значимостью для народного хозяйства страны. «Ворота Северного Кавказа»,

как принято называть город Ростов-на-Дону, в начале XX века являлся крупным административным, промышленным, и культурным центром. Еще одним важным фактором обуславливающим значение региона для страны, в рамках развернувшегося социалистического строительства, являлось то, что Ростов-на-Дону становился важным центром отечественного сельскохозяйственного машиностроения. По решению Совета Труда и Оборона СССР в 1926 г. началась подготовка к строительству, крупнейшего в мире, завода сельскохозяйственного машиностроения. В связи с чем, развитие системы воздушного сообщения для специального применения в сельском хозяйстве, а также для связи региона с отдаленными центрами страны и столицей, становилось необходимым.

Неотъемлемую роль в формировании воздушного сообщения на Северном Кавказе играло «Общество друзей воздушного флота» (далее ОДВФ), являвшаяся общественной организацией, возникшей в 1923 г. по инициативе Л.Д. Троцкого. Основными функциями, возложенными на нее, были всенародный сбор средств на строительство самолетов, а также широкая агитация и пропаганда авиации.

Деятельность ОДВФ активно поддерживалась коллективами многих промышленных предприятий и организаций Ростова-на-Дону и других городов Северного Кавказа. Представители ОДВФ проводили предварительную авиационную подготовку добровольцев, таким образом, увлечение авиацией распространялось среди молодежи.

В 1925 г. ОДВФ было объединено с оборонным обществом «Доброхим», организованным в 1924 г., в единое общество друзей авиационной обороны и промышленности СССР «Авиахим». В 1927 г. возникла массовая организация «Осоавиахим», которая образовалась в результате слияния «Авиахима» и общества содействия обороне (ОСО) СССР. Эта организация активно способствовала развитию сельскохозяйственной и санитарной авиации на Дону и Северном Кавказе.

ОДВФ, «Авиахим» и «Осоавиахим» издавали журналы и специальную литературу, активно развивали самолетный, планерный и парашютный спорт, а также способствовали развитию авиамоделизма. В распоряжении этих организаций, как упоминает Б.П. Бугаев, находилась сеть авиационных курсов, кружков, где проводили подготовку будущих кадров для авиационной промышленности [1].

Весной 1923 г. разворачивается масштабная агитационно-пропагандистская кампания по развитию и содействию авиации, со страниц центральных и местных газет гремят лозунги: «Трудовой народ, строй воздушный флот!», «Пролетарий – на самолет!» [2]. Деятельность ОДВФ активно поддерживается предприятиями Северного Кавказа, Дона, Кубани, Поволжья. Лозунг ОДВФ «Трудовой народ, строй воздушный флот!» в начале XX века получил широкое распространение среди коллективов промышленных предприятий Северо-Кавказского региона и послужил толчком к развитию авиации на Дону и Северном Кавказе. Краевые и заводские ячейки ОДВФ осуществляли сбор средств в фонд развития авиации. За счет средств собранных ОДВФ на предприятиях Северного Кавказа были построены самолеты «Красный Царицын», «Земляк Ильича», «Красный черноморец», «Грозный», «Красный Северокавказец» [3].

Также с целью сбора средств, ОДВФ проводились недели воздушного флота, о чем подробно освещалось в местных газетах. Например, в газете «Советский Юг» сообщалось: «В воскресенье, 24 июля 1924 года, организуется грандиозное гуляние на аэродроме: платные полеты на самолетах всех систем, открытых и закрытых, фигурные полеты: плата за вход на аэродром 25 рублей, плата за полет – один червонец, а в закрытых самолетах – 100 рублей» [4].

Из добровольной общественной организации ОДВФ сформировались три общества, которые положили начало развитию воздушного сообщения в СССР: акционерное общество «Добролет» в Российской Федерации, «Укрвоздухпуть» на Украине и «Закавиа» –

в Закавказских республиках. Основная цель, этих организаций заключалась в распространении воздушного сообщения для связи между регионами и центром, они занимались организацией первых воздушных линий и строительством аэродромов.

Распространение воздушного сообщения на Дону и Северном Кавказе началось в городе Ростове-на-Дону, после того, как в 1925 г. украинское акционерное общество «Укрвоздухпуть» организовало там свое представительство – Северо-Кавказскую краевую контору украинского акционерного общества воздушных сообщений «Укрвоздухпуть».

В газете «Молот» в 1925 г. широко освещалось о предстоящем открытии воздушного сообщения из Ростова-на-Дону. Из воспоминаний стационарного механика «Укрвоздухпуть» В.Т. Пескова, опубликованных в газете «Молот»: «Запомнилось 14 июня 1925 года. В этот день, около 12 часов дня, наш «Дорнье-Комета-3» прибыл первым рейсом в Ростов-на-Дону, приземлился на грунтовом аэродроме на окраине города, в районе Дачного поселка. На нем прибыли директор-распорядитель «Укрвоздухпути» Макогон, начальник воздушной линии, которая должна была открыться из Ростова-на-Дону через Харьков на Москву, Рентель, начальник топографического управления РККА Артемов и др. Гостей встречал секретарь Авиахима Попондопуло и представители печати» [5].

Из воспоминаний следует, что за день до открытия в Ростов-на-Дону прибыло руководство общества «Укрвоздухпуть», а уже 15 июня 1925 года было организовано торжественное открытие первой авиалинии в Ростове-на-Дону. В день открытия первой воздушной линии Ростов-на-Дону – Харьков состоялись полеты на аэроплане «Дорнье-Комет». Эти полеты носили показательный характер: аэроплан поднимал в воздух рабочих и присутствовавших на аэродроме [6]. В планах общества «Укрвоздухпуть» было продление авиалинии, в течение года, до целого ряда пунктов Северного Кавказа.

Таким образом, начало воздушного сообщения на Северном Кавказе было положено в 1925 г. на два года позже открытия первой воздушной линии в СССР «Москва – Нижний Новгород», после чего гражданская авиация на Северном Кавказе начала динамично развиваться.

Примечания

1. Бугаев Б. П. История гражданской авиации СССР. Научно-популярный очерк М., 1983. С. 38.
2. Гороховская Е. А., Желтова Е. Л. Советская авиационная агиткампания 20-х гг.: идеология, политика, массовое сознание // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 63.
3. Замятин В. С., Евдокимов Е. В. В небе остаются следы : Очерки о зарождении и развитии гражданской авиации на Северном Кавказе / Сост. Л. А. Корниенко. Ростов н/Д., 1982. С. 15.
4. Советский Юг. 1924. 20 июля.
5. Молот. 1925. 17 июня.
6. Акопов Г. Л., Лазуревская Ю. А. История зарождения и развития гражданской авиации на Дону / Под ред. Г. Л. Акопова. Ростов н/Д., 2015. С. 25.

Y.A. Lazurevskaya

THE BEGINNING OF AIR TRAFFIC IN THE NORTH CAUCASUS

The article considers the main moments of the origin and development of civil aviation in the North Caucasus. The characteristics of the Society for the Friends of the Air Fleet, which contributed to the development of aviation in the North Caucasus, as well as the North Caucasus regional office "Ukrvozdukhput", which established the first air line in the region, is given. Conclusions are drawn about the importance of air communication within the region and beyond.

Keywords: civil aviation, air communication, the North Caucasus, Rostov-on-Don, air lines, Ukrvozduhput.

Д.Н. Смоленцев, С.Н. Малахов

ЦЕРКОВНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАНИЦЫ ОТРАДНОЙ 1920-1930-х гг. ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА

В статье вводятся в научный оборот сведения из неопубликованных воспоминаний Н.П. Смирнова (1916-1995) о повседневной жизни церковного прихода в станице Отрадной Краснодарского края. Основное внимание сосредоточено на неизвестных сторонах жизни православного прихода в первые два десятилетия существования советской власти, антицерковной политике государства и судьбах отдельных священнослужителей

Ключевые слова: православная церковь, станица Отрадная, советская власть, антирелигиозная кампания, церковный хор.

Среди источников по истории советской повседневности особую ценность имеют воспоминания свидетелей ушедшей эпохи. В истории российской провинции, какой была Кубань в 1920-1930-е гг., таких воспоминаний крайне мало по различным причинам: низкий уровень культуры и грамотности населения, представления о ничтожной информационной ценности подобного мемуарного нарратива, несформированная потребность в саморефлексии, цензура и опасение возможных репрессий со стороны советской власти, дефицит бумаги и «советский» темп жизни, часто не позволявший не только фиксировать произошедшее, но даже осмыслить прошедший день, не говоря уже о жизни. Поэтому мемуарные тексты, в которых отражались события первой половины XX века, появлялись с уходом мемуариста на пенсию, преимущественно в 70-90-е гг. XX века [1].

Как правило, в мемуарах откладываются подробности обыденной жизни, события, имевшие значение для семьи, близких и личности вспоминающего. Кроме того можно видеть как те или иные важные события с точки зрения официальной истории преломляются в сознании мемуариста и зачастую масштаб этих официальных и, казалось бы, вековых событий не так уж и важен был для человека-современника. Часто «судьбоносные» события в жизни страны первоначально для отдельного человека кажутся незначительными, или его не касающимися, но осмысление их значимости проходит позднее, с накоплением индивидуального экзистенциального опыта и жизненной практики «выживания» в конкретную эпоху в «отдельно взятой стране». Особенностью мемуарного текста является его своеобразная образно-смысловая «кристаллизация»: мелкие события или их череда постепенно концентрируются в литературно-художественный образ, откладывающийся в памяти и занимающем часто первый план в мемуарной информации по иерархии значимости событий, которую создает сам автор, следуя логике мемуарного диалога со своим прошлым. Ещё одной особенностью воспоминаний является субъективность. Автор не только отражает то, что видел, слышал или был тому свидетелем, но представляет себя в качестве объективного, достойного доверия информатора. О многих событиях прошлого в целом рассказывается с позиции именно свидетеля или непосредственного участника.

Все сказанное касается неопубликованных воспоминаний уроженца станицы Отрадной Николая Прокофьевича Смирнова (1916-1995), который родился в семье иногороднего, портного по профессии [2]. *«Себя я помню примерно с 4-х летнего возраста, – отмечает он, – и начну писать свои воспоминания не раньше как с 1920 года, воспоминания о нашей, когда-то большой, дружной и трудолюбивой семье простого портного, моего отца, который с детства был приучен к работе своим отцом, бывшим крепостным портным у помещиков Стояловых (по религии – молокане), имение которых находилось в 6-ти километрах от станицы на вершине той горы, с которой мы всегда любовались красивым видом нашей станицы».*

18 ноября 1937 г. двадцатиднолетний юноша был репрессирован, отбывал заключение в Дальлаге (8 лет), на Колыме, а после реабилитации остался работать в Магаданском областном драматическом театре, занимая должность администратора. Расставшись, как он выразился, «с вольной жизнью, с родителями, братом и сестрами, с домом, со всей станицей Отрадной, со всей Кубанью – всерьез и надолго», Николай Прокофьевич увидел все это снова только через долгих 18 лет – в 1955 году.

Выйдя на пенсию, он не вернулся в станицу, перебрался в г. Сочи, где и писал урывками свои воспоминания о прошедшей жизни. Мемуары готовятся к публикации доцентом С.Н. Малаховым, разрозненные машинописные листы воспоминаний долго хранились в архиве писателя Г.Л. Немченко, во многом он инициировал в годы «перестройки» и «гласности» Николая Прокофьевича на их написание, но работа над мемуарами автором не была завершена. Даже отрывочные воспоминания, построенные через много лет на основе детских и юношеских впечатлений, имеют источниковую ценность как свидетельства очевидца. В анализе этих свидетельств мы остановимся на отдельных моментах церковной жизни в станице, восприятии церкви подростком в первые два десятилетия советской власти, образах церковнослужителей, антицерковной кампании.

После основания станицы Отрадной в 1857 г. первый храм был возведен на средства прихожан и Кубанского казачьего войска в 1858 г. Через восемь лет здание обветшало, было перестроено и освящено в честь Рождества Пресвятой Богородицы. При церкви действовали с 1874 г. две министерские школы, библиотечный фонд составлял к 1915 г. 200 книг. Бессменным настоятелем храма и Законоучителем вплоть до революционных потрясений был о. Максим (Иоаннович) Сапежко (1829-1918) [3]. Церковь была разграблена и закрыта в начале 1930-х гг. Дом иерея Сапежко был реквизирован. Постановлением президиума РИКа в «здании бывшего Сапежко» размещался райпрофсекретариат, причем ему отходила всё здание и половина кухни, а вторая половина кухни была закреплена за районным КОВом [4]. Семья священника Сапежко покинула Отрадную в годы Гражданской войны.

Второй священник, служивший вместе с о. Сапежко – священник Иоанн Георгиевич Бибиков (1866 г. р.), вероятно не покидал станицу. Известен в 1920-х гг. его сын – Сергей Иванович Бибиков (1893 г. р.), который в годы Первой мировой войны обучался в Московском императорском университете [5], а затем вернулся в станицу, но избрал профессию «просвещенца»: в 1926 г. заведовал школой 2-й ступени, был председателем Рабпроса [6]. Его судьба – типичный пример «размывания» священнического сословия, начавшийся ещё в конце XIX в., когда дети не хотели под влиянием секуляризации и религиозной индифферентности наследовать профессию церковнослужителя. Судьбы священников, как и их детей, этого периода во многом трагичны. Но мемуарист о них не вспоминает, его сознание впечатляют «новые священники», возникшие в условиях церковного раскола и гонений советской власти на Православную («тихоновскую») Церковь. Об одной такой личности, священнике Бессарабове, он и пишет спустя полвека: *«Недавно на улице увидел одного деда, который мне почему-то показался знакомым, вроде, я его когда-то, где-то встречал и знаю. Я никогда не жаловался на свою зрительную память, как говорится, миллион мыслей в секунду, и я вспомнил вот что: до 1933 года в Отрадной был такой красный партизан Гражданской войны – так называли всех участников той войны, боровшихся за советскую власть – бывший пулемётчик Бессарабов. <...> Этот Бессарабов, оказывается, был священником в Отрадненской церкви в годы Первой мировой войны. Во время Гражданской войны он из церкви ушел в партизаны и там проявил себя как настоящий боец, был пулеметчиком в отряде партизан нашего района. После гражданской войны он снова стал попом в церкви, и его в Отрадной стали называть не иначе, как «советский поп».*

При «советах» он продолжил служить в церкви, в Отрадной. Во время своих богослужений он не предавал анафеме советскую власть, ничего плохого никогда не говорил в своих проповедях по адресу коммунистов и работников аппарата советской власти. Наоборот, иногда, если позволяли обстоятельства, он в проповедях, как умел, говорил о них доброжелательно. По этому поводу у него были свои неприятности в отношениях со своим церковным начальством. Я эти подробности знаю потому, что мой отец был руководителем большого «светского хора» (так называли в то время хор теперешней самодеятельности), в отличие от хора церковного, которым также руководил мой отец, как большой любитель пения. Хористы у него были почти наполовину состоявшие в обеих хорах. Молодежь «светского хора» ходила петь и в церковный хор. Но из людей старшего возраста, по понятным причинам, не все ходили петь в «светский хор». Всех объединяла любовь к пению. Хор был, как церковный, так и светский, очень хорошим, многочисленным. Так вот, по поводу этих церковно-хоровых дел у нас в доме часто бывал священник Бессарабов, как его часто называли «батюшка “Красный партизан”». Он был высококультурным, обаятельным человеком, к тому же большая умница. Ему не приходилось чувствовать на себе плохого отношения со стороны его «паствы», как называют по-церковному всех верующих. Он умел строить свои отношения с верующими не в ущерб своим церковным обязанностям, находил необходимые слова и действия в то атеистическое время, и «паства» всё ему прощала, никогда не напоминала о том, что он партизанил с красными и т. п. Был он чудесный рассказчик, всегда находил общий язык в отношениях с любыми людьми, был очень остроумным и всегда весёлым. Когда он шел по улице, все с ним почтительно здоровались, старушки – так те просто кланялись ему. Он не был высокомерным, напротив, был ко всем очень доброжелательным. У нас дома он всегда нас, детей, смешил чем-нибудь, и мы никогда не догадались бы, что с нами так просто и весело говорит «батюшка», как было принято называть всех попов в то время. На его службе в церкви всегда не хватало места, народ стоял на паперти и возле ограды церкви, как бы во дворе церкви, и все были довольны его проповедями, никогда никто не покидал церкви раньше, чем окончится служба. К нему домой наблюдалось настоящее паломничество. Приходили и днём, и ночью, все кому не лень, и все от него уходило утешенными и успокоенными, во всяком случае, оставались довольными после общения с ним. К нему даже приходили верующие с просьбами, как больные приходят к врачам со своими недугами. Всем он находил нужное слово и обиженных, недовольных людей никогда не было. Он продолжал служить в церкви вплоть до дней, когда была объявлена сплошная коллективизация. А перед этими событиями, за несколько месяцев или может быть не больше чем за год, ему здорово влетело от его церковного начальства, которое терпело его службы как «советского попа» только потому, что на него не было никаких жалоб от верующих, не к чему было церковному начальству придаться. Он продолжал бывать в нашем доме, и я помню, как мой отец с ним на эту тему беседовал».

Из этих записей очевидно, что в двадцатые годы «обновленцы», имевшие сильные позиции на Кубани, имели своего «красного попа» и в Отрадной. Н.П. Смирнов пишет об этом священнике как жителе станицы, однако Клировые ведомости Ставропольской (Кавказской) духовной консистории (последние сведения отложились за 1914 год) не имеют информации о таком иерее [7]. Вероятно, он появился в Отрадной после окончания Гражданской войны. Внутренний раскол в Церкви, инспирированный ЧК в общероссийском масштабе, был малопонятен простым верующим, и прихожан подкупала «демократичность», «краснопартизанское прошлое» священника. Однако разногласия, присутствовавшие между «церковным начальством» и священником, воспринимаются мемуаристом через призму времени как типичная бюрократическая ситуация, характерная для советского общества и оценивается именно так.

Н.П. Смирнов, передавая свои детские впечатления от посещений станичной церкви, отмечает, прежде всего, «эстетические» моменты. Здесь сказывалось его природное увлечение музыкой и пением. Церковь была тем местом, где подросток мог реализовать свои музыкальные способности. Примечательно, что станичный хор с охотой пел как на светских мероприятиях, так и в церкви, и это на первом этапе существования советской власти не подвергалось властным обструкциям: *«Моя бабушка по матери была одной из самых фанатичных верующих, молилась очень страстно и самозабвенно, и как только могла, всегда меня тащила с собой в церковь и рассказывала мне обо всем, стараясь меня хоть чем-нибудь заинтересовать в церкви. Я помню пышные и красивые пасхальные всенощные, когда батюшка кропил пасхи, куличи и прочую снедь, освящая всё святой водой. Мне очень нравилось церковное песнопение, когда хор пел, а в большие праздники он всегда был по составу в два раза больше, я видел, как мой отец руководил хором, пел и я. Мне была приятна музыка, я с пяти лет уже всюду играл на балалайке, а в 10 лет был музыкантом струнного оркестра, на домре играл, а потом стал играть и в нашем духовом оркестре. Поэтому мне было приятно слушать красивое хоровое пение. Это и было причиной того, что я охотно ходил в церковь, когда бабушка брала меня с собой. Я никогда не противился этому желанию моей бабушки».*

«Советский поп» Бессарабов впоследствии впал в немилость у церковных (по мнению автора мемуаров) властей, хотя он «во время проповедей в церкви всячески восхвалял советскую власть, активно агитировал граждан Отрадной вступать в колхозы <...> Несмотря на то, что в прошлом он был партизаном, его лишили избирательных прав, за то, что он продолжал свою деятельность как священнослужитель, в то время это было неппростительно».

Священник Бессарабов представлял собой уникальный случай: он явно принял социалистические идеи, увидев в них «древнехристианский идеал» всеобщего равенства, но не хотел отказываться от православия в пользу атеизма.

Гонения даже на «просоветских» священнослужителей усилились в период коллективизации, православная Церковь как институт подлежала уничтожению. «Обновленцы» в церкви, как считала советская власть, свою разрушительную функцию выполнили. Эта обстановка лишь отчасти осознается мемуаристом. Находившиеся под постоянной угрозой социальных ограничений и политических репрессий, даже лояльные к большевистской власти священники не выдерживали. Бытовые «промахи» в повседневной жизни священника использовали для того, чтобы опорочить и дискредитировать не только клирика, но и Церковь:

«И вот этот батюшка стал частенько бывать под хмельком. Я помню, как его один раз разрисовали в стенной газете, которую выпускали в нашем станичном совете. Стенгазеты, которые регулярно тогда выпускались в Отрадной, всегда вывешивались в нашей избе-читальне и на улице, на стенде. Будучи пионером, я часто был в избе-читальне, выполняя пионерскую общественную работу по регистрации посетителей избы-читальни, эти стенгазеты все знал наизусть. Однажды увидел в ней карикатуру и под ней заметку о том, что поп Бессарабов читает проповеди в своей церкви в пьяном виде. Нарисован он был очень похожим. Этот случай мне запомнился, и я у своего отца спрашивал, правда ли, что он был пулемётчиком в партизанах. Отец мне сказал, что всё – правда. Пьяного батюшку при полном облачении нарисовал наш школьный учитель и художник Галушко Петр Митрофанович, он был тогда учителем рисования. Потом для Бессарабова настали дни гонений и со стороны районного начальства. Он стал больше пить, и, в конце концов, его от службы отстранили. Не знаю, какое начальство это сделало, но он куда-то уехал, и больше никогда в нашей Отрадной не появлялся, а в Отрадной церковь закрыли». Сообщая об этом случае и карикатуре на пьяного священника, мемуарист точен, поскольку рисунки учителя П.М. Галушко сохранились в Отраденском историко-археологическом музее [8].

Отделение церкви от государства и последующая антирелигиозная борьба, сопровождавшаяся запретом на профессию, ограничением доступа к образованию детей церковнослужителей, поражением в политических правах, постоянными угрозами репрессий, вынуждала многих клириков «порвать» с церковью и поменять профессию. Одним из таких в станице Отрадной был диакон Животков. Он стал кучером у председателя станичного совета благодаря умению укротить строптивых жеребцов. Укротив жеребца по кличке Красавчик, он стал известен среди станичников и, кажется, «нашел себя» в новой советской жизни. *«Бывший диакон Животков <...> Нашел к нему подход и так его «уходил», что приручил к парной упряжке в тачанку и, на восторг и зависть всем станичникам, с гиком и гаком – чисто кубанское выражение – под восторженные возгласы казаков, лихо возил председателя стансовета, который, сидя в тачанке, был [почти] на седьмом небе, восседая как атаман, поскольку сам бывший дьякон с таким шиком «демонстрировал» его по улицам станицы. Такие выезды были не более двух раз в неделю, но разговоров об этом выезде и самом Красавчике, прирученном, наконец, бывшим дьяконом, было намного больше, чем если бы они возникли после падения «звезды» на станицу. Репутация кучера была непоколебима и даже как-то связана прочно была с этим Красавчиком...».* Но даже такая «близость» к источнику власти не гарантировала безопасность бывшему церковнослужителю, и в конце тридцатых годов он с семьей выехал на Дальний Восток, устроился работать на судоремонтный «Дальзавод», порвав все связи с родственниками на Кубани.

Эти два эпизода из жизни представителей духовного сословия, в целом не подвергшихся жестким репрессиям, иллюстрируют на уровне индивидуальной судьбы ту трагическую ситуацию, которая сложилась в конце 1920-х – начале 1930-х годов в отношениях государства, церкви и личности.

Приобщение детей к православной традиции в станице после Гражданской войны осуществлялось через семейное воспитание и посещение церкви детьми преимущественно с бабушками. Об одной из своих бабушек Николай Прокофьевич вспоминает так: *«Вторая моя бабушка по материнной линии была очень религиозной, фанатической богомолкой, искренней и глубоко верующей, и меня очень любила за моё послушание. Я отвечал ей своей любовью. Очень часто, а по большим религиозным праздникам обязательно, водила в церковь на всенощные и другие большие службы, когда пел церковный хор. Мне казалось, что она старалась и очень хотела по-настоящему приобщить меня к религии, сделать из меня если не совсем верующего, то хотя бы сочувствующего, хотя она знала, что я был тогда уже пионер. Но этому бабушка не придавала особого значения, видимо считала, что её усилия когда-нибудь достигнут цели и была довольна тем, что я всегда с ней соглашался. Ни разу не отказался от её предложения пойти с ней послушать «хорошую», как она говорила, службу. Я ходил с ней охотно не из-за любопытства, а больше всего от того, что очень любил хоровое пение и ещё потому, что управлял в церкви хором мой отец. Это тешило моё самолюбие, и я как бы рад был этому, по-мальчишески задирая нос перед своими сверстниками. А в отряде пионеров не боялся косых взглядов – вот, мол, пионер, а ходит с бабкой в церковь – потому что мой «престиж» музыканта (как же, такой маленький, а играет в духовом оркестре со взрослыми!) был выше всего. Я всегда радовался, когда видел в церкви своего отца поющего и руководящего хором. Бабушка была довольна тем, что я такой послушный, отец не возражал, и я этим пользовался. После каждого посещения церкви, придя домой вместе с бабушкой и отцом, при всех наших отец всегда меня спрашивал: «Ну как, понравилось тебе?» Я всегда отвечал: «Хор пел очень хорошо, и мне понравилось»... Конечно же, все пасхальные и рождественские всенощные службы я был с бабушкой и очень хорошо всё помню».*

С ностальгией о беззаботном детстве вспоминаются и церковные праздники. Однако суровое время вносило свои коррективы: маленькие колядовщики ходили в сопровождении старших, поскольку были стычки с хулиганами и атеистами: *«Я с Ваней, по обычаю, под праздники, в сопровождении старших Кости и Гаврила, ходили христославить под Рождество и посеять (так на Кубани называли колядки). Под Новый год ходили со звездой по всем правилам, посещали, в основном, нашу обширную родню, которая нас щедро одаряла. Всё сладкое и вкусное было наше, а рубли и серебряные полтинники мы отдавали нашим сопровождающим, без которых нам невозможно было бы ходить. У нас и звезду отобрали бы и всю нашу добычу отняли, так было «в законе» в те времена».*

Автор воспоминаний не отмечает конфликтов на религиозной почве между казаками и иногородними, православными и сектантами. Для населения станицы, формировавшейся различными миграционными потоками со второй половины XIX в., была характерна профессиональная толерантность. Более того, с начала XX в. усиливается религиозный индифферентизм, а итогом революционных потрясений стал атеизм, насаждаемый и поддерживаемый официальной властью. Впрочем, «раскованное» поведение даже среди женщин уже получило в то время широкое распространение: если одна из бабушек Н.П. Смирнова была «религиозной», то вторая, по отцовской линии, представляла ей полную противоположность: *«...она была абсолютно неверующей, курила крепкие папиросы и к жизни относилась как-то слишком практически, верила только в то, что имела в руках. Кстати сказать, она и меня курить научила в ранние годы. Ее принцип был таков: все равно ты курить будешь, так лучше я тебе посоветую и научу, как это от родителей скрывать и как отличать хороший табак от плохого...»* Но это наблюдалось в семьях иногородних. Православные традиции в казачьих семьях бы довольно прочными. Мемуарист вспоминает об одной такой казачьей семье, с которой Смирновы дружили: *«Бардаковы были очень религиозной семьей, все до единого. На увлечение моего отца общественной работой смотрели уважительно, хотя ни разу из них никто не был ни в одном общественном месте, кроме церкви, где видели отца во главе хора, когда церковная служба полагалась с большим хором. Они были потомственные казаки со всеми укладами и обычаями, свято соблюдали казачьи законы, но на отношения к нашей, иногородней семье это никак не влияло, а для нас, детей, вообще ничего не существовало».*

В конце 20-х гг. антирелигиозная кампания была в самом разгаре. Проводились в станице и диспуты по религиозным вопросам. Об одном таком диспуте, состоявшемся в 1927 г., и имевшем скорее целью не установить истину, а посредством театрализованного спектакля дать «идеологический бой» православию пишет Н.П. Смирнов: *«В те годы ещё вопрос о закрытии нашей церкви не стоял ребром... Помню, как проходил в нашей Отрадной диспут на тему «Есть ли бог?» Диспут проходил в нашей школе № 1, где была сценическая площадка в большом зале – он же был и «зрительным». Все концерты и спектакли всегда проходили на этой нашей сцене. За час до начала диспута на улице возле школы играл наш духовой оркестр, в котором играл и я. Проводили диспут секретарь нашего райкома ВКП(б) Бахметьев и приехавший из Ростова-на-Дону архиерей – фамилию не помню.*

Мне это было тоже интересно – слово-то «диспут» в нашей станице никто никогда до этого не слышал. Я прослушал его внимательно, не пропустив ни одного слова. Они, спорящие, по очереди, перемежаясь, выступали из-за небольших трибун на сцене, каждый со своими доводами и научными предположениями, отстаивая каждый свою тему, говорили очень понятно и взволнованно, что слушателями чувствовалось. Все сидели в полной тишине, с большим вниманием вслушиваясь в речи спорящих, затаив дыхание, были полны внимания, изредка одергивали слишком активных атеистов или, наоборот, делали замечания невыдержанным фанатикам веры. Всё дело в том, что в кои-то веки

в Отрадной, в этой казачьей станице, проводили какой-то диспут (подчеркнуто автором воспоминаний. – Авт.) «большой» батюшка и «большой» коммунист, это было по тем временам что-то неслыханное и неизвестное, а потому очень интересное, почему и народу было полным-полно, и все с большим вниманием и интересом просидели более 3-х часов, без антракта, и прошел он очень культурно.

По окончании его раздалась бурные аплодисменты в адрес обоих спорящих и долго не смолкали споры и разговоры между самими слушателями. Мне, как пацану, было не совсем понятно – для чего они спорят, но само мероприятие было таким и необычным по тем временам – новым, а для меня так еще и интересным. Это было в 1927 году, тогда я был только пионером...».

Закрытию православных церквей советская власть всегда придавала характер общественной кампании, инициатива «исходила» от народа, ударной силой в разрушении церковных институтов и религиозных традиций выступала молодежь, как менее образованная, более импульсивная и внушаемая прослойка населения, бунтующая против всего «старого» и «отжившего».

Вечный конфликт поколений советская власть умело использовала в своих политических интересах. Поэт Николай Асеев в 1925 г. эту ситуацию определил чеканной поэтической строкой: «Да здравствует Революция, сломившая власть стариков!» [9]. Здание церкви всегда обещали переоборудовать под социально-значимые объекты: клуб, библиотеку, кинотеатр, зерносклад и пр. Здание отраденской церкви переоборудовали под клуб. Николай Прокофьевич Смирнов, бывший в то время первым пионером в станице, а затем комсомольцем вспоминает об этом периоде: «В этой «кампании» по закрытию церкви я принимал самое активнейшее участие, собирал подписи за закрытие церкви среди жителей станицы и насобирал более полтора тысяч подписей. У меня был велосипед, в то время это было большая редкость, примерно такая, как теперь автомашина у станичного жителей, и я, пользуясь «собственным транспортом», объездил всю Отрадную. Таким образом, я разъезжал на велосипеде куда хотел и когда хотел, собрал сотни подписей за закрытие церкви, больше всех было подписей комсомольцев Отрадной».

Мемуариста нельзя отнести к «сочувствующим» Церкви, он и в зрелом возрасте никогда не был человеком воцерковленным, однако, описывая свое участие в антицерковных мероприятиях, он явно испытывает определенное неудобство за свою «деятельность» в этой кампании советской власти и, спустя многие годы, пытается разобраться в психологических механизмах, которые его на это подтолкнули. «Комсомолец я был активный, – пишет Н.П. Смирнов, – мне всегда было приятно слышать хорошие отзывы обо мне от секретаря РК ВЛКСМ Пурисова, хорошо знал заместителя его по спорту Радченко – наш футбольный начальник был он – команда наша называлась «Командой РК ВЛКСМ». С ним я, как говорят, «ладил», и вообще у меня не было причин сомневаться в своей «правильной жизни» в то время. Я потому считал себя таким, какими в то время стремились быть все молодые люди «нашего круга», если так можно выразиться. И все мои друзья, и товарищи были для меня хорошими. И у нас не было оснований кого-либо считать не таким как я, а я ни с кем не ссорился и не ругался, у меня не было никаких врагов или недоброжелателей – я так считал и был в этом уверен. В своем окружении – мои друзья и товарищи – все были старше меня и не я к ним, а они ко мне все тянулись – может быть потому, что я был – во-первых, музыкант, никогда не унывающим, всегда веселым и шутником». Подросток пытался сохранить и укрепить свой авторитет в молодежном коллективе, действия его во многом были продиктованы «старшими товарищами», доверие которых он хотел оправдать исходя из принципа групповой солидарности. Манипулируя молодежью, комсомольские

и партийные секретари использовали их в борьбе с «церковными пережитками». Н.П. Смирнов вспоминает: *«Сельские комсомольцы моего поколения были не менее активны, [чем я], также проявляли себя на комсомольской работе по ликвидации неграмотности на селе, в антирелигиозной кампании, очень активно участвовала по охране колхозной собственности, не обмолоченного урожая, когда специальные поджоги скирд хлебных были, ну просто как стихийное бедствие – пожары пылали по пять-шесть [раз] в каждую ночь по всем селам, хуторам и станицам. Во всех сферах жизни, где комсомольцы принимали участие, энтузиазм был очень велик, и кто из таких, какими были мы, комсомольцев-активистов, мог усомниться в том, что это было не «по-ленински»?.. Тогда слова «Ильич», «Ленин», «комсомол» были для всех нас святыми словами (не больше и не меньше!) и назывался комсомол – Ленинским». Николай Прокофьевич, обращаясь в воспоминаниях к тем дням, находит, кажется, все-таки верные слова, чтобы определить причины своей «антирелигиозной» активности: «...Будучи комсомольцем (кандидатом), я стал активным антирелигиозником (речь идет о 1934 г. – Авт.) и среди нашей комсомольской организации я больше всех собрал среди населения станицы подписей за закрытие нашей церкви (целыми днями гонял на велосипеде по станице). Но это не было каким-либо моим выводом после прослушанного мною диспута, который я слушал, будучи ещё пионером. Скорее всего, это было простым бахвальством в среде комсомольцев станицы, желанием хоть как-то и хоть чем-то выделиться, такое у нас тогда было «соревновательное» время».*

Это подростковое стремление «выделиться», заявить о себе чем-то необычным доходило зачастую до прямых антиобщественных проявлений и хулиганства по отношению к Церкви и верующим, которые власть, разумеется, не замечала, а чаще всего поощряла. Территория, прилегавшая к церкви, постоянно урезалась. В 1930 г. «за оградой церкви, за ее алтарем» учащимися были высажены саженцы будущего парка.

«Тогда же – пишет Смирнов – перед центральными воротами в ограде церкви, перед входом, мы, будущие комсомольцы-энтузиасты, со старшими активистами и футболистами разбили стадион. С одной стороны сделали несколько рядов скамеек, напротив церкви, перед входом в ограду, на котором играли день и ночь в футбол. Часто возникали разговоры: верующим этот футбол не нравился – прямо напротив храма. Выходящим из двора церкви после службы людям приходилось обходить футбольное поле, где «бесились», как говорили старушки, «черти беситанные», «бессовестные антихристы». Старушки проклинали нас. Но эти проклятия на футболистов никак не действовали, некоторые из них старались иной раз попасть мячом в какую-нибудь старушку, что было самым настоящим хулиганством. Но мы считали, что этими выходками мы, как «воинствующие атеисты», принимали активное участие в «антирелигиозной кампании», «генеральной линии», а сама идея разбивки стадиона напротив центрального входа действующей церкви была как бы утверждением нашей правоты в борьбе с «опиумом для народа». Так в то время нас воспитывал комсомол, а мы были фанатиками того времени».

Антицерковная кампания в станицах Кубани шла параллельно с коллективизацией. Еще до 1931 года в самом центре станичной площади стояла «очень красивая отраденская церковь, с большим позолоченным куполом в окружении четырех малых куполов по краям, высокой колокольней, устремленной ввысь своим конусом; золотые кресты с цепями сияли на солнце и были видны издалека», но к 1934 году церковь была окончательно закрыта, купола и звонница снесены, колокола сданы в утиль.

Воспоминания очевидцев о политике, реформах и повседневной жизни российской провинции в первые десятилетия советской власти, являются ценным и перспективным источником для изучения локальной истории, советской повседневности и воссоздания

их целостности. В подобного рода документах, близких по своему характеру к «устной истории», зафиксированы факты и события, которые не отложились в официальных документах, считались «второстепенными», или которые по тем или иным мотивам власть считала «вредными», «порочащими», «неудобными» и недостойными для мемориализации и хранения государственной архивной службой по идеологическим соображениям.

Примечания

1. Примерами составления своеобразных исторических хроник отдельных станиц по личным и записанным авторами воспоминаниям являются работы, появившиеся в 1990-е гг.: Панфилец В. К. Кубанская станица. Краснодар, 1993. 184 с.; Илющенко Н. Н. История станицы Подгорной Краснодарского края. Волгоград, 1998. 240 с. Однако вопросам истории станичных церквей в них отводится, в общем, не более страницы.

В настоящее время начинается публикация «крестьянских» мемуаров первых десятилетий XX в., которые собирались А.И. Солженицыным с 1975 г. и ныне хранятся в архиве Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, см.: Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: Взгляд из эмиграции / Сост., подг. текста, предисл. и коммент. Н. Ф. Гриценко. М.: Русский путь, 2009. 488 с.

2. Авторы выражают признательность председателю Отрадненского отделения РОИА С.Г. Немченко за возможность работать с неопубликованной машинописью мемуаров Н.П. Смирнова. При ссылках на текст мемуаров пагинация не указывается, поскольку Н.П. Смирнов записывал «памятное» без системы, на листах А4 и нумерацию не проставлял. В статье мемуарный текст выделяется курсивом.

3. Об истории церкви в Отрадной до 1914 г. подробнее см.: Ложкина О. А., Бондаренко А. А. Историческое описание Отрадненского благочиния. Краснодар, 2011. С. 39-57; Немченко С. Г. Священник Максим Сапежко и история Рождество-Богородицкой церкви в станице Отрадной (по материалам клировой ведомости 1914 г. из фондов ГАСК) // Ислам и христианство в судьбах народов Кавказа. Пятигорск, 2015. С. 102-107.

4. АОАА. Ф. 249. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 22.

5. Ложкина О. А., Бондаренко А. А. Историческое описание Отрадненского благочиния. Краснодар, 2011. С. 51.

6. АОАА. Ф. 249. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 52; Ед. хр. 3. Л. 14.

7. Ложкина О. А., Бондаренко А. А. Указ. соч. С. 39-57.

8. Малахов С. Н., Немченко С. Г. Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир – Отрадная, 2014. С. 68; Ложкин М. Н. Сатира – грозное оружие // Сельская жизнь [ст. Отрадная]. 1980. 5 января; Ложкин М. Н. Первый редактор // Сельская жизнь [ст. Отрадная]. 1996. 2 мая.

9. Асеев Н. Н. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания. Статьи / Сост., вступ. ст. и прим. О. П. Смолы. М., 1990. С. 81.

D.N. Smolentsev, S.N. Malakhov

EVERYDAY LIFE OF THE CHURCH PARISH IN OTRADNAYA VILLAGE (1920–1930-es) THROUGH THE EYES OF AN ADOLESCENT

The paper introduces information from unpublished memoirs of N.P. Smirnov (1916-1995) about the daily life of the parish in Otradnaya village of Krasnodar region. The main focus is on the unknown aspects of the life of the Orthodox parish in the first two decades of the existence of Soviet power, the state anti-church policy and the fate of individual clergymen.

Keywords: orthodox church, village Otradnaya, Soviet power, anti-religious campaign, church choir.

И.В. Симоняц

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА НА КУБАНИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В статье рассматриваются некоторые аспекты становления и развития краеведения на Кубани в первой четверти XX века.

Ключевые слова: краеведение, Кубань, общество, процесс, развитие, ценности.

Первой крупной любительской общественной организацией на Кубани, положившей начало широкомасштабному, массовому краеведению в нашем крае и долгие годы с честью выполнявшей свою научную, культурную и просветительскую миссию, являлось Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). Учреждение ОЛИКО было закономерным результатом социально-экономического и культурного развития дореволюционной Кубани. Кубанский областной статистический комитет, являясь официальной организацией, прежде всего, удовлетворял текущие государственные нужды, имел небольшой штат сотрудников, поэтому не мог постоянно и основательно заниматься всесторонним изучением области. Для этого необходимо было объединение наиболее активных представителей научно-творческой интеллигенции, способных и желающих изучать свой край. В условиях тех лет такое объединение могло возникнуть только как результат общественной инициативы.

Инициатором создания первого краеведческого общества на Кубани стал выпускник Московского университета, преподаватель 1-й Екатеринодарской, мужской гимназии Василий Михайлович Сысоев (1864 – ? гг.) [1].

Человек деятельной натуры, В.М. Сысоев внес живую струю в общественную жизнь Екатеринодара, предложил основать научное общество, и, объединив в нем все интеллигентные силы, поставил дело изучения Кубани на твердое основание. 2 апреля 1896 г. В.М. Сысоев выступил со своей идеей в «Кубанских областных ведомостях». Вкратце сформулировал цель и задачи общества (которые позже в развернутом виде были изложены в уставе ОЛИКО), указал на необходимость и своевременность его деятельности. В своей статье он писал: «Все, кому дорого настоящее и будущее России, должны стремиться к просвещению и изучению Родины. В особенности в этом нуждается Кубанская область, которая имеет за собою далекое историческое прошлое и, по-видимому, будет иметь блестящее промышленное развитие вследствие необыкновенного обилия даров природы» [2].

Изучение процесса развития краеведения на Кубани предполагает использование комплексного подхода при анализе деятельности краеведческих организаций и отдельных научных учреждений, занимающихся исследованием, местного края. Это обуславливается, во-первых, их единой, целью – изучением Кубани, во-вторых, некоторым сходством направлений и форм их работы. Многие действительные члены одних краеведческих организаций являлись активными сотрудниками других аналогичных объединений. В своей совокупности они образовали сеть краеведческих организаций Кубани.

В конце 1917 г. на Кубани в качестве краеведческой организации возник Совет исследования и изучения Кубанского края» [3]. Необходимость образования СОИКК была вызвана практическими нуждами, тревожного времени, переживаемого Россией.

На торжественном собрании по случаю 25-летия деятельности Общества любителей изучения Кубанской области (октябрь 1922 г.) Б.М. Городецкий, подразумевая общность целей ОЛИКО и СОИКК, назвал их «родными братьями» [4]. Единство целей этих двух краеведческих организаций Кубани способствовало тому, что когда ОЛИКО в связи с рядом

обстоятельств в 1917 г. временно прекратило свою деятельность, многие его члены, стремившиеся продолжить свои краеведческие изыскания, стали действительными членами СОИКК (Б.М. Городецкий, В.В. Скидан, Ф.А. Щербина и др.) [5].

В годы Гражданской войны, когда органам власти было не до исследовательской деятельности и не до исследовательских учреждений, почти исчез спрос на работы Совета обследования. Однако это не означало прекращения его функционирования. В этот период времени, деятельность СОИКК сосредоточилась, главным образом, на сохранении разрушающихся в горниле бурных событий культурных ценностей, предотвращении от разгрома и расхищения войскового музея и целого ряда общественных и частных книгохранилищ, поддержке научных работников. Члены Совета обследования готовились к будущим научным исследованиям. Они проводили подготовительные и лабораторные работы, разрабатывали программы своей научно-исследовательской деятельности.

СОИКК не имел собственной материальной базы. Попытки со стороны Совета получить деньги от различных ведомств и общественных организаций не увенчались успехом. В создавшихся условиях было невозможно не только проводить работу, но и сохранять свое существование. Согласно постановлению НТО ВСНХ от 19 февраля 1923 г. за № 230 СОИКК был реорганизован в Кубано-Черноморский научно-исследовательский институт (КЧНИИ). Он был включен в сеть научно-исследовательских институтов научно-технического управления ВСНХ и начал свою деятельность с 1 марта 1923 г. [6].

Финансовые средства института формировались из госбюджета и крайбюджета, специальных ассигнований от промышленных предприятий и доходов от издательской деятельности [7].

Финансовое положение Кубано-Черноморского НИИ не отличалось своей стабильностью на всем, периоде существования института. В 1924 г. основную массу средств (85 %), поступивших в институт, составили ассигнования промышленных предприятий и научных учреждений, 8% поступления из крайбюджета, 7 % – доходы от издательской деятельности и работы научно-исследовательских лабораторий [18]. Финансирование КЧНИИ со стороны ВСНХ началось только с 1925 г. Выделяемых институту для проведения его научно-исследовательских работ средств было недостаточно. На это указывает анализ их расхода в 1925-1927 гг., сделанный В.А. Кузнецовым [8].

Своеобразным толчком к массовому образованию краеведческих объединений на местах в 1920-е гг. стало районирование отдельных регионов Советской республики, в том числе и Северного Кавказа. На Кубани значительный рост краеведческих организаций стал наблюдаться после проведенных здесь административно-территориальных преобразований. В 1924 г. Кубано-Черноморская область была разделена на четыре округа (Кубанский, Армавирский, Майкопский и Черноморский), которые в 1925 г. вошли в состав огромного Северо-Кавказского (Юго-Восточного) края с центром в Ростове-на-Дону [9].

В 1920-е гг. образуется ряд краеведческих обществ в Черноморском округе. Их целью являлось изучение Черноморского побережья Кавказа в естественно-историческом и историко-этнографическом отношении [10]. В июле 1922 г. в Новороссийске было создано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа. В уставе общества цель и район его деятельности определялись следующим образом: «Всестороннее изучение восточного побережья Черного моря в историческом, этнографическом, культурном, правовом, промышленном и биологическом отношении» [11].

Во второй половине 1920-х гг. ведущим направлением деятельности данного общества, как и многих других краеведческих организаций, становится изучение местного производства и производительных сил, вовлечение в краеведческую работу широких слоев народных масс. В соответствии с этим изменяется его название – «Общество изучения

производительных сил Черноморского округа» [12]. Оно функционировало приблизительно до начала 1930-х гг. Работа проводилась в тех же двух секциях, акцент делался на практические запросы. Члены общества собирали, материал естественно-исторического и производственного характера, читали лекции краеведческой тематики.

Летом 1924 г. образовалось общество краеведения в Сочи [13]. Сочинское общество краеведения поставило перед своими членами следующие задачи: изучение и исследование Черноморского побережья Кавказа в естественно историческом и историко-этнографическом отношениях, широкая популяризация сведений о крае, разработка практических вопросов и распространение прикладных знаний в целях использования местных богатств [14].

Общество работало в тесном контакте с Сочинским краеведческим музеем (основан в 1920 г.). Оно передало на хранение в музей собранные членами общества материалы, совместно с ним организовало несколько научных экспедиций и экскурсий. Основным направлением, научно-краеведческих исследований становилось изучение местного края для наилучшего практического использования его природных богатств, а также распространение и популяризация идей краеведения.

23 ноября 1924 г. в Краснодаре, при Кубанском педагогическом институте было открыто «Литературно-историческое и этнологическое общество» (ЛИЭТО) [15]. Оно ставило своей целью коллективное изучение вопросов литературы, языка, истории и археологии, как с общенаучной, так и с краеведческой точек зрения. В деятельности ЛИЭТО можно выделить два основных направления – научно-исследовательскую работу и популяризацию знаний о крае. К первому относились разработка специальных научных тем, чтение и обсуждение докладов по вопросам углубленного изучения края, проводимого членами общества, знакомство с русской и иностранной литературой, организация научно исследовательских экспедиций и экскурсий, публикация работ общества. Ко второму – устройство собраний с докладами и сообщениями по истории, этнологии, литературе Кубани и др. преподаватели местных вузов, деятели науки, литературы и искусства, студенты.

В 1925-1927 гг. ЛИЭТО организовало ряд экскурсий с целью осмотра и описания историко-археологических памятников и провело несколько этнографических экспедиций для сбора материала, характеризующего язык, быт и нравы, местного населения. Летом 1926 г. ЛИЭТО вместе с научными работниками Кубанского этнографического и естественно-исторического музея активно работали в области археологии и палеонтологии. Недалеко от Краснодара были найдены останки пяти пещерных медведей, а около станицы Бакинской череп и части скелета первобытного носорога. Члены общества приняли участие в археологической экспедиции на Таманском полуострове. Они обнаружили следы греческой и варварской культуры времен Боспорского царства.

Весной 1927 г. секретарь общества М.В. Покровский руководил археологическими работами, проводившимися вблизи Краснодара. В них участвовали школьники, среди которых был Н.В. Анфимов – впоследствии известный кубанский ученый-археолог.

29 ноября 1924 г. образовалось Армавирское окружное краеведческое общество. До его организации краеведческая работа в Армавирском округе проводилась Армавирским музеем, (открыт в 1904 г.), имеющим отделы зоологии, ботаники, минералогии, археологии, географии, этнографии, истории, сельского хозяйства и др. Однако основным направлением деятельности музея в связи с его спецификой являлась наглядная агитация. А работа Армавирского отделения СОИКК из-за скудости материальных средств была недостаточной.

Подготовительная деятельность по созданию Армавирского окружного общества краеведения длилась полгода. Инициаторами этого начинания стали учителя округа.

Мысль об организации общества зародилась у них под непосредственным влиянием преподавателя, лектора по краеведению Б.Л. Выродова. В своем выступлении на курсах по переподготовке учителей, проходивших в июне 1924 г., он обратил внимание учителей на то, что их работа, как никакая другая, тесно связана с краеведением. Всестороннее изучение учащимися окружающей местности, требуемое школьной программой, выдвигает перед преподавателями необходимость овладения разнообразным местным материалом.

Специальная комиссия в составе представителей от административных учреждений и учителей выработала устав общества и зарегистрировала его в Административном отделе Армавирского окружного исполнительного комитета.

Основными задачами Армавирского окружного общества краеведения, согласно его уставу, являлись: «1) исследование и изучение края в естественно-историческом, историко-этнографическом и общественно-экономическом отношениях; 2) изучение естественно-производительных сил края для постановки практических мероприятий окружной плановой комиссии; 3) сбор и научная обработка всевозможного материала по природе и истории края; 4) распространение достоверных сведений о крае и широкая популяризация их; 5) объединение результатов научных изысканий и краеведческой работы в окружном музее краеведения» [15]. Устав определял и методы решения поставленных перед обществом задач. К ним относились организация наблюдений, составление коллекций, проведение экскурсий и экспедиций, создание лабораторий, опытных станций, библиотеки, устройство выставок, издание работ членов общества, содействие образованию районных кружков краеведения.

К 1929 г. основной задачей общества стало превращение краеведческой работы, проводимой в округе, в массовое краеведческое движение. Были созданы краеведческие кружки в Кропоткине, станицах Ново-Александровской, Новотроицкой, Каменнобродской, Невинномысской, селе Успенском и Баталпашинске. В текущем году общество руководило деятельностью 14-ти краеведческих кружков.

Таким образом, деятельность Армавирского окружного общества краеведения, как и других краеведческих организаций, осуществляющих свою деятельность во второй половине 1920-х гг., была тесно связана задачами хозяйственного развития отдельного региона (области, края, района) страны, в данном случае, округа.

В 1920-е гг. с общим подъемом краеведческого движения краеведение начинает занимать важное место и в системе образования, что обуславливалось его значительной ролью в обучении и воспитании детей.

На Кубани вопрос «краеведение и школа» в 1920-е гг. впервые был рассмотрен на I краеведческом съезде Кубано-Черноморской области (октябрь 1922 г.). Съезд принял резолюцию о «желательности и важности краеведческой работы школы и необходимости преподавания краеведения в учебных заведениях всех степеней» [16].

Внедрение элементов краеведения в школьное преподавание началось на Кубани в 1924 г., когда школы стали работать по новым программам ГУСа (Государственного учебного стандарта). Одним из основных их требований являлась «локализация» учебного материала, предусматривающая использование при преподавании местного материала из разных областей, знания [17]. Учителя Кубани занялись изучением краеведческого материала и освоением методов краеведческой работы.

Учителями был собран огромный материал. Он содержал не только сведения об экономическом развитии отдельных станиц и крестьянских хозяйств, но и освещал социальные взаимоотношения, общественную и культурную жизнь их населения. Научная ценность данного материала была отмечена Окружным краеведческим бюро. Оно указало

на необходимость дальнейшего углубления краеведческой работы учителей и организации с их помощью школьных краеведческих кружков, с целью вовлечения в работу по изучению родного края подрастающего поколения [18].

Также следует обратить внимание на отрицательные моменты в развитии краеведения на Кубани в 1920-е гг., а именно влияние на него идеологии и мировоззренческих установок, существовавших в советском обществе. Появилась тенденция направить краеведческую деятельность на решение народнохозяйственных проблем, изучение производительных сил региона. Данная тенденция особенно четко проявилась с установлением в обществе авторитарной системы. Если ранее содержание краеведческой деятельности определялось интересами самих краеведов, то теперь стали предприниматься попытки насадить плановую систему в краеведении.

Задачи краеведческих организаций были подогнаны под утилитарные хозяйственные задачи социалистического строительства. Деятельности краеведов все больше придавался политический оттенок, она все больше приобретала пропагандистский характер.

Примечания

1. ГАКК. Ф. 554. Оп. I. Д. 438. Л. 24.
2. Сысоев В. М. Об обществе изучения Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1896. 2 апр. С. 3-4.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф, Р.-2603. Оп. Г Д. 69. Л. 40.
4. Юбилейный сборник СОИКК. 1917-1922. Краснодар, 1923. С. 13.
5. ГАКК. Ф. Р.-1547. Оп. I. Д. 88. Л. 197.
6. ГАРО. Ф. Р.-2605. Оп. I. Д. 69. Л. 40.
7. ГАРО. Ф. Р.-2605. Оп. I. Д. 69. Л. 241.
8. Кузнецов В. А. «Родной брат ОЛИКО...» // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. [Краснодар]. 1998. № 1. С. 39.
9. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1723-1985 гг.). Краснодар, 1986, С. 77.
10. Краеведные учреждения СССР. Л., 1927. С. 103-104.
11. К открытию Общества изучения Черноморского побережья Кавказа // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып. 7. С. 202.
12. Краеведные учреждения СССР. С. 103.
13. Краеведные учреждения СССР. С. 104.
14. Краеведческая хроника // Известия ОЛИКК. Краснодар, 1924. Вып. 8. С. 160.
15. Устав Армавирского окружного общества краеведения // Записки Армавирского окружного общества краеведения. Армавир, 1925. № 1. С. 23.
16. ГАКК. Ф. Р.-1547. Оп. I. Д. 133. Л. 10.
17. Козюпа Д. Краеведческая работа учительства на Кубани // Труды Северо-Кавказской Ассоциации НИИ : Сборник статей по экономике и культуре. Краснодар, 1927. Вып. 1. С. 136.
18. Козюпа Д. Указ. раб. С. 136-139.

I.V. Simonyanc

LOCAL WORK IN KUBAN IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

The article considers the complex of problems connected with the history of the formation and development of local lore in the Kuban in the first quarter of the 20th century.

Keywords: local history, Kuban, society, process, development, values.

А.А. Панарин

СТАЛИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ

В статье анализируется степень соответствия сталинской концепции построения социализма в одной стране марксистской теории социалистической революции. Анализируются причины перехода Сталина от нэповской модели построения социализма к административно-командной системе, дается оценка реализации сталинской концепции в реальной практике социалистического строительства.

Ключевые слова: марксистская теория, новая экономическая политика, сталинская концепция социализма, Советская Россия.

После осуществления Октябрьской революции 1917 г. большевистская партия стремилась удержаться у власти в интересах осуществления мировой социалистической революции. Лидеры большевиков пытались действовать в русле марксистской теории, согласно которой социалистическая революция должна была произойти одновременно в нескольких развитых капиталистических странах, к числу которых Россия не принадлежала.

Сразу после захвата власти в Петрограде 26 октября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция, которая завершалась словами: «Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы» [1]. Позднее Ленин признавал: «Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям» [2].

После целого ряда неудачных попыток «подтолкнуть» запаздывающую пролетарскую революцию на Западе, руководство РКП(б) стало осознавать необходимость изменения этой позиции. В условиях перехода к нэпу в политике РКП(б) происходило усиление тенденции самостоятельного строительства социализма России в условиях капиталистического окружения. Своеобразие нэповской модели проявилось в том, что она позволяла, по мнению Ленина, прийти к социализму обходным путем, т. е. постепенного втягивания в социалистические отношения мелкобуржуазных элементов города и деревни. Признавая отсталость России и малочисленность пролетариата как главной социальной опоры социализма, Ленин отмечал, что «с точки зрения развития всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках по отношению к мелкобуржуазной массе» [3].

На основе этого подхода стала создаваться концепция строительства социализма применительно к крестьянской стране, хотя официально об этом не заявлялось. Решающим толчком в этом направлении стала провозглашенная Сталиным на XIV съезде ВКП(б) возможность построения социализма в одной стране, что стало существенным отступлением от марксистской схемы. Речь в данном случае шла не только о том, что вопреки марксизму, социализм стал утверждать себя не в нескольких, а только в одной стране мира, но и в том, что эта страна была по преимуществу крестьянской. Не случайно, столь резко против сталинского проекта выступили лидеры оппозиции Троцкий, Зиновьев и Каменев, которые продолжали настаивать на том, что без победы мировой социалистической революции построить социализм в отсталой России невозможно. Однако, большая часть делегатов XIV съезда ВКП(б), являясь выдвинутыми Сталиным, не поддержала оппозицию.

Подход, к которому все больше склонялись Сталин и его сторонники, имел целью концентрацию всего хозяйства в руках государства, использование внеэкономических, командно-административных методов мобилизации имеющихся в стране ресурсов для индустриализации. Это означало свертывание нэпа; изъятие ресурсов из сельского хозяйства и легкой промышленности; использование их для ускоренного создания тяжелой промышленности, которая в свою очередь могла послужить основой для перевооружения и ускоренного развития всех других отраслей народного хозяйства.

Причины крутого поворота сталинской группировки от нэповской модели к утверждению централизованной административно-командной системы заключались в следующем:

- во-первых, в объективной необходимости ускорения модернизации экономики страны ввиду состояния экономической отсталости и зависимости от развитых стран, укрепления обороноспособности в условиях враждебного окружения;

- во-вторых, в стремлении сталинской группировки к осуществлению генеральной задачи большевистской партии – строительству коммунистического общества. Социальную основу этих преобразований должен был составлять рабочий класс. Между тем, к концу 1920-х гг. доля рабочего класса в составе населения Советской России не превышала 10 % и тенденции развития нэповской экономики не давали надежды на коренное изменение ситуации. Поэтому путем проведения ускоренной модернизации страны была поставлена цель – сломать нэповское многоукладное общество и создать иной тип организации, основанный на господстве государственной собственности на средства производства и полном преобладании трудящихся классов. Выполнение этих кардинальных задач в сжатые сроки было возможно при условии ужесточения политического курса, максимальной централизации руководства, обеспечить которое могла административно-командная система.

В результате сталинская концепция строительства социализма стала оригинальной теорией, в которой причудливо сочетались элементы марксистского и народнического учений. На словах отрицая последнее, сталинское руководство по сути восприняло народнический тезис о возможности непосредственного перехода к социализму без завершённой фазы капиталистической формации. Постоянно акцентируя внимание на гегемонии пролетариата в революционном процессе, сталинское руководство при осуществлении социалистических преобразований в деревне активно использовало сложившееся принципы организации крестьянской общины, являвшейся, по мнению народников, «зародышем социализма». Наиболее характерным воплощением такого подхода стала сплошная коллективизация сельского хозяйства, итогом которой явилось повсеместное создание колхозов, в организации которых воплотились элементы общинного социализма.

Другой характерной чертой сталинской концепции социализма стала абсолютизация роли государства при осуществлении социалистических преобразований, что также в корне противоречило марксистской теории. Советское государство, как при Сталине, так и после его смерти, по сути поглотило гражданское общество, направляя его развитие в русле официальной доктрины руководства коммунистической партии. В целом, декларируя свое стремление следовать универсальным установкам марксизма, сталинское руководство реализовывало национально-ориентированный проект преобразования страны, опиравшийся на традиционные российские ценности: общинный уклад жизни народа и державные принципы государственного устройства.

Как справедливо отмечает Е.А. Гончаров, «коммунистическая революция есть явление не столько формационное, сколько цивилизационное – и побеждает она в странах, коллективистских по типу цивилизации, в странах, основой социального организма которых является община. Ударная сила такой революции – общинное крестьянство и рабочий класс, непосредственно из этого крестьянства вышедший, а потому и оставшийся носителем общинных – т. е. коммунистических ценностей [4].

В связи с этим, хотелось бы возразить историкам либерального толка, дающим однозначно отрицательную оценку Октябрьской революции, ставшей якобы началом тупикового пути развития России. По нашему мнению, реализация национально-ориентированного проекта социалистического преобразования российского общества, вобравшего в себя многовековые ожидания народа, способствовала преодолению системного кризиса в стране и дальнейшему развитию российской цивилизации. Следовательно, советский период следует рассматривать как составную часть истории российской цивилизации. Западноцентристская модель марксистской теории социализма была преобразована на российской почве с учетом соответствующих цивилизационных особенностей.

Не случайно, идеи Октябрьской революции оказались более притягательны не для передового западного пролетариата, а для народов с традиционным общинным укладом жизни. Почувствовав на себе тиски капиталистической эксплуатации и колониализма буржуазных государств, они восприняли опыт революционных преобразований в России в качестве важнейшего средства сохранения цивилизационной идентичности. Воплощаемые в СССР идеалы свободы, равенства и социальной справедливости, утверждаемые в ходе социалистического строительства коллективистские принципы морали и общественного устройства находили горячий отклик у народных масс целого ряда развивающихся стран, вступивших на путь социализма.

В результате реализации сталинской концепции социализма, несмотря на все трудности и жертвы, в СССР было построено сильное государство, которое из вспомогательного элемента мирового коммунистического движения превратилось в его авторитетный центр, прежде всего, для стран с традиционной моделью развития. Тем самым, была опровергнута установка марксизма на первоочередность социалистической революции в ведущих капиталистических странах. Кроме того, происходившее на протяжении столетия после Октябрьской революции развитие человечества показало, что время отмирания национальных государств еще не настало. Наряду с интеграционными процессами, национальные интересы по-прежнему играют важную роль в развитии мировой истории.

Примечания

1. Резолюция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М., 1969. С. 2-5.
2. Ленин В. И. Доклад о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 5 июля 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М., 1970. С. 34-54.
3. Ленин В. И. Тезисы доклада о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 13 июня 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М., 1970. С. 6.
4. Гончаров Е. А. О цивилизационном характере Великой Октябрьской социалистической революции [Электронный ресурс]. URL: <http://forum-ruslad.ru/index.php/98-novosti/100-e-a-goncharov-otsivilizatsionnom-kharaktere-velikoj-oktyabrskoj-sotsialisticheskoy-revoljutsii>

A.A. Panarin

STALIN'S CONCEPT OF SOCIALISM IN ONE COUNTRY, IN THE LIGHT OF MARXIST THEORY

This article analyzes the extent to which the Stalinist concept of building socialism in one country, the Marxist theory of the Socialist Revolution. Analyses the causes of the transition of Stalin from the *njepovskoj* model of building socialism to the administrative and command system, assesses the implementation of the Stalinist concept in actual practice of Socialist construction.

Keywords: Marxist theory, the new economic policy, Stalin's concept of socialism, Soviet Russia.

С.П. Семенько

ИЗМЕНЕНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬИ НА КУБАНИ В 20-30-е гг. XX ВЕКА

В статье раскрывается процесс изменения брачно-семейных отношений традиционной казачьей семьи на Кубани в 1920-1930-е гг. На материалах Кубани, воспоминаниях очевидцев, рассматривается процесс трансформирования семейных отношений, деятельность государственных органов в формировании взаимоотношений с казачеством. Дается оценка противоречивому характеру проводимых мероприятий и достигнутым результатам.

Ключевые слова: материнство, детство, семья, воспитание, Кубань, казачество.

В дореволюционной Кубани наиболее распространёнными были большие семьи, состоявшие из трёх, а иногда и из четырёх поколений. В линейных станицах Кирпильской и Удобной нередко жило по четыре и более семейных сыновей, бывало, что и женатые внуки [1] по прямой наследственной линии. Этому способствовало особое социальное положение казачества, распространение натурального хуторского хозяйства и их жизненный уклад.

Главной обязанностью казака была военная служба. Каждый казак, достигший 18 лет, принимал военную присягу и был обязан посещать строевые занятия в станице (по одному месяцу осенью и зимой), проходить обучение в военных лагерях. При достижении 21 года он поступал на 4-х летнюю срочную службу, после завершения, которой приписывался к полку, и до 38 лет должен был участвовать в трехнедельных лагерных сборах, иметь коня и полный комплект обмундирования, являться на регулярные строевые военные сборы.

Все это требовало больших затрат и много времени, поэтому в казачьих семьях большую роль играла женщина. Она вела домашнее хозяйство, заботилась о стариках, занималась воспитанием детей. За военную службу казакам предоставлялись земельные наделы, обработка которых требовала значительных физических усилий и наличия работников. Поэтому казаки женились, как правило, до военного призыва, приводя в родительский дом невестку. Казачьи большие семьи на Кубани включали в себя уже женатых представителей нескольких поколений по мужской линии.

Многодетность в казачьей семье была заурядным явлением. Некоторые женщины рожали по 15-17 раз. Казаки любили детей и радовались рождению и мальчика, и девочки. В отличие от крестьянских больших семей, в которых рождение ребенка это прибавление хлопот [2], в казачьих семьях прибавление нового члена семьи в экономическом плане воспринималось как важное событие, особенно если новорожденный был мальчиком («казаченька», «хлопчик», ласково называли их в семьях) [3].

Мальчикам радовались больше: помимо традиционного интереса к рождению сына, продолжателю рода, сюда примешивались чисто практические интересы – на будущего казака, воина община выдавала земельный пай. Тяжело было в тех семьях, в которых рождались лишь девочки, отсюда и возникло устойчивое выражение – «навозная куча»: «У нас земли нэ було. Нас пять у матери дочек, адин был надел батьки. Тада ш на девчат не давали земли»; «А бывают таки, шо если девочка, то кажут: «Це не наша, не казацька. Ось як сын – це наш. А це такэ... циганська»; «Их було пять сестер, а одын дядько – це було для казака гибель» [4].

Таким образом, казачья семья пополнялась, количество рабочих рук увеличивалось, а отделение молодой семьи было невозможно до тех пор, пока казак не уйдёт на службу и не возвратится домой. Однако старики, как главы семей, зачастую были заинтересованы в накоплении имущества и земель в одних руках и препятствовали отделению сыновей с семьями и, соответственно, земельными наделами и имуществом.

Дети рано приобщались к труду, с 5-7 лет они выполняли посильную работу. В казачьих семьях трудились не покладая рук. Особенно тяжелыми были полевые работы в страдную пору – уборка урожая. Работали от зари до зари, жить перебирались всей семьей в поле, домашними делами занималась свекровь или старшая невестка. Зимой, с раннего утра до поздней ночи, женщины пряли, ткали, шили. Мужчины в зимнюю пору занимались всевозможным ремонтом и починкой построек, орудий труда, транспортных средств, их обязанностью был уход за лошадьми и скотом.

Статус отца был очень высок в кубанской традиции. Он был главным и основополагающим членом семьи – в деле воспитания детей, хозяйственно-экономического положения, сохранения и передачи знаний в области системы ценностей, хозяйствования, обрядовых комплексов и традиций. Моя прабабушка Ужва (в девичестве Тупиха) Марфа Константиновна, 1921 года рождения, рассказывала мне о том, что ещё в двадцатых годах традиционная патриархальная семья в сельских станицах была не редкостью. Прабабушка родилась и проживала в станице Новопластуновской Павловского района Краснодарского края. Хутор Новопластуновский был основан в 1904 году. В 1912 году был переименован в хутор Бабычевский (в честь генерала Бабыча), не позже 1917 года преобразован в станицу Бабычевскую, а в 1923 году станица Бабычевская была переименована в станицу Новопластуновскую. В своём интервью прабабушка рассказывала, что от отца зависело не только экономическое положение семьи, но и её социальное положение в обществе: «Якый батько, таки и диты», «як коняка нэ купана, так и диты чумази» [5].

Особенно высоким было положение отца во внутрисемейной иерархии. Мать Марфы Константиновны Татьяна Фёдоровна (1898 года рождения) при обращении к мужу на людях называла его по имени и отчеству: Константин Захарович, дети обращались к батьке на «Вы». «Було, батько у сапоге (в сапогах) у хату от конэй прийдэ, а маты йому сапоги снимаэ и ноги мые», – рассказывала прабабушка о том, что отец зачастую заходил в хату в грязных сапогах, мать их снимала и мыла мужу ноги, а девочки убирали грязь в хате. Прабабушка рассказывала, что они долгое время, будучи детьми, даже не знали имён отца и матери: «Мамка и маты, а як отца звали – батько, и усэ тут» [6].

Отцовское воспитание касалось только мальчиков, и имело определенные возрастные рамки. В раннем возрасте ребенка, казак-отец не только не вмешивался в его воспитание, даже не помогал жене по уходу за младенцами, что считалось вообще постыдным делом для мужчин. По мере того, как ребенок взрослел, обучение принимало более сложный хозяйственный характер. Мальчики, под присмотром отца, помимо своих уже вмененных обязанностей – кормление скота, выпас, присмотр за лошадьми, работа пастушками и погонщиками лошадей, – начинали овладевать навыками верховой езды, джигитовке, а также учиться азам народных знаний. Помимо обучения хозяйствованию, мальчики обучались в школе, где осваивали грамоту и основы военного искусства.

Отец и дед обучали сыновей и внуков трудовым навыкам, выживанию в опасных условиях, стойкости и выносливости. Матери и бабушки обучали дочек и внучек умению любить и беречь семью, рачительному ведению хозяйства. Особым уважением в семье пользовались старики, которые выступали хранителями обычаев, играли большую роль в общественном мнении и казачьем самоуправлении. Крестьянско-казачье воспитание всегда следовало житейским заветам, основой которых были идеалы доброты и послушания, доверия, совестливой справедливости, нравственного достоинства и прилежания к труду. В казачьей семье отец и мать, дед и бабка, учили главному делу – умению разумно жить [7]. По мере роста семьи, роль отца как главной рабочей силы, изменяется. Взрослые сыновья берут на себя все тяготы по хозяйству, а отцу оставалось лишь распределять обязанности и осуществлять контроль над выполнением работ.

Февральская буржуазная, а затем Октябрьская социалистическая революции, последующая Гражданская война, разрушили не только социальную, политическую и экономическую сферы повседневной человеческой жизни, но и семейные ценности, традиционные семейные отношения, которые существовали на Кубани много лет. Началось создание новой семьи, в которой не было места прежним семейным отношениям, основанным на традиционных представлениях о роли мужчины и женщины в структуре семейных связей. Наступившая эпоха так называемого освобожденного быта, в которой прежние обязанности и функции членов семьи уходили в прошлое, привела к возникновению семьи нового типа, являвшейся ячейкой нового общества с полностью изменившимися социокультурными условиями существования [8].

Политика советской власти на Кубани привела к разрушению традиционных семейных связей казачества, способствовала обострению проблем материнства и детства. С 20-х годов XX века начинается трансформация казачьих устоев как общинных, так и семейных. Расказачивание, раскулачивание, насильственная коллективизация – все эти события истории количественно уменьшили число мужчин-казаков. Безотцовщина стала бичом того времени. Был уничтожен огромный пласт традиционной казачьей субкультуры, являющийся важнейшим механизмом традиции. Говоря иными словами, кубанское казачество осиротело. Это привело к тому, что роль женщины-матери-казачки в воспитании, хозяйственной деятельности, общественных отношениях многократно возросла, но заменить отца для ребенка она так и не смогла.

Однако необходимо отметить, что в середине 1930-х годов советское государство, видимо, осознав глубину разрушения казачьих устоев и возможные последствия этого, дало старт кампании «за советское казачество». Сделано это было с целью формирования позитивного облика казачества, усиления просоветских симпатий в казачьей среде, но также использованию военно-патриотических традиций казачьих сообществ в деле воспитания подрастающего поколения и укрепления обороноспособности СССР. Так, в статье секретаря Азово-Черноморского крайкома партии Б.П. Шеболдаева отмечалось: «...казачество, имевшее в прошлом ряд привилегий... на практике убедилось в преимуществах колхозов над старым средневековым порядком и окончательно встало на путь нового строя. В основной массе казачества произошел коренной перелом» [9].

18 февраля 1936 г. газета «Правда» вышла с редакционной статьей «Советские казаки», в которой утверждалось, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» [10].

Эти перемены способствовали определенному смягчению взаимоотношений между казачеством и советским государством, что, свою очередь, отразилось на более гармоничной эволюции семейно-брачных отношений кубанских казаков в процессе продолжающейся советизации казачьего быта. Вместе с тем, несмотря на все усилия большевистской партии, в недрах казачьего сохранялись традиционные представления о предназначении семьи, ролевых функциях отца, матери и детей. Об этом свидетельствует возрождение казачьей культуры, происходящее в постсоветский период.

Примечания

1. Чистов К. В. Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. Краснодар, 1967. С. 190.
2. Некрылова А. Ф., Головин В. В. Роль отца в традиционной народной педагогике // Мир детства и традиционная культура. М., 1995. С. 8.
3. Личный архив автора. Интервью Ужва М.К. 14.03.2015.

4. Воронин В. В. Отец в семье кубанских казаков: статус и функции [Электронный ресурс]. URL: https://www.yuga.ru/articles/society/4344.html#_edn7 (дата обращения – 14.01.15).
5. Личный архив автора. Интервью Ужва М.К. 14.03.2015.
6. Там же.
7. Традиции, быт, культура кубанского казачества [Электронный ресурс]. URL: http://www.kanevskadm.ru/?option=com_content&view=article&id=470 (дата обращения – 24.05.16).
8. Семенов А. А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы гражданской войны (1917-1920 гг.) // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 109(05) [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/63.pdf> (дата обращения – 20.04.16).
9. Шеболдаев Б. П. Казачество в колхозах (казачество в колхозах, практические задачи колхозов, рапорт-письмо товарищу Сталину). Ростов н/Д., 1935. С. 10
10. Юбилей кампании «За советское казачество» [Электронный ресурс]. URL: <http://cossack-circle.livejournal.com/256104.html> (дата обращения – 28.04.16).

S.P. Semenko

CHANGING MARITAL AND FAMILY RELATIONS IN TRADITIONAL COSSACK FAMILY IN KUBAN IN 1920's – 1930's THE TWENTIETH CENTURY

The article deals with the process of changing marital and family relations in traditional Cossack family in Kuban in 1920-1930-s. On materials of the Kuban, the memories of eyewitnesses, the process of transformation of family relations, the activities of State bodies in forming relationships with the Cossacks. Given the controversial nature of the assessment of the activities undertaken and results achieved.

Keywords: motherhood, childhood, family, parenting, the Kuban Cossacks.

Ж.Ю. Савченко

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ В 1920-е гг.

В статье освещается общественно-политическая деятельность комсомола в кубанской станице в условиях новой экономической политики. Раскрывается роль комсомольских организаций в проведении выборов в местные советы, активизации общественной активности сельского населения. Рассматривается участие комсомольцев в борьбе с религией, распространении советского образа жизни, ликвидации неграмотности и организации полезного досуга сельской молодежи.

Ключевые слова: комсомол, общественно-политическая деятельность, новая экономическая политика, кубанская станица.

Комсомольские организации Кубани принимали активное участие в общественно-политической жизни. Несмотря на свою малочисленность, кубанские комсомольцы были задействованы во всех крупных общественных мероприятиях, решая задачи, которые ставили перед ними партийные комитеты. Важнейшим направлением работы комсомола являлось участие в проведении выборов в местные советы. В особенности это проявилось в середине 1920-х гг. в условиях проведения курса «Лицом к деревне», провозглашенного на октябрьском (1924 г.) пленуме ЦК РКП (б). Пленум подчеркнул, что задача «оживления Советов в деревне, связанная с общим вопросом об оживлении работы Советов, является одной из основных и наиболее острых задач момента» [1].

Процесс формирования низовых структур власти в деревне начинался с ознакомления сельского населения с избирательным законодательством и задачами отчетно-перевыборной

кампании. В этой работе активное участие приняли комсомольцы, проводившие большой объем агитационной работы. Представители местных комсомольских организаций входили в состав сельских избирательных комиссий. До избирательного собрания все кандидатуры обсуждались на совместном совещании членов ВКП(б), ВЛКСМ, профсоюзов и волостного актива.

В ходе избирательной кампании комсомольцы участвовали в обсуждении вопросов местного хозяйственного и культурного строительства. На встречах с избирателями рассматривались проблемы сельской школы, организации больничного дела, ремонта сельхозинвентаря, починки дорог, отвода лесов на местные нужды, борьбы с растратами и хулиганством. На всех собраниях и съездах заслушивались доклады сельсоветов и исполкомов. По некоторым данным, в прениях по отчетным докладам и выдвижению кандидатов в советы участвовало 10-11 % избирателей, присутствовавших на собраниях [2].

Более основательная, чем прежде подготовительная работа в сочетании с расширением возможностей участия населения в избирательном процессе принесла свои положительные результаты. Явка избирателей Северо-Кавказского края росла опережающими темпами в сравнении с другими регионами РСФСР (соответственно с 29,9 до 44,0 % и с 36,9 до 44,7 %). Большой интерес к кампании проявили казаки. Их удельный вес среди участников собраний вырос в Армавирском округе – с 27,7 до 36,6 %, Кубанском – с 16,6 до 32,1 %, Майкопском – с 32,2 до 42,0 % [3]. Участие казаков в выборах количественно сравнялось с участием иногородних.

Несмотря на усилия всего общественного актива, поддерживающего политику партии, количество как коммунистов, так и комсомольцев в итоге мартовских перевыборов резко уменьшилось участие в сельсоветах Северо-Кавказского края коммунистов (с 27,2 до 12,0 %), комсомольцев (с 5,7 до 2,5 %). Напротив, возросло участие в Советах беспартийных (с 67,1 до 85,5 %) и зажиточных (с 0,4 до 6,7 %). Началось массовое выдвижение казаков на руководящие посты. Они возглавили 27,3 % советов Кубанского округа [4].

Дальнейшее продолжение демократического процесса было прервано усилением администрирования со стороны партийно-государственных органов. Причины корректировки проводимой политики были связаны с растущей обеспокоенностью руководства ВКП(б) укреплением позиций зажиточных слоев города и деревни. Одновременно развернулась работа по активизации на выборах деревенской бедноты. Организационной формой ее объединения стали группы бедноты, находящиеся под непосредственным руководством местных партийных ячеек и созданные по решению октябрьского 1925 г. пленума ЦК РКП (б) [5]. Группы бедноты стали основной силой, обеспечивающей успех кандидатов-коммунистов и комсомольцев на выборах. Особую роль в этой работе играла бедняцкая молодежь, являвшаяся членами местных комсомольских организаций.

В сводке ОГПУ отмечалось, что «допущенные местами перегибы при лишении избирательных прав приводили к некоторому понижению активности середняков и возрождению среди части бедноты комбедовских настроений. Подобные явления приводили в дальнейшем ходе кампании к тому, что в новые советы по отдельным районам проходили в большинстве беднота, партийцы и комсомольцы, а середнякам отводилось незначительное место» [6]. К числу таких районов были отнесены и казачьи районы Северного Кавказа. Нарастание администрирования негативно отразилось на обстановке в кубанской деревне.

Еще одним направлением общественно-политической деятельности кубанского комсомола являлась борьба за внедрение в молодежную среду коммунистического мировоззрения и социалистической культуры. Для нее было характерно создание и пропаганда новой системы ценностей и взглядов, отрицание значительной части исторического и культурного наследия дореволюционной эпохи, попытка создать и воспитать «нового человека». Важной составляющей этой политики являлась борьба с религией.

На Кубани практика вытеснения религиозных праздников из повседневной жизни населения и замены их советскими четко прослеживается с 1923 г., когда началось проведение «красных комсомольских» праздников. В рамках этого направления антирелигиозной деятельности в начале января 1923 г. в Краснодаре было устроено «Комсомольское рождество», которое включало в себя «сочельник» и само празднование. «Сочельник» был проведен 6 января 1923 г. в зале Рабфака. На нем присутствовало около 150 человек. На следующий день, комсомольцы вышли на улицы в сопровождении оркестра и несли в руках красные знамена, метлы и лопаты. Они совершили шествие по городу, распевая революционные песни и выкрикивая антирелигиозные лозунги. Участники шествия отправились в рабочие кварталы города, где провели уборку улиц [7].

Несмотря на критику со стороны ЦК РКП(б) и в последующем были случаи, когда комсомольцы проявляли воинственность по отношению к верующим, что влекло за собой отрицательную реакцию местных партийно-государственных органов. Так, комсомольцы Краснодара в 1924 г. приняли участие в противодействии верующим при достройке церкви в станице Пашковской. Агитпроп Кубанского окружкома РКП(б) в своей директиве обратил внимание на агитационную работу комсомола, учитывая, что «комсомол в вопросах антирелигиозной пропаганды имеет склонность к невыдержанности и горячности, и наоборот, при умелом использовании его сил... приносит большую пользу» [8].

Одновременно с воспитанием отрицательного отношения молодежи к религии и к «старой» культуре вообще, комсомол стремился привить подрастающему поколению новые представления о личности коммунистического типа. Идеализированный образ человека будущего становился примером для подражания, чтобы в дальнейшем предстать в персонаже Павла Корчагина из романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Корчагинцы оказывались в первых рядах на пути к новому быту. Объявлялась война пьянству, хулиганству, комсомольцы должны были проводить активную антирелигиозную работу, избавляя общество от «мещанско-буржуазных» пороков. Между тем политические баталии, врываясь в сферу личного и диктуя свои правила игры, не давали ответа на многие вопросы повседневной жизни.

Повышению общеобразовательных и политических знаний комсомольцев, и молодежи Кубани способствовала развернувшаяся в 1920-е гг. борьба против неграмотности, в которой комсомол принял активное участие. О жестком характере этого движения свидетельствует тот факт, что созданная в январе 1921 г. на Кубани чрезвычайная комиссия («обграмчека») планировала полностью завершить ее в Краснодаре к 1 июля 1921 г., после чего, согласно постановлению областного исполкома, «уклоняющиеся от учения грамоте должны привлекаться к суду...» [9]. В процессе борьбы против безграмотности кубанские комсомольцы обучили десятки тысяч казаков и крестьян.

Большое внимание в деятельности кубанского комсомола уделялось организации полезного досуга молодежи. На организуемых комсомольцами вечерах молодежи юноши и девушки исполняли народные песни, запевалами которых нередко выступали комсомольские активисты. Кроме того, в станицу проникали и комсомольские песни, которые для многих молодых казаков были своеобразным мостиком для вступления в комсомол. В клубах действовали кружки различной направленности, способствующие раскрытию творческих дарований сельской молодежи. Кроме того, комсомольцы много делали для развития физкультуры и спорта, прививая молодым людям основы здорового образа жизни.

Таким образом, общественно-политическая деятельность кубанского комсомола характеризовалась большим объемом проводимых мероприятий, идущих в русле осуществляемой большевистской партией политики. Результатами этой работы стало увеличение сторонников социалистического преобразования среди кубанской молодежи. В то же время, в общественно-политической деятельности кубанского комсомола проявлялись свойственные политике этого периода администрирование, преследование неугодных большевистской партии социальных групп населения, увлеченность внешней, показной стороне дела.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. III. М., 1984. С. 908.
2. Дегтев С. И. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е гг. // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 127-128.
3. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 189.
4. Там же. С. 191.
5. КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 415.
6. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы : В 4 т. Т. 2 : 1923-1929 / под ред. А. Берловича, В. Данилова. М., 1998. С. 116-117.
7. Шаповалов С. Н. Практика проведения антирелигиозных праздников на Кубани в 1920-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. С. 20-21.
8. Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 492.
9. Там же. С. 461-462.

Z.Y. Savchenko

THE KOMSOMOL PARTICIPATION IN THE SOCIO-POLITICAL LIFE OF THE KUBAN STANITSA IN 1920-s

The article highlights the socio-political activity of the Komsomol in Kuban page under the new economic policy. Examines the role of Komsomol organizations in conducting local elections, intensifying the public activity of the rural population. Considered part of the Komsomol in the Suppression of religion, spreading the Soviet way of life, the eradication of illiteracy and the Organization useful leisure rural youth.

Keywords: Komsomol, socio-political activity, the new economic policy, Kuban Cossack village.

А.Д. Быковченко

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕЙСКОГО ВОЕННО-АВИАЦИОННОГО УЧИЛИЩА

В работе представлена информация о возникновении и становлении Ейского военно-авиационного училища. Освещена роль, которую сыграло это учебное заведение в годы Великой Отечественной войны. Значение рассматриваемой в статье летной школы заключается в том, что из ее стен вышли прославленные летчики, которые поднимались в небо для отражения атак противника. В дальнейшем многие из них были награждены званием Героя Советского Союза. Охарактеризовано современное значение этого училища и его достижения, кадры и материальная база.

Ключевые слова: военно-авиационное училище, Ейск, Ейский район, Великая Отечественная война, герои, летчики, выпускники.

Для каждого коренного жителя города Ейска и прилегающих к нему районов Ейское военно-авиационное училище является гордостью. Ведь именно из стен этого училища вышли прославленные летчики Краснодарского края, многие из которых проявили себя в небе, отстаивая честь и независимость, как своего города, своего края, так и всего СССР.

История Ейского авиационного училища восходит к 28 июля 1915 г. – дню открытия Офицерской школы морской авиации, сформированной в Петрограде. Учебное заведение много раз меняло наименование, места дислокации и ведомственную принадлежность. Главным оставался профиль - подготовка специалистов морской авиации.

В середине июля 1931 г. Военная школа морских летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС РККА имени Сталина (такое наименование было в то время) передислоцировалась из Севастополя в Ейск. В Севастополе авиапарк составлял до 40 самолетов. В Ейске их количество возросло до более чем 440 самолетов. Среди них новые учебные и боевые Р-1, позднее Р-5, Дорнье «Валь», Савойя S-62, бомбардировщики ТБ-1, ТБ-3 с моторами М-17, МБР-2, МБР-4, истребители И-4, И-5, И-15, самолеты У-2 (По-2), Ш-2 и др. В Ейске Школа была передана в подчинение командованию Северо-Кавказского военного округа [1].

В 1936 г. Школа переименована в Военную школу летчиков и летнабов (летнаб – летчик, ведущий наблюдение с воздуха за чем-либо) морской и сухопутной авиации им. И.В. Сталина.

Приказом НКО СССР № 56 от 14.04.37 г. Школа переименована в Военно-Морское авиационное училище имени тов. Сталина и вскоре передана под командование ВМФ. В этот период Ейское ВМАУ значительно обновляет парк самолётов, с 1938 года стали поступать новые И-15бис, И-16, СБ, МБР-2, УТ-2, расширилась аэродромная сеть. В это время в составе училища имелось не менее девяти учебных авиационных эскадрилий [2].

В 1937 г. в училище для обучения было принято около 1 000 курсантов. Из них 320 человек поступили на штурманское отделение. В 1939 г. состоялся последний довоенный выпуск штурманов из Ейского училища. При реорганизации системы обучения Авиации ВМФ в 1939 г. функции подготовки штурманов были переданы Военно-морскому авиационному училищу им. С.А. Леваневского в городе Николаеве.

Накануне войны в первой половине 1941 г. было проведено несколько наборов курсантов. В январе в училище пришли выпускники аэроклубов. В июне было принято еще около 600 курсантов. Кроме того, в Школе младших авиационных специалистов (ШМАС) при училище поступило 260 человек, которые готовились по разным техническим специальностям (авиационные мотористы, специалисты по связи, вооружению, приборам и пр.).

К июлю – августу 1941 г. в училище имелось 10 учебных эскадрилий: две учебных эскадрильи на самолетах СБ, четыре истребительные учебные эскадрильи на И-15бис, И-153 и И-16, одна учебная морская эскадрилья на МБР-2, две эскадрильи переподготовки летчиков и эскадрилья обучения «слепым» полетам. К осени на вооружение учебных подразделений стали поступать новые самолеты Як-1, МиГ-3, Ил-2, По-2. В связи с военной обстановкой и необходимостью ускорить обучение летчиков, теоретическую часть сократили. Основное внимание стали уделять отработке практических навыков управления самолетами, умению ходить в боевых порядках, пользоваться авиационным оружием, самим устранять неисправности техники, которые могли бы возникнуть [3].

С целью организации воздушного прикрытия города, порта и военных баз была создана отдельная эскадрилья истребителей под командованием капитана К.В. Попова. Противник вплотную подошел к Ейску, но уничтожить Училище ему не удалось. Летчиками эскадрильи наносились внезапные удары по расположению немецких частей, ими было сбито около трех десятков вражеских самолетов.

В сентябре 1941 г. училище организованно перебазировалось в Моздок, куда по воздуху перебросили все имевшиеся 274 самолета, среди них У-2, УТ-2, УТИ-4, И-16, Як-1, ЛаГГ-3. Периодически в действующую армию для овладения навыками боя в военной обстановке отправлялись отряды, сформированные из инструкторов. Они через некоторое

время возвращались, но на смену им отправлялись новые. В Училище курсанты делали 100-120 вылетов, налетывая всего по 15-20 часов. Иногда от начала до конца практического обучения полетам проходило несколько дней, и ежедневно на фронт отправляли 5-10 новоиспеченных лётчиков [4].

В августе 1942 г. фронт приблизился к Моздоку, и училище эвакуировалось в село Борское под Куйбышевым. Сначала работали на четырех аэродромах, но потом их количество возросло до одиннадцати.

В начале 1943 г. в училище поступили новые Ла-5 и Як-7.

24.07.43 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Училище было награждено орденом Ленина. К этому времени 45 воспитанников Училища уже были удостоены звания Героя Советского Союза, а около 4 000 награждены орденами и медалями.

После освобождения Кубани советскими войсками 11.10.43 г. был получен приказ возвращаться в Ейск. Перебазирование проходило поэтапно до 17.05.44 г. Не прекращая летную подготовку, работники и курсанты Училища занимались и восстановлением разрушенного города. Кроме того, личный состав участвовал в организации противовоздушной обороны Ейска и военно-морских баз района Азовского моря, как с воздуха, так и в составе зенитных батарей на земле. Последний «военный» выпуск состоялся в 1945 году. Эти летчики успели внести свой вклад в окончательную победу над милитаристской Японией [5].

За четыре года войны Ейское Военно-морское ордена Ленина авиационное училище имени Сталина подготовило 3 517 летчиков и 157 штурманов (включая сюда и летный состав, прошедший переподготовку). На его базе было сформировано и отправлено на фронт 9 авиационных полков и 18 эскадрилий. Туда же было отправлено около 400 самолетов, и более 300 летчиков из кадров Училища, в том числе на войсковую стажировку. На укомплектование частей морской пехоты и парашютно-десантных войск было направлено более 400 курсантов и краснофлотцев. Кроме того, личный состав собрал и внес на строительство торпедных катеров наличными и облигациями более 1,3 миллиона рублей.

В настоящее время Ейский вуз обладает самыми современными тренажерно-моделирующими и имитирующими комплексами, которые позволяют успешно готовить высококвалифицированных специалистов для всех силовых структур России, вести переподготовку офицеров из войск, а также обучать иностранных военных специалистов из стран ближнего и дальнего зарубежья. В своё время в училище обучались иностранные военные специалисты Кубы, Индии, Белоруссии, Армении, Казахстана. Сейчас проходят обучение специалисты из Таджикистана, Туркмении, Анголы, Судана. В этом учебном году ожидается прибытие представителей Ливии, Эфиопии, Узбекистана. С августа 2008 года к обучению в училище впервые приступили 20 курсантов-девушек [6].

Училище уникально тем, что вобрало в себя весь ранее существующий в Советском Союзе опыт подготовки специалистов по управлению воздушным движением. Учебное заведение выгодно отличается наличием летного подразделения – учебной авиационной группы, которая выполняет ознакомительные полеты с курсантами и используется для приобретения ими практических умений и навыков в управлении полетами.

Сегодня Ейское училище, оставаясь в разряде летных военных вузов, является также единственным учебным заведением ВВС, где готовят специалистов по боевому управлению авиацией.

Личный состав училища гордится героической историей и традициями всех поколений своих выпускников. За личный героизм 252 из них были удостоены звания Героя Советского Союза, 29 – награждены «Золотой Звездой Героя России». Шесть выпускников

стали дважды Героями Советского Союза и в том числе, вместе с пятью героями-фронтовиками, прославленный лётчик-космонавт Владимир Джанибеков [7].

Более 300 воспитанников Ейской кузницы авиационных кадров выросли в крупных военачальников нашей авиации. Среди них маршал авиации Иван Иванович Борзов, генерал армии Владимир Сергеевич Михайлов.

В учебном заведении обрели крылья и получили путевку в небо командиры космических кораблей летчики-космонавты Павел Беляев, Георгий Шонин, Владимир Джанибеков, Юрий Онуфриенко, Геннадий Падалка, гражданин Республики Куба Томайо Мендес Арнальдо.

Выпускники Ейской школы штурмующих небо – это всемирно известные летчики-испытатели Виктор Пугачев, Анатолий Квочур, Вячеслав Аверьянов, Сергей Мельников, это героические летчики палубной авиации Тимур Апакидзе, Игорь Кожин, Виктор Дубовой, Павел Кретов.

Славу старших поколений ейских авиаторов достойно несут нынешние воспитанники училища. По отзывам из войск его выпускников отличает высокий уровень профессиональной подготовки. Многие из них за короткое время достойно проявили себя в «горячих точках», отмечены государственными наградами, успешно окончили академию и имеют хороший служебный рост.

Новейшая история сегодняшнего Ейского военного авиационного вуза убедительно доказывает, что авиаторы-ейчане по-прежнему остаются верными своим боевым и трудовым традициям, своей чести и долгу и достойно, с высоким качеством выполняют все возложенные на них задачи.

Примечания

1. Балабаев Н. 100 лет Ейскому Военно-авиационному училищу. Ейск, 2015. С. 14-20.
2. Там же.
3. Иванов А., Сидоренко М. Ейск вчера и сегодня. Исторические очерки. Ейск, 2012. С. 39-47.
4. Климентьев Г. В. С любовью о Ейске. Краснодар, 2005. С. 100-107.
5. Балабаев Н. Указ соч. С. 14-20.
6. Полуниин Н. А. Вспоминая историю Ейска // Новости Ейска и Ейского района. Ейск, 2015. № 3. С. 7-9.
7. Ситдикова Н. В. Ейск: прошлое и настоящее. Природа, история, хозяйство. Ростов н/Д., 2008. С. 53-59.

A.D. Bukovchenko

THE HISTORY AND FORMATION THE YEISK MILITARY AVIATION SCHOOL

The article presents information on the occurrence and formation the Yeisk military aviation school. Important is to note that what is the role of this College in the years of the great Patriotic war. And it played a huge role, because it is from the walls of this school came those famous pilots who went up in the sky to reflect enemy attacks. In the future, many of them were awarded the highest title of Hero of the Soviet Union. It was important to note the current role of this school and its modern achievements, personnel and equipment.

Keywords: military aviation school, Yeysk, Yeysk district, the Great Patriotic war, heroes, pilots, graduates.

А.В. Сургутов

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ОХРАНА ТЫЛА НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность партийно-государственных органов и населения края по укреплению тыла. Приводятся сведения по организации оборонного строительства, рассмотрены направления и результаты работы государственных и военных органов по охране тыла и поддержанию общественного порядка на территории Краснодарского края в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Краснодарский край, мобилизация, оборонное строительство, противовоздушная оборона, истребительные батальоны.

Большое значение в оборонно-массовой работе имела мобилизация гражданского населения на оборонное строительство, что способствовало укреплению стратегического и оперативного тыла действующей армии. Данная работа проводилась в силу прифронтового положения Краснодарского края в начале осенью 1941 г., а затем в течение лета 1942 и почти всего 1943 г. В периоды активного оборонительного строительства вопросы его обеспечения занимали одно из ведущих мест в комплексе принимаемых решений партийно-государственными и военными органами, действующими на территории Краснодарского края.

Уже 22 июня в 13 часов состоялось совещание руководителей края, на котором были приняты важные решения: привести в полную боевую готовность гарнизон Краснодара, приступить к рытью щелей в скверах, усадьбах и дворах для защиты населения от воздушных налетов, ввести особое положение и светомаскировку.

В первый же день войны в крае было объявлено военное положение. Оно дало право привлекать население на строительство укреплений, изымать транспорт и иное имущество для нужд обороны, определять график работы учреждений и предприятий, порядок торговли, запрещать свободное перемещение граждан по территории края, выселять социально опасных лиц. Случаи нарушения требований военного положения немедленно рассматривались военными трибуналами, приговоры которых не подлежали кассационному обжалованию [1].

25 июня бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) приняло решение о необходимости обучения всего населения пользованием средствами химической защиты, правилам тушения зажигательных бомб, организации в каждом предприятии, крупном учреждении, домоуправлении, школах, колхозах и совхозах групп самозащиты и обучению их навыкам работы в условиях ПВО [2].

В начале августа 1941 г. бюро Краснодарского горкома ВКП(б) и горисполкома рассмотрело вопрос о состоянии противопожарных мероприятий. Отмечалось, что эта работа осуществляется недопустимо медленно. Райисполкомам было поручено потребовать от частных владельцев обеспечить домовладения в пятидневный срок лестницей, ведром, лопатой и одним кубометром песка. При каждом домовладении для сбрасывания зажигательных авиабомб рекомендовалось открытие колодцев – ям глубиной от 1 до 1,5 метра. Было принято также постановление об организации в городе к 10 августа комсомольско-молодежного противопожарного полка численностью 480 человек для оказания помощи частям и подразделениям пожарной охраны в ликвидации возможных пожаров [3]. Осуществление этих мер ослабляло угрозу пожаров в случае вражеских бомбардировок и обстрелов.

Большое значение в ряду мероприятий по организации отпора противнику придавалось созданию оборонительных рубежей. Уже в начальный период войны, несмотря на все трудности, население Кубани самоотверженно трудилось на оборонных работах. Так,

в строительстве оборонительного отвода вокруг Краснодара в ноябре 1941 г. десятки тысяч горожан ежедневно привлекались к работам. Для обеспечения населения шанцевым инструментом были задействованы многие предприятия города. Однако, как уже отмечалось, строительство оборонительных укреплений было тогда прекращено, ввиду отступления немецко-фашистских войск [4].

Перед угрозой нового вражеского наступления в начале августа 1942 г. на строительство Краснодарского оборонительного отвода ежедневно привлекалось до 30 тыс. человек гражданского населения, в том числе из Краснодара – 18 тыс., из станиц Марьянской и Новотитаровской – по 5 тыс., из Динской – 2 тыс. человек. Для обороны города планировалось привлечь истребительные батальоны. Однако стремительное наступление немецко-фашистских войск не позволило выполнить намеченные мероприятия.

После освобождения Краснодара 8 марта была проведена мобилизация всего трудоспособного населения в возрасте от 16 до 55 лет для строительства оборонительного рубежа. Это объяснялось тем, что укрывшись за так называемой «Голубой линией», враг еще располагал большими ресурсами, что не исключало с его стороны новых попыток захвата территории Кубани. С целью предотвращения этой угрозы было принято решение создать мощный оборонительный рубеж [5].

В результате напряженных усилий населения города и близлежащих районов к началу июня было сооружено 1 913 огневых точек, 253 стрелковых окопа, 20 380 метров противотанкового рва, 3 448 метров баррикад, 32 100 метров ходов сообщений. Из числа особо отличившихся на строительстве 118 человек были награждены Почетными грамотами и денежными премиями и 398 человек – Почетными грамотами [6]. Население привлекалось также для восстановления транспортных сетей. Так, на восстановление железнодорожного моста через реку Кубань было мобилизовано более 2 тыс. человек [7].

После освобождения Кубани от немецко-фашистской оккупации в 1943 г. Краснодарский крайисполком принял также ряд других решений по укреплению обороноспособности освобожденных территорий. Так, 14 марта 1943 г. было решено восстановить систему противовоздушной обороны во всех городах и районных центрах края. Все это способствовало созданию эффективной системы самообороны на случай новых агрессивных действий противника.

Еще одним направлением оборонно-массовой работы по укреплению тыла являлось формирование и деятельность истребительных батальонов. Их создание являлось необходимым условием обеспечения государственной и общественной безопасности, а также функционирования тыла Красной Армии, эффективного проведения военно-мобилизационной работы и создания системы местной самообороны.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 г. истребительные батальоны на территории Краснодарского края были созданы уже в первые дни войны при городских и районных военных отделах. Своевременность их создания объяснялась тем, что гитлеровцы, опьяненные победами над Красной Армией в первый период войны на всех участках фронта, стали широко использовать свою авиацию для заброски в советский тыл, в том числе на Кубань, диверсантов-парашютистов. Для борьбы с ними во всех городах и районах края и стали формироваться истребительные батальоны.

За короткий срок на территории Кубани создали 92 истребительных батальона, в которые вошло 14 тысяч бойцов. В основном это были хорошо подготовленные и беспредельно преданные Родине люди. Кроме того, сформировали около полутора тысяч групп содействия, общей численностью в 25 тысяч бойцов. А в отряды народного ополчения записалось 224 тысячи добровольцев [8].

Истребительные батальоны оказали большое содействие соответствующим структурам Красной Армии и НКВД-НКГБ в деле борьбы с вражескими разведчиками и диверсантами,

в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий по борьбе с дезертирством, в пресечении других уголовных преступлений. Истребительные батальоны сыграли свою роль в том, что за все время войны на территории Кубани не была нарушена работа стратегических транспортных коммуникаций, не было создано повстанческих групп из антисоветски настроенной части населения. Оборонные предприятия также были под надежной защитой и бесперебойно поставляли продукцию на фронт.

Одновременно формировалась сеть партизанских отрядов, подпольных и диверсионных групп на случай возможной оккупации. В особенности, решение этой задачи стало актуально летом 1942 г., когда враг стремительно продвигался вглубь Северного Кавказа.

Всего на территории Кубани было создано 85 партизанских отрядов, входивших в семь партизанских соединений, или кустов. Они дислоцировались в горно-лесистой местности, в плавнях и неожиданно наносили удары по гарнизонам противника. Партизанские соединения, состоявшие практически полностью из коммунистов и комсомольцев, оказали огромную помощь Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, а впоследствии сыграли большую роль в быстром освобождении большей части оккупированных районов Краснодарского края.

Завершение осенью 1943 г. боев по освобождению Таманского полуострова и Черноморского побережья поставило перед местными органами власти задачу разминирования освобожденных от противника районов. Для того чтобы не допустить роста жертв среди населения освобожденных районов, Краснодарский крайком ВКП(б) принял 18 октября 1943 г. постановление «Об очистке от минных полей территорий Крымского, Темрюкского, Варениковского, Верхнебаканского и Анапского районов», в соответствии с которым было принято решение по мобилизации всех имеющихся в крае специалистов-минеров. Кроме того, под контролем крайкома ВКП(б) находился процесс организации в районах особых групп из местного населения по разминированию [9]. Принятые меры позволили очистить территорию края от мин и других взрывчатых предметов.

Важным направлением деятельности органов внутренних дел была борьба с преступностью, характер которой в годы войны заметно изменился. Появились такие особо опасные преступления как дезертирство, мародерство, активизировались мошенники и фальшивомонетчики, последние особенно при подделке продовольственных карточек. Во время войны появились особые виды преступлений, с которыми вела борьбу милиция – распространение ложных слухов, пораженческих настроений и нарушение правил светомаскировки. Не исчезли преступления и правонарушения довоенного периода.

Оперативность в принятии решений территориальными органами НКВД в военные годы, четко налаженное взаимодействие с районными и городскими властями позволили не допустить разгула преступности и бандитизма на территории Краснодарского края в годы войны.

Таким образом, осуществленный местными партийно-государственными и военными органами комплекс мероприятий способствовал укреплению обороноспособности на территории Краснодарского края. В период военных действий и оккупации большое значение в борьбе с врагом имели истребительные отряды и партизанские соединения, которые оказывали Красной Армии существенную помощь в достижении победы.

Примечания

1. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. В 2 ч. Ч. 2 : С 1917 года до конца XX века. Краснодар, 2011. С. 152.
2. Документы отваги и героизма. Краснодар, 1965. С. 26.
3. Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 589-590.

4. Там же. С. 591.
5. Там же. С. 592.
6. Там же. С. 612.
7. Там же. С. 610.
8. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. В 2 ч. Ч. 2 : С 1917 года до конца XX века. Краснодар, 2011. С. 153.
9. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: рассекреченные документы. Хроника событий : в 3-х кн. Краснодар : Сов. Кубань, 2000. Кн. 2. Ч. 1. 1943 г. Краснодар, 2003. С. 101.

A.V. Surguchov

THE CONSTRUCTION OF FORTIFICATIONS AND THE REAR GUARD ON THE TERRITORY OF KRASNODAR REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article discusses the activities of the party and state bodies and population of the region to strengthen the rear. Provides information on the organization of the defence construction, the directions and results of work of the state and military authorities to protect the rear and to maintain public order on the territory of Krasnodar region during the war.

Keywords: Great Patriotic war, Krasnodar Krai, mobilization, military construction, air defense, fighter battalions.

P.P. Готова

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ ТОВАРАМИ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассмотрены вопросы послевоенного восстановления экономики СССР, особое внимание уделяется проблеме дефицита товаров широкого потребления и деятельности государства и краевых властей по обеспечению населения Кубани товарами предприятий группы «А».

Ключевые слова: товары широкого потребления, потребительская кооперация, развитие промышленности, обеспечение населения, Краснодарский край.

Восстановление экономики Краснодарского края началось еще до окончания Великой Отечественной войны. К концу февраля 1943 года большая часть Кубани была освобождена от фашистов, и органами исполнительной власти было принято решение о необходимости проведения работ по восстановлению разрушенной экономики. Основное внимание уделялось предприятиям тяжелой промышленности, тогда как предприятия легкой и пищевой промышленности финансировались по остаточному принципу. Ввиду этого, объемы выпуска товаров широкого потребления росли медленно и не могли даже в минимальных размерах удовлетворить потребительский спрос населения.

Первые послевоенные годы были наполнены для советского человека острым дефицитом всего необходимого, хлебными карточками, руинами, бездомными. Ведь материальные потери СССР были велики: разрушены 1 710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, уничтожено 30 % национального богатства страны. Ущерб, нанесенный войной, составил 2 трлн 169 млрд руб. [1]. Несмотря на все тяготы, люди воспринимали это как закономерность послевоенного времени. Героизм военных лет сменился эмоциональным подъемом и энтузиазмом восстановительного периода.

В стране и отдельных ее регионах существовал острый дефицит товаров широкого потребления, ордерная система получения этих предметов быта существовала до декабря

1947 г. По сложившейся традиции, цены в сельской местности на промышленные товары были выше, чем в городе. Так, женское шерстяное платье стоило 510 руб. в городе и 560 руб. на селе, цена пары мужских ботинок колебалась от 260 до 288 руб., а мужской костюм стоил в городе 1 400 руб. (несколько средних зарплат) и 1 500 руб. на селе [2]. Вместе с отменой карточек была проведена денежная реформа. Однако она была выгодна лишь для тех, кто хранил свои деньги в сберкассах, многие же остальные потеряли свои накопления при неравном обмене. Такая мера была направлена правительством на предотвращение массовой скупки товаров [3]. Произошли изменения в стоимости продуктов питания, некоторые из них стали по цене выше, чем до отмены карточек.

Ю.М. Лотман вспоминал: «Я вернулся в университет в солдатской шинели и немецких сапогах. Они отличались тем, что голенище их было в форме усеченного конуса, расширявшегося кверху (немецкие солдаты запихивали туда магазины автоматов), я со своими тонкими ногами выглядел значительно менее героически, чем мне тогда казалось. Носил я их не из шика, а оттого, что из своей довоенной одежды и обуви я безнадежно вырос. Поэтому весь первый послевоенный год я проходил в военной форме, моя гимнастерка, обвешанная двумя орденами и восемью медалями, выглядела смешно. Но вопрос «как это выглядит?» ни меня, никого другого тогда не интересовал – мы были выше этой пошлости. Студентки, которые вернулись из армии, тоже ходили на лекции в кирзовых сапогах и военной форме» [4].

Обеспечение одеждой, обувью и другими товарами группы «А» в послевоенные годы находилось на крайне низком уровне. Чаще всего, носили военную форму, перешивали старое, перелицовывали, комбинировали. В конце 40-х – начале 50-х годов типичной одеждой была самодельная куртка на молнии – «москвичка», сшитая из двух кусков подходящих по фактуре и цвету ткани, обычно с «кокеткой» и накладными карманами. Современники называли ее «тотальной униформой для молодых людей». Ее носили студенты и школьники старших классов до введения обязательной школьной формы в 1954 г. Для того, чтобы перешивать одежду, советские граждане старались приобрести швейные машинки, особенно имели распространение, привезенные из Германии «зингеры».

В 1945 г. Госплан СССР подготовил четвертый пятилетний план развития народного хозяйства на 1946–1950 гг., предусматривавший полное восстановление экономики территорий, находившихся в оккупации. Планом предполагалось увеличить (по сравнению с 1940 г.) выпуск различных видов сельскохозяйственной продукции на 27 %; промышленной продукции – на 48 %, а в освобожденных районах – на 15 % [5].

В послевоенные годы начали решаться проблемы обеспечения людей предметами первой бытовой необходимости. Промышленность, работавшая несколько лет на войну, постепенно перестраивалась на производство таких товаров. Городские власти кубанских городов, как и по всей стране, принимали меры по устройству жилья и быта горожан, а некоторые оборонные предприятия получили специальное задание по выпуску для населения газовых плит, металлических кроватей, радиоприемников, радиол, мясорубок, детских велосипедов и разной посуды.

С восстановлением экономики, особое внимание уделялось показателям благосостояния семей советских граждан. Серийный выпуск бытовых холодильников «ЗИЛ» начался в 1949 г., но развитие холодильной промышленности сильно запаздывало и не соответствовало спросу. И лишь к началу 60-х годов производились три марки холодильников – «ЗИЛ», «Саратов», «Ленинград». Первый был самым дорогим и самым престижным, но в малогабаритные квартиры хорошо вписывались компактные и относительно недорогие «Ленинград» и «Саратов» [6].

Кроме того, для обеспечения населения СССР автомобилями, был налажен выпуск новых «ГАЗ М-20» (Победа) с 1946 г. и «Москвич» с 1947 г. «Победа», оснащенная радиоприемником

и отоплением, была доступна очень немногим, ее использовали для таксомоторного сообщения. Выпуск «Москвича 400» был поставлен «на поток», хотя стоил около 9 тыс. руб., а уже через год его стали экспортировать в страны народной демократии.

Вышеописанные тенденции социального развития страны были свойственны и Кубани. Довоенный уровень промышленного производства в Краснодарском крае был достигнут только к 1950 г. Лидерами в промышленном производстве остались традиционные отрасли – предприятия товаров группы «Б» (машиностроение, оборонная промышленность). Кроме того, период с конца 1940-х годов ознаменовался не только восстановлением разрушенных, но и строительством новых фабрик и заводов. Всего до середины 1950-х гг. на Кубани вступило в строй 70 индустриальных объектов. Выпуск валовой продукции промышленности увеличился в 2,7 раза.

Несмотря на предпринимаемые меры по обеспечению населения товарами широкого потребления, в промышленности края, как и в стране в целом, наблюдался характерный перекося в сторону развития предприятий по выпуску товаров тяжелой промышленности. Легкая и пищевая промышленность была восстановлена лишь на 70-80 процентов. Ниже довоенного уровня оставалось производство продуктов питания, а также обуви и одежды. Непростая ситуация сложилась и с жильем в первые годы после завершения войны. Люди продолжали жить в землянках, подвалах, сараях, полуразрушенных зданиях, часами стоять в очередях у магазинов, пешком добираться до работы, а дети – заниматься в три смены в школах [7].

В Краснодаре за 1943-1945 гг. было восстановлено 22 тыс. кв. м жилья. Однако после окончания войны, демобилизации армии, возвращения эвакуированных в тыл и мобилизованных на производство в восточные районы страны жителей Кубани нехватка жилья стала ощущаться особенно остро. Правительство и местные органы власти выделяли ссуды на строительство индивидуального жилья, однако этих ассигнований явно не хватало [8].

В 1946 году был утвержден генеральный план реконструкции Армавира. Послевоенные десятилетия стали эпохой стремительного промышленного роста. В 1953-м был пущен в эксплуатацию первый в Советском Союзе завод испытательных машин. Вступили в строй электротехнический завод, приборостроительный завод, завод тяжелого весоизмерения, завод железнодорожного машиностроения, масложировой комбинат, завод резинотехнических изделий, колодочная фабрика, мебельная и обувная фабрики, стекольный завод, трубокерамический завод, швейная фабрика, фабрика головных уборов, нетканых материалов, музыкальных инструментов, мясоконсервный комбинат, молочный комбинат, табачная и макаронная фабрики, мелькомбинат, кирпичный завод, завод железобетонных изделий, домостроительный завод. В 1959-м году была сдана в эксплуатацию городская ТЭЦ [9].

Для налаживания мирной и благополучной жизни необходимо было восстанавливать разрушенное войной и строить новые здания социальной сферы: жилые дома, больницы, музей, школы, магазины и много другое. Процесс восстановления растянулся в целом до конца 1950-х годов. После освобождения Кубани и по окончании войны было восстановлено 192 библиотеки, 510 изб-читален, 486 клубов, 56 домов культуры, 6 музеев [10].

К середине 1950-х годов административно-командные формы и методы стали тормозить дальнейшее восстановление экономики, ощущалась необходимость реформирования системы управления, финансирования экономики, социальной сферы. В целом, меры нового партийного руководства, а именно: кадровая революция, социальная политика на селе, возврат к принципам материальной заинтересованности и хозяйственной самостоятельности в колхозах и совхозах, отказ от карательных мер во внутренней политике – повлекли за собой рост инициативы на местах. Все эти меры, повлекшие экономический рост государства были связаны с процессами, изменившими атмосферу внутри страны.

Примечания

1. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М., 1999. С. 4-5.
2. Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История советской России. М. : Лань, 2001.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов : В 4 т. М., 1958. Т. 3 : 1946-1952 гг. С. 254.
4. Лотман Ю. М. Воспоминание души. СПб., 2005. С. 13.
5. Евсеева Е. Н. СССР в 1945-1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. № 6. С. 45.
6. Орлов И. Б. Советский сервис: сущностные характеристики и границы отрасли // Наука – сервису (VIII-XI) : Сборник избранных докладов международных научно-практических конференций. М., 2007. Вып. «Гуманитарный сервис». С. 416-431.
7. Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 26-27.
8. Абушкевич Г. В. Кубань за 50 советских лет. Краснодар : Краснодарское книжное издательство. 1967. С. 247.
9. Там же. С. 289.
10. Там же. С. 299.

R.R. Gotova

THE PROBLEM OF PROVIDING THE POPULATION OF THE KUBAN WITH CONSUMER GOODS IN THE POST-WAR PERIOD

The article deals with questions of post-war economic recovery of the USSR, special attention is paid to the problem of consumer goods shortage and activities of the state and regional authorities to provide the population of the Kuban with the enterprises goods of group "A".

Keywords: consumer goods, consumer cooperation, development of industry, population provision, Krasnodar Territory.

А.Н. Ильенко

СПЕЦИФИКА РОЛИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В СОСТАВЕ КРАСНОЙ АРМИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье рассмотрен опыт использования боевых казачьих традиций в годы Великой Отечественной войны. Затронута специфика привлечения казаков в ряды Красной армии, участие кавалерийских казачьих частей в сражениях на Кавказском фронте.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кавказ, казачество, кавалерия, Красная армия.

С нападением немецких оккупантов, в казачьих районах в срочном порядке началось формирование кавалерийских дивизий. Основная ответственность по формированию кавалерийских дивизий в Северо-Кавказском военном округе легла на Кубань. В июле-августе 1941 года были сформированы из казаков призывного возраста девять кавалерийских дивизий. Без дополнительной подготовки в короткие сроки и при минимальных затратах сил и средств поставлялись на фронт хорошо подготовленные соединения. Хотя в полном смысле слова казачьих воинских формирований не существовало. Казаки воевали в рядах мотострелковых, танковых, артиллерийских и других соединений, но особенно отличились в кавалерийских частях Красной Армии. Еще до Великой Отечественной войны в бывших

казачьих регионах создавались территориальные кавалерийские формирования, в которых казаки составляли от 60 до 85 % личного состава. Этот опыт оказался полезным в годы войны [1].

Уже к лету 1941 года было принято решение об увеличении числа кавалерийских дивизий в армии. Кавалерийские корпуса объединялись в дивизии. Формирование кавалерийских соединений было сопряжено с рядом трудностей и проблем, присущих этому роду войск. Кроме обычного снаряжения требовалось снабдить бойцов лошадьми с упряжью и сёдлами. За счёт местных средств производилась экипировка.

В Краснодарском крайкоме ВКП(б) 19 июля 1941 года было принято решение об организации кавалерийских казачьих сотен с целью оказания помощи истребительным батальонам по борьбе с возможными парашютными десантами противника. Колхозники зачислялись в казачьи сотни без ограничения возраста, умевшие управлять конём и владеть огнестрельным и холодным оружием. На Кубани каждый район сформировал сотню добровольцев, из них 75 % были участниками гражданской войны. Каждого казака судьба в период войны оказалась весьма сложной. В начальный период войны Кавалерийские части, создаваемые для увеличения подвижности и манёвренности стрелковых и танковых соединений, использовались в качестве самостоятельных боевых единиц [2].

В июле-августе на всем Северном Кавказе сформировали и отправили в действующую армию семнадцать кавалерийских дивизий, более 50 тысяч людей призывного возраста. В октябре началось формирование трёх добровольческих кубанских кавалерийских дивизий, которые составили основу 17-го кавалерийского корпуса. До конца 1941 года на Дону, Кубани, Тереке и в Ставрополье было образовано около 30 новых кавалерийских дивизий [3].

В 1942 году произошло сокращение кавалерийских соединений и корпусов, 15 дивизий были расформированы. Весной 1943 года командующий кавалерией Красной Армии С.М. Будённый провёл совещание командиров кавалерийских корпусов. На совещании были подведены итоги участия кавалерийских соединений в операциях армий и фронтов, были разработаны стратегии их использования в предстоящем наступлении Красной Армии.

Вместе с тем, немецко-фашистские захватчики пытались использовать казаков в своих целях. Летом 1942 года немецкие дивизии вышли к Волге и Северному Кавказу. Германское командование рассчитывало на помощь казачества в обеспечении «нового порядка» на оккупированных территориях [4]. Немцы сформировали Главное управление казачьих войск с функциями «Временного казачьего правительства за границей». Тогда же в соответствии с декларацией правительства Германии «Казачьему стану» были предоставлены земли сначала на Украине, а за тем в Западной Белоруссии [5].

Однако надежды фашистов на широкую поддержку казачества не оправдались. Большинство казаков встало на защиту своей Родины. В 1942 году казачьи кавалерийские части сражались в кровопролитных Ржевско-Вяземской и Харьковской наступательных операциях. Доблестно сражались 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус (генерал-лейтенант Н.Я. Кириченко) в Битве за Кавказ, в ходе напряженных оборонительных боёв на Кубани и в Ставрополье, и 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус (генерал-майор А.Г. Селиванов). Эти корпуса были составлены в основном из казаков-добровольцев.

Сотни свели в полки в ноябре 1941 года, а из полков составили кубанские казачьи кавалерийские дивизии, составившие основу 17-го кавалерийского корпуса, который был включен в кадровый состав РККА 4 января 1942 года. Вновь созданные соединения стали именоваться 10-й, 12-й и 13-й кавалерийскими дивизиями. В апреле 1942 года корпус вошел в подчинение командующего Северо-Кавказского фронта. В мае 1942 года по приказу

Ставки ВГК в 17-й кавалерийский корпус были влиты 15 (полковник С.И. Горшков) и 116 (Я.С. Шарабурно) донские казачьи дивизии. В июле 1942 года командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Кириченко Николай Яковлевич [6].

О подвигах казаков 17-го кавалерийского корпуса сообщали пресса и радио. В сводках с фронтов их действия ставились в пример другим. В ходе боев с немецко-фашистскими захватчиками казачьи соединения корпуса отходили с занимаемых позиций только по приказу. В августе 1942 года немецкое командование с целью прорыва нашей обороны в районе станицы Кушевская Краснодарского Края сосредоточило: две группы СС, одну горно-пехотную дивизию, большое количество танков, артиллерии и минометов. За этот и за последующие активные оборонительные бои на Северном Кавказе корпус был преобразован в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. В боях под Кушевской особенно отличилась донская казачья сотня из станицы Берёзовской под командованием старшего лейтенанта К.И. Недорубова. 2 августа 1942 года в рукопашной схватке сотня уничтожила свыше 200 солдат противника, из которых 70 было уничтожено лично К.И. Недорубовым, получившим звание Героя Советского Союза [7].

В сентябре 1942 года две кубанские дивизии корпуса по приказу вышестоящего командования из района Туапсе по железной дороге через Грузию и Азербайджан были переброшены в район Гудермес–Шелковская с целью остановить продвижение немцев в Закавказье. В результате тяжёлых оборонительных боёв эта задача была выполнена. В ноябре 1942 года в ходе Сталинградской битвы казачья кавалерия сражалась в конном строю (4-й кавалерийский корпус РККА, под командованием генерал-лейтенанта Т.Т. Шапкина). После Сталинградской битвы привлечение казаков к боевым операциям пошло на спад [8].

Кроме кавалерийских казачьих частей из кубанских и терских казаков формировались и так называемые «пластунские» соединения. Пластун – это казак-пехотинец. Первоначально пластунами называли лучших казаков из тех, что выполняли ряд специфических функций в бою (разведка, снайперский огонь, штурмовые действия), не характерных для использования в конном строю. Казаки-пластуны, как правило, перебрасывались к месту боев на пароконных бричках, чем обеспечивалась высокая мобильность пеших частей. К тому же определенные воинские традиции, а также спаянность казачьих соединений обеспечивали последним лучшую боевую и морально-психологическую подготовку. По инициативе И.В. Сталина началось формирование пластунской казачьей дивизии. 9-я горно-стрелковая дивизия, сформированная ранее из кубанских казаков, преобразовывалась в казачью [9].

Дивизия теперь была настолько насыщена средствами тяги, что могла самостоятельно совершать комбинированные марши по 100-150 километров в сутки. Численность личного состава увеличилась более чем в полтора раза и достигла 14,5 тыс. человек. Весной 1945 года 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса освобождали Чехословакию и громили Пражскую группировку врага. 5-й Донской кавалерийский корпус вступил в Австрию и дошел до Вены. 1, 2, 3 и 7-й кавалерийского корпуса участвовали в Берлинской операции. На конец войны в РККА имелось 7 гвардейских кавалерийских корпусов и 1 «простой» кавалерийский корпус.

Два из них были казачьими: 4-й гвардейский кавалерийский Кубанский казачий корпус и 5-й гвардейский кавалерийский Донской казачий корпус. Сотни тысяч казаков героически сражались не только в кавалерии, но и во многих пехотных, артиллерийских и танковых частях, в партизанских отрядах. Все они внесли свой вклад в Победу. За совершённые подвиги и героизм, проявленные в боях с врагом многие тысячи казаков были награждены боевыми орденами и медалями, а 262 казака стали Героями Советского Союза,

7 кавалерийских корпусов и 17 кавалерийских дивизий получили гвардейские звания. Только в 5-м Донском гвардейском кавалерийском корпусе высоких правительственных наград были удостоены более 32 тысяч бойцов и командиров [10].

После войны Сталин приказал маршалу С.М. Буденному приступить к расформированию кавалерийских соединений, т. к. кавалерия как род Вооруженных сил упразднялась. Главной причиной этого Верховный Главнокомандующий назвал острую необходимость народного хозяйства в тягловой силе. В октябре 1954 года 5-я гвардейская казачья кавалерийская дивизия Директивой Генерального штаба ВС СССР была переформирована в 18-ю гвардейскую тяжёлую танковую дивизию. Приказом Министра обороны СССР от 11 января 1965 года 18-я гв. ттд была переименована в 5-ю гв. тд. В сентябре 1955 года 4-я гв. кд СКВО была расформирована. На территории военных городков расформированной 4-й гвардейской кавалерийской дивизии было сформировано Ставропольское радиотехническое училище Войск ПВО страны [11].

Таким образом, казачество внесло значительный вклад в победу. Действующие на фронтах Великой Отечественной войны казачьи кавалерийские дивизии внесли существенный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков. Кубанское казачество также принимало активное участие в борьбе с врагом в других воинских соединениях, приближая Великую Победу.

Примечания

1. Русские без отечества : очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000. С. 129.
2. Воскобойников Г. Л. Казачество и кавалерия в Великой Отечественной войне. М., 1993. С. 13.
3. Всероссийская Книга памяти. 1941–1945 : обзорный том. М., 1995. С. 161.
4. Русские без отечества : очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000. С. 247-248.
5. Свет мужества: документы и судьбы. Вып. 1. Хабаровск, 1995. С. 235.
6. Огарев П., Самошенко В. Воспоминания участников Сталинградской битвы // Военно-исторический журнал. 1969. № 3. С. 25.
7. Всероссийская Книга памяти. 1941–1945 : обзорный том. М., 1995. С. 45.
8. Огарев П., Самошенко В. Указ. соч. С. 26.
9. Гордеев А. А. История казачества. М., 2006. С. 118.
10. Свет мужества: документы и судьбы. Вып. 1. Хабаровск, 1995. С. 28.
11. Рыжкова Н. В. Донское казачество в войнах начала XX века, 2008; Плиев И. А. Дорогами войны. М., 1985. С. 34-44.

A.N. Ilienko

THE SPECIFICITY OF THE ROLE OF THE CUBAN COSSACKS IN THE COMPOSITION OF THE RED ARMY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the experience of using Cossack fighting traditions during the Great Patriotic War. The specificity of attracting Cossacks to the ranks of the Red Army, participation of cavalry Cossack units in battles on the Caucasian front was touched upon.

Keywords: Great Patriotic War, Caucasus, Cossacks, cavalry, Red Army.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА КУБАНИ В 1953-1964 гг.

В статье рассматривается развитие сельского хозяйства на Кубани в условиях осуществляемых под руководством Н.С. Хрущевым реформ и попыток совершенствования организации сельскохозяйственного производства. Показаны положительные и отрицательные стороны этого процесса, достигнутые результаты в сфере зерноводства и животноводства Кубани.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, зерноводство, животноводство, Кубань.

Развитие сельского хозяйства на Кубани в 1950-е гг. определялось, прежде всего, преодолением последствий Великой Отечественной войны, а также проводимой сталинским руководством аграрной политики. Суть ее заключалась в том, что государство диктовало колхозам свою волю в установлении закупочных цен, которые не могли покрыть даже себестоимость производства сельхозпродукции. Это обстоятельство, наряду с использованием колхозников в качестве дешевой рабочей силы на других, не связанных с сельским хозяйством работах, обрекало деревню на полуголодное существование. К этому можно прибавить фактически бесправное положение колхозников в советском обществе, ввиду отсутствия у них паспортов и возможности использовать социальную помощь со стороны государства.

После смерти Сталина новое руководство КПСС предприняло ряд мер по укреплению сельского хозяйства и повышению материального уровня жизни колхозников. На развитие сельского хозяйства были направлены существенные государственные средства, в отношении колхозов были снижены налоги и нормы обязательных поставок, повышены закупочные и заготовительные цены на сельхозпродукцию. В результате применения этих мер, с каждым годом увеличивались доходы колхозов и колхозников, в том числе происходил рост поголовья скота. С 1956 г. по начало 1959 г. количество коров в личных подсобных хозяйствах колхозников Кубани увеличилось с 165 тыс. до 202,8 тыс. голов, а свиней с 509,6 тыс. до 1 326,9 тыс. голов [1].

С другой стороны, в формировании и проведении аграрной политики в рассматриваемый период проявлялось свойственное Хрущеву социальное прожектерство, не основанное на научном анализе и оценке реальных возможностей осуществления поставленных задач. Ярким примером является знаменитое соревнование Кубани с американским штатом Айова, развернувшееся в эти годы. По поводу его первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Д.С. Полянский даже имел на Пленуме 1957 г. стычку с Л. Кагановичем, сомневающимся в способности «жемчужины России» догнать и перегнать заокеанского соперника. Подобного рода программы, не имеющие под собой серьезной научной и материально-технической базы, сопровождающиеся идеологическими кампаниями под лозунгами: «Догоним и перегоним Айову!», «Превратим Тамань в Советскую Шампань!», подрывали авторитет власти [2].

К числу известных новаций Н.С. Хрущева относится повсеместное сеяние кукурузы, с помощью чего пытались решить кормовую проблему и, соответственно, повысить продуктивность животноводства. Реализация этой задачи на Кубани имела противоречивые результаты. С одной стороны, благоприятные природно-климатические условия создавали здесь возможности для получения высоких урожаев кукурузы, что способствовало увеличению заготовок кормов.

Так, на всю страну прославились Герой Социалистического Труда В.Я. Первицкий и его механизированное звено, работающее на полях Кубанского научно-исследовательского

института испытания тракторов и сельскохозяйственных машин. Без применения ручного труда на площади 160 гектаров небольшой коллектив получил по 63 центнера зерна кукурузы с гектара. Шесть механизаторов звена Героя Социалистического Труда В.А. Светличного, работающих там же, также без применения ручного труда вырастили по 434 центнера свеклы с каждого из закрепленных за ними 150 гектаров [3].

В 1961 г. механизаторы звена, подсчитав свои резервы, выявленные в 1960 г., решили возделывать кукурузу на площади 600 га: из них 40 га подсолнечника и 560 га кукурузы на силос и зерно. В выполнении такого значительного объема работы решающее значение имели: новая усовершенствованная технология, более совершенная скоростная сельскохозяйственная техника, прогрессивные организационные мероприятия и применение новой формы оплаты труда. Все полевые работы в звене были проведены в установленные агротехнические сроки с высоким качеством в точном соответствии с применяемой технологической картой [4]. Применяемые В.Я. Первицким приемы и методы труда стали широко распространяться по стране, приобретая все новых последователей. С целью популяризации этого опыта 10 августа 1962 г. в Кубанском научно-исследовательском институте испытания тракторов и сельхозмашин прошел день открытых дверей, на котором демонстрировались передовые методы возделывания кукурузы [5].

С другой стороны, для посевов кукурузы стало отводиться неоправданно много посевных площадей, что отразилось на сокращении главной зерновой культуры Кубани – пшеницы. Следует отметить, что в это время находились авторитетные ученые, не боявшиеся возражать высшему руководству страны. Так, на одном из совещаний в Краснодаре, на котором присутствовал пропагандист кукурузы Н.С. Хрущев, академик П.П. Лукьяненко при мертвой тишине зала резко возражал против неоправданного увеличения ее посевов на Кубани, мотивируя тем, что пшеница дает здесь лучшие и более устойчивые урожаи. Н.С. Хрущев горячился, но по существу не мог ничего возразить «хлебному академику» с мировым именем [6].

Во второй половине 1950-х гг. краевое руководство успешно решило большую для региона «хлопковую проблему». Под давлением И.В. Сталина с 1940-х годов на Кубани началось широкое внедрение культуры хлопка, под посевами которого к 1952 г. было занято 165 тыс. гектаров. Поскольку климатические условия Краснодарского края не позволяли хлопчатнику вызревать, то добиться каких-либо урожаев, не говоря уж устойчивых, было практически невозможно. Естественно, что выращивающие хлопок хозяйства несли огромные убытки. С весны 1953 г. крайисполком стал активно добиваться у Москвы сокращения посевов хлопка. Первоначально краевым властям разрешили не расширять существующие посевные площади, затем – сократить некоторые новые хлопковые плантации. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, краевое руководство более настойчиво стало требовать разрешения на отказ от посевов хлопка. Во второй половине 1950-х в хлопковый эксперимент на Кубани был прекращен окончательно [7].

Большое значение в сельском хозяйстве Кубани играло виноградарство. К 1954 г. были значительно расширены виноградные насаждения в северо-восточных районах края, повысилась агротехника виноградарства, увеличилась доходность колхозов и совхозов от виноградарства. Большая часть виноградников была расположена на побережье Черного и Азовского морей, а также в бассейне реки Кубани. Так, совхоз комбината шампанских вин «Абрау-Дюрсо» имел 1 037 га виноградников [8].

Благодаря напряженному труду колхозников и работников совхозов, деятельности ученых-аграрников и новаторов производства сельское хозяйство Кубани демонстрировало постоянный рост основных показателей. По итогам урожая 1962 г. колхозы и совхозы Краснодарского края сдали государству 151,6 млн пудов зерна, что было на 3,3 млн пудов больше, чем предусмотрено планом. Это было больше на 31,3 млн пудов, чем в 1961 г. [9].

Вместе с тем, стремление Хрущева к форсированному строительству коммунизма проявилось в необдуманных действиях по массовому преобразованию колхозов в совхозы, борьбу с личными подсобными хозяйствами колхозников. В результате этих действий в стране стали происходить перебои в поставках населению продовольствия. Вместе с обострением других социальных проблем это вызвало недовольство в обществе, привело к смещению Хрущева и началу важных экономических реформ середины 1960-х гг.

Примечания

1. Народное хозяйство Краснодарского края. Стат. сборник. Краснодар, 1965. С. 204-205.
2. История Кубани / под общ. ред. В. В. Касьянова, Н. С. Короткого. Краснодар : Книга, 2005. С. 261.
3. Там же. С. 263-264.
4. Из справки Кубанского научно-исследовательского института испытания тракторов и сельхозмашин о работе звеньев механизаторов В.Я. Первицкого и В.А. Светличного от 1961 г. // Хрестоматия по истории Кубани (1917-1967 гг.). Документы и материалы. Ч. 2. Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1982. С. 205.
5. Советская Кубань. 1962. 8 августа.
6. История Кубани. Краснодар, 2005. С. 262.
7. Там же. С. 262-263.
8. Из докладной записки статистического управления Краснодарского края в крайком КПСС и крайисполком о состоянии виноградарства в крае по итогам переписи виноградных насаждений в 1953 г. от 8 февраля 1954 г. // Хрестоматия по истории Кубани (1917-1967 гг.). С.190-191.
9. Советская Кубань. 1962. 2 ноября.

V.S. Aganesova

THE PROBLEM OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN KUBAN IN 1953-1964-s

This article deals with the development of agriculture in Kuban in conditions led by N.S. Khrushchev reforms and attempts to improve agricultural production. Showing positive and negative aspects of this process, the results achieved in the field of crop production and livestock of Kuban.

Key words: agriculture, farm policy, collective farms, grain growing, cattle breeding, Kuban.

М.А. Быкова

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

В статье характеризуется деятельность молодежных организаций, существовавших в период «оттепели» на территории СССР; основные пути взаимодействия советской молодежи со своими сверстниками из других стран. Рассматриваются молодежные фестивали, которые создавались в целях сплочения молодежи всего мира, воссоединения всех юношей и девушек для борьбы за счастливое будущее планеты. Выявляется влияние международного сотрудничества на дальнейшее развитие Советского Союза, формирование мировоззрения советской молодежи.

Ключевые слова: молодёжное движение, советская молодёжь, «оттепель», международное сотрудничество, фестиваль.

При анализе международного движения советской молодежи, необходимо учитывать характер внешней политики СССР в период «оттепели». Советский Союз находился в достаточно напряженной обстановке, по-прежнему основным противником оставались Соединенные Штаты Америки. В этой стране звучали лозунги о СССР как поработителе,

как агрессоре, создающем свою империю, как о стране, которая таит в себе угрозу для безопасности не только США, но и всех свободных стран мира. Но в опровержение этому, мы с уверенностью можем сказать, что наша страна такую не являлась, так как не имела в первую очередь метрополий и колоний. И даже наоборот была отягощена помощью другим странам. Многие изменил XX съезд КПСС, на котором был взят новый курс на либерализацию внешней политики. Данное решение несколько улучшило позиции СССР и наладило связи с другими странами мира [1].

Необходимо отметить, что основные тенденции по налаживанию связей между молодежью СССР и молодежью других стран, начали прослеживаться именно в данный период, т. е. в период «оттепели». Конечно, правительство по-прежнему не поощряло переезд наших граждан за границу, как и заключение брака с представителем другой страны. Но, тем не менее, некоторые шаги на законодательном уровне уже были сделаны. Например, в 1953 году был отменен закон о запрещении браков между советскими и иностранными гражданами. В то же время в 1958 году было принято постановление об исключении из состава ВЛКСМ граждан, выехавших на постоянное место жительства за границу, независимо от причины и сохранения гражданства СССР. Если же человеку приходилось вернуться, вопрос о его членстве в ВЛКСМ рассматривался в соответствии с Уставом ВЛКСМ. Международные отношения молодежи СССР жестко регламентировались ЦК ВЛКСМ. В случае выезда за границу разрешалось иметь при себе только паспорт, иметь с собой другие документы воспрещалось. Но сама возможность попасть за границу уже говорит о многом [2].

Следует отметить, что руководство СССР в данный период было заинтересовано в налаживании связей с другими странами, для достижения взаимовыгодного сотрудничества, а так же укрепления дружбы народов, в частности с представителями стран социалистического лагеря. Данные условия были необходимы для расширения сферы политического влияния Советского союза.

Какую же роль играли фестивали молодежи, и в каких целях они проводились? Нужно вспомнить, что уже после окончания Второй мировой войны Всемирная федерация демократической молодежи с Международным союзом студентов стали инициаторами проведения Всемирных фестивалей студентов и молодежи. Данное мероприятие было организовано в целях сплочения молодежи всего мира, воссоединения всех юношей и девушек для борьбы за счастливое будущее и процветания стран. Если говорить об участниках данных фестивалей, то их было множество. Это были организации различной направленности, в том числе были и коммунистические, религиозные, спортивные, профсоюзные. Так же участниками были организации студентов разных объединений в области культуры.

Самый первый фестиваль состоялся в Праге в 1947 году. В нем приняли участие представители 71 страны. Всего за период с 1947 года по 1965 год было проведено 8 фестивалей. Они проходили в таких странах как Берлин, Варшава, Бухарест, Вена, Хельсинки. Но более запоминающимся остался фестиваль в Москве, собравший наибольшее количество гостей из 131 страны, общее число делегатов составило 34 тыс. человек. Фестиваль должен был стать символом мира и дружбы молодежи всего мира. Для СССР в первую очередь необходимо было продемонстрировать мировой общественности свои достижения по восстановлению страны после разрухи, успехи в различных сферах деятельности. Показать устойчивость страны, её устремленность к строительству социализма [3].

Необходимо учитывать тот факт, что в период «оттепели» по-прежнему иностранец ассоциировался с врагом, шпионом. Данная позиция была ко всем приезжим, независимо из какой страны он прибыл в СССР. Даже к представителям стран соцлагеря относились с подозрением. И тут наступает время, когда в столице можно было увидеть людей из разных концов

планеты. Благодаря проведению фестиваля меняется обыденная жизнь страны, меняются города, что за собой ведет изменения в умах людей. В частности, в Москве, в Химках, появляется парк «Дружба», гостиница «Турист», Кремль, ранее охраняемый и закрытый для всех, открывается для посетителей. В Грановитой палате начали проводиться балы для молодежи. Так же благодаря данному фестивалю появляется Клуб веселых и находчивых [4].

Фестиваль состоял из различных мероприятий, за две недели их было проведено более восьмисот. Например, открытие Международного студенческого клуба, Международные выставки, разные концерты, конкурсы, встречи по обмену опытом и многое другое. Самым запоминающимся моментом фестиваля стал карнавал с масками и костюмами. Город пестрил разнообразием образов и красок.

В сложившихся условиях было принято решение ещё более расширить участие советской молодежи в движении за мир и дружбу. И в 1958 году было создано Бюро международного молодежного туризма «Спутник», которое занималось обменом делегаций различных стран, поддержанием деловых связей с этими государствами, организацией встреч с их представителями, различных конференций и др. В результате, довольно часто молодые жители республики стали выезжать за рубеж. Например, во Францию ездила группа передовиков и активных комсомольцев из Чувашии. Советские юноши и девушки вели себя за границей достаточно сковано, были сдержанны и дисциплинированы. После каждой такой поездки руководителем представлялся подробный отчет, в котором прописывались все действия каждого участника. Чтобы не потерять возможность выезда за границу, представители советской молодежи выполняли рекомендации ЦК ВЛКСМ [5].

Важной составной частью международного движения была помощь народам, которую так же осуществляли комсомольцы и молодежь СССР. В самых различных видах деятельности молодые люди оказывали свою поддержку, проводились субботники, трудовые вахты, оказывали помощь в строительстве предприятий, так же оказывалась поддержка национально-освободительным движениям и многое другое. В 1960-е годы советское руководство поддерживало развитие связей с молодежными, студенческими и детскими объединениями в различных странах мира в целях защиты интересов, прав, свобод детей и молодежи.

Участившиеся контакты с другими странами, посещение СССР представителями молодежи из других стран, стали одной из причин появления антикоммунистической литературы. Это в дальнейшем стало выливаться в возникновении зачатков радикализма и критического отношения к советской власти среди молодежи. Не смотря на это, советская молодежь в целом была сплоченной, морально устойчивой, целеустремленной общностью, которая руководствовалась общей идеей и работала ради общего блага и процветания своей страны.

Таким образом, в период «оттепели», несмотря на сложную внешнеполитическую ситуацию, молодежь СССР начинает вовлекаться в международные контакты со сверстниками из других стран, начинают создаваться различные молодежные организации, происходят изменения в законодательстве, активизируется обмен опытом на международном уровне. Появление таких возможностей культурного сотрудничества сыграло большую роль для развития молодежного движения в целом. Все эти изменения способствовали изменению мировоззрения молодежи СССР, во многом в сторону либерализации и свободомыслия.

Примечания

1. Соколова В. И. Международные связи молодежи СССР в годы хрущёвской «оттепели» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4(23). С. 186.

2. Ванин В. А., Слезин А. А. ВЛКСМ – шеф вечерней школы // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 1. С. 138.

3. Скробнев В. А., Ванин В. А. Фестивальное движение в российской провинции середины 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 6. Ч. 2. С. 154.

4. Скробнев В. А., Ванин В. А. Указ. соч. С. 155.

5. Привалов В. В. Интернациональные связи советской молодежи. Л., 1966. С. 30.

M.A.Bikova

INTERNATIONAL COOPERATION OF SOVIET YOUTH DURING THE "THAW"

This article considers the activities of youth organizations that existed in the period of "thaw" in the USSR; the main ways of interaction of the Soviet youth with their peers from other countries. Discusses youth festivals, which were created in order to unite young people around the world, the reunification of all boys and girls to fight for a happy future and prosperity of the countries. Was also revealed the role of international cooperation on the further development of the Soviet Union and the Outlook of all citizens.

Keywords: youth movement, youth of the Soviet Union, "thaw", international cooperation festival.

Д.Р. Чабанова

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается основная деятельность партийно-государственного руководства в сфере школьного образования. Излагаются задачи советской школы и процесс их реализации в Краснодарском крае. Раскрывается степень эффективности мероприятий советской власти в области просвещения и их отрицательные стороны.

Ключевые слова: система образования, образовательная политика, советская школа, оттепель, реформы, Краснодарский край.

Образование является важной сферой жизни общества. Система образования влияет на отдельные части социального организма и на развитие страны в целом, а также формирует ментальность общества, что в свою очередь, в значительной степени определяет эффективность процесса модернизации общества. В переломные моменты общественного развития широкую значимость приобретает взаимосвязь процесса модернизации общества с реформами образовательной системы.

Партийно-государственное руководство всегда тщательно выверяло политику в сфере образования. Изменения, происходившие в сфере образования, становились неотъемлемой частью значительного политического поворота во внутренней жизни страны, подтверждением чему служит реформа образования периода хрущёвской оттепели.

К началу 1950-х годов советская система образования развивалась в рамках сталинской модели. В этот период обнаружилась проблема советской системы образования, которая заключалась в том, что была вытеснена ее прикладная составляющая. По этой причине, выпускники школ были не подготовлены к практической деятельности, а выпускники вузов не имели представления о конкретной экономике и функционировании предприятий. Преподавание в школах шло отдельно от хозяйственных потребностей. Поэтому на XIX съезде КПСС в октябре 1952 года была обозначена новая государственная политика в сфере образования, целью которой являлось «приближение образования к потребностям народного хозяйства» [1]. Решение этой проблемы было найдено в соединении общеобразовательной подготовки школьников с производительным трудом, профессиональным обучением, что ложилось в русло господствовавшей марксистско-ленинской идеологии. Именно эта идея определила направление развития советского образования в хрущёвский период.

Реформирование образования в этом направлении выявило существенную проблему: школы были не способны готовить учащихся к производственной работе. Для решения этой проблемы предлагалось чаще устраивать экскурсии на предприятия, встречи с передовиками производства, а также высказывались идеи расширения сети заочных и вечерних отделений при вузах, для того, чтобы молодые люди, получившие среднее образование и рабочую квалификацию могли бы продолжить своё обучение [2].

Важной вехой реформирования советской системы образования в период «оттепели» стал XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. Съезд признал неэффективными и недостаточными шаги по политехнизации школы. Н.С. Хрущев упрекал правительство в отрыве обучения от жизни. Советская школа недостаточно гибко реагировала на быстрый прогресс науки и техники. Система управления школой практически не менялась за весь послевоенный период. Выпускники школ не были готовы к работе на заводах и в колхозах. Поэтому, отмечая текущие задачи образования по преодолению «отрыва обучения от жизни» Н.С. Хрущев отметил: «Надо перестроить учебную программу средней школы в сторону большей производительной специализации с тем, чтобы юноши и девушки, оканчивающие десятилетку, имели хорошее общее образование, открывающее путь к высшему, и, вместе с тем, были подготовлены к практической деятельности...» [3].

Инициатива власти по осуществлению школьной реформы, как это и соответствовало нормам советского государства, была официально не просто положительно, а «с большим удовлетворением» воспринята в обществе. В отличие от сталинского периода допускалась возможность выдвижения некоторых критических замечаний по поводу предполагаемых преобразований, однако, не затрагивавших реформу по существу [4].

Стоит отметить, что реформа образования активно обсуждалась и на уровне школ в форме различных учебно-методических конференций. Чтобы понять реакцию советских педагогов на образовательную реформу обратимся к материалам одной из таких конференций, проведённой в школе № 47 г. Краснодара на тему: «Урок основная форма учебно-воспитательного процесса в школе». «На советскую школу возложена в высшей степени ответственная задача – вооружить учащихся глубокими и прочными знаниями основ наук, привить школьникам любовь к упорному и плодотворному учению, выработать у них умения и навыки в применении знаний на практике. В свете решений XX съезда КПСС школа должна осуществлять политехническое обучение, знакомить учащихся с важнейшими отраслями современного промышленного и сельскохозяйственного производства, готовить к будущей практической деятельности, сформировать у них коммунистическое мировоззрение» [5].

В целом, развернувшаяся дискуссия в отношении реформирования образования выявила две основные позиции. Сторонники первой, полагали, что реформирование образования должно идти только по пути углубления в школах политехнической составляющей обучения. Их же оппоненты основывались на том, что необходимо практически приобщать учащихся к труду в колхозах и совхозах, на предприятиях и в школьных мастерских.

Некоторую ясность в характер проводимой реформы внес, принятый 24 декабря 1958 года сессией Верховного Совета СССР закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Согласно закону, средняя школа приобретала «политехнический профиль». После получения всеобщего обязательного восьмилетнего образования, молодёжь была обязана готовиться к труду и общественно-полезной деятельности. Закон предписывал включать молодёжь в общественно-полезный труд и «всё её дальнейшее обучение... связывать с производительным трудом в народном хозяйстве» [6].

Этот закон внёс существенные изменения не только в систему общего среднего, но и специального среднего образования. До реформы средние специальные учебные заведения, готовя специалистов средней квалификации на базе семилетней школы, не ставили

перед собой задачи повышения общеобразовательной подготовки своих воспитанников, поэтому общеобразовательные предметы в них изучались лишь в таком объёме, как это было необходимо для освоения той или иной специальности по профилю данного учебного заведения. Теперь же в учебных планах всех специальных средних учебных заведений, кроме общетехнических предметов и специальных дисциплин, большое место стали занимать общеобразовательные предметы. Кроме того, в целях осуществления в стране общего среднего образования, закон установил, что полное среднее образование будут давать не только общеобразовательные, но и специальные средние учебные заведения.

Проведение реформы образования столкнулось с рядом проблем, наиболее важными из которых являлись: во-первых, отсутствие соответствующей материально-технической базы у школ для реализации задач производственного обучения. Во-вторых, проблема кадрового обеспечения школ, особенно остро стояла проблема нехватки учителей осуществлявших производственное обучение.

Несмотря на то, что в период образовательной реформы Н.С. Хрущёва активно велось школьное строительство, материальная база школы, особенно в сельской местности, по-прежнему была очень слабой. Например, в 1965 г. 60 % школ Краснодарского края были построены до 1940 г. (в том числе 37 % до 1918 г., 23 % в 1918–1940 гг.). Как правило, они располагались в нескольких зданиях (вплоть до 16). А 78 школ находились в аварийном состоянии, угрожавшем «жизни и здоровью учащихся». Крайно прямо указывало: «Промедление с решением этого вопроса может привести к гибели учащихся». В целом обычным для всего периода оставались многосменность занятий, недостаток стандартной мебели и даже наличие в ряде школ керосинового освещения [7].

При такой материальной составляющей подавляющая часть школ не имела специально-оборудованных классов для проведения уроков «трудового воспитания». Для решения этой проблемы было решено установить более тесную связь школ с производством, то есть производственное обучение происходило на самих предприятиях или колхозах. Например, в постановлении ЦК ВЛКСМ от 9 декабря 1958 г. анализируется опыт работы Брюховецкого района по организации технической учёбы сельской молодёжи. В постановлении отмечалось, что «... в районе работает 51 учебная группа, где обучается 1 100 юношей и девушек колхозов. Кроме того, профессиями механизаторов овладевают около 600 учащихся старших классов средней школы, занимающихся на курсах. Созданных непосредственно в школах... В колхозе «заветы Ильича» учебные группы по изучению тракторов работают в 5 комплексных бригадах. Созданы также курсы по подготовке комбайнёров, электромехаников, шоферов и строителей. В колхозе имени Калинина 60 человек занимаются на курсах трактористов широкого профиля» [8].

Новшеством в сфере образования стало появление и распространение во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов нового типа учебного заведения – школ-интернатов. Важными предпосылками возникновения таких учебных заведений были политические убеждения партийно-государственного руководства и, прежде всего, самого Н.С. Хрущёва, считавшего, что «школы-интернаты – это важный механизм для построения коммунизма» [9]. Решение о создании школ-интернатов было принято ЦК КПСС и Советом Министров СССР в сентябре 1956 г. В Постановлении отмечалось, что «Основная задача школ-интернатов – подготовить развитых и образованных «строителей коммунизма» [10].

С позиций советско-партийного руководства школы-интернаты были эффективными учреждениями для воспитания «строителей нового общества», так как позволяли вырвать ребенка из «обывательской среды» и переместить его в идеальное учебно-воспитательное учреждение. В школы-интернаты предполагалось направлять детей из неполных семей, бедных и обездоленных ребят, сирот, а впоследствии планировалось отправить туда и остальную массу детей.

Школы-интернаты в своей работе использовали опыт существовавших в 1920–1930-е годы школ-коммун и педагогических станций Наркомпроса. В качестве преимуществ школ-интернатов советское руководство отмечало: «Школы-интернаты имеют все возможности эффективно осуществлять единство обучения и воспитания. Это находит свое отражение в тесной связи системы уроков и приготовления домашних заданий при разумном руководстве педагогов. Важным условием нормальной жизни школы-интерната является рациональный режим дня. Специфика школы-интерната состоит также в большем, чем в обычной школе, участии детей в организации школьной жизни. Здесь успешно организуются разнообразные виды общественно полезного труда воспитанников: самообслуживающий труд, производительный труд как в самой школе-интернате, так и вне её» [11].

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию школ-интернатов в 1959–1965 гг.», отмечалось, что школы-интернаты в кратчайшие сроки получили широкое признание учащихся. Их можно характеризовать как наиболее продуктивную форму воспитания и обучения «в условиях строительства коммунистического общества». Поэтому в постановлении ставилась задача довести количество учащихся этих учреждений к 1965 году до двух миллионов человек. Выполняя эту задачу, советско-партийные органы Краснодарского края смогли увеличить численность учащихся школ-интернатов с 5 тыс. (1959 г.) до 10,5 тыс. (1965 г.) [12].

Стоит отметить, что развитие школ-интернатов в действительности имело позитивные последствия, так как способствовало осуществлению всеобщего семилетнего обучения, расширяло возможности получения среднего образования для детей из населённых пунктов, в которых не было средних школ.

Наряду со школами-интернатами, в рамках перестройки образовательной системы в стране начали создаваться заочные школы и специальные образцовые школы. Закон, принятый Верховным Советом РСФСР в апреле 1959 г. «О перестройке системы образования в Российской Федерации» являлся основой для их формирования. Образцово-показательные школы стали «опорными школами», которые поддерживали высокий уровень и достойное качество образования. Образцовая школа создавалась в каждом районном центре. В этих школах сосредотачивались лучшие педагогические кадры и выделялись дополнительные ресурсы для поддержания прочной материально-технической базы.

В это же время в системе Министерства просвещения были основаны и другие типы специальных школ: санаторно-лесные, школы для детей с ослабленным здоровьем, и школы для детей с отклонениями в умственном и физическом развитии. Эти школы, кроме задач общего образования, имеют свои учебно-воспитательные и оздоровительные цели. В системе Министерства культуры РСФСР имелись специальные детские музыкальные и художественные школы.

Эффективность реализации реформы системы образования во многом зависела от учителя. Партийно-государственное руководство понимало, что учитель – основной и непосредственный исполнитель в образовательной системе. Престиж профессии учителя поддерживался на довольно высоком уровне. Задача педагогов заключалась в усилении политехнизации обучения. Декларировалась идея заботы государства об учителе, которая трактовалась как ленинская [13].

В целом, реформы, проведённые в системе образования, привели к тому, что был совершён шаг вперед по сравнению с предыдущим периодом. XXII съезд КПСС, состоявшийся в 1961 г. определил первостепенной задачей в сфере образования – осуществление по всей стране всеобщего обязательного среднего образования. Отечественная система образования смогла обеспечить полное среднее образование в крупных городах. Кроме того, была решена задача всеобщего неполного среднего (восьмилетнего) образования в Советском Союзе.

В целом, образовательные реформы 1954–1964 гг. имели противоречивый характер. Реформаторы, поднимая трудовую, политехническую и производственную составляющую школьного обучения часто упускали из виду научный компонент. Интеллектуальное развитие учащихся было принесено в жертву политехнизации школы. Школа не могла обеспечить основной источник пополнения предприятий квалифицированными кадрами. Заочные и вечерние формы среднего образования не привели к эффективным результатам. Общий уровень подготовки учащихся снизился. Идея соединить общеобразовательную подготовку школьников с производительным трудом, их профессиональным обучением показала свою нереалистичность, практическую нецелесообразность. Несмотря на это, в условиях полного партийно-государственного господства в сфере образования данный неудачный опыт школьной реформы через двадцать лет, в 1984 г., вновь был повторен и опять закончился неудачей.

Примечания

1. Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС [Электронный ресурс]. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html>.
2. Задачи советского образования // Народное образование. 1954. № 3. С. 10-11.
3. Хрущёв Н. С. Отчётный доклад ЦК КПСС // 20-й съезд КПСС (14-25 февраля 1956 года): Стенографический отчет. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#020.
4. Поздняков А. Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: Исторический опыт взаимоотношений в конце XIX – начале XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. С. 19.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 614. Л. 87.
6. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР : постановление Верховного Совета СССР от 24 декабря 1958 г. // Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917-1973. М., 1974. С. 55.
7. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп. 2. Д. 637. Л.Л. 24-28.
8. О работе Брюховецкой комсомольской организации по организации технической учебы сельской молодежи : постановление ЦК ВЛКСМ от 9 декабря 1958 г. // Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ (1918-1976 гг.). Краснодар, 1978. С. 163.
9. Пыжиков А. В. Реформирование системы образования СССР в период оттепели (1953-1964 гг.) // Вопросы истории. 2004. С. 4.
10. О создании школ-интернатов : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (сентябрь 1956 г.) // Народное образование в РСФСР / под ред. М. П. Кашина и Е. М. Чехарина. М., 1969. С. 175.
11. Шабрина А. В. Становление школ-интернатов в Южноуральском регионе в середине 1950 – начале 1960-х годов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-shkol-internatov-v-yuzhnouralskom-regione-v-seredine-1950nachale-1960-h-godov>.
12. Масюков Н. А. Политика государства и изменение образовательной среды кубанской станицы в 1953-1960-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-gosudarstva-i-izmenenie-obrazovatelnoy-sredy-kubanskoy-stanitsy-v-1953-1960-e-gg>.
13. Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 5.

D.R. Chabanova

STATE EDUCATION POLICY PRIORITIES DURING THE "THAW" IN THE EXAMPLE OF KRASNODAR REGION

The article describes the main activities of the party and State leadership in the field of school education. Sets out the tasks of the Soviet school, and the process of their implementation in Krasnodar Krai. Reveals the degree of effectiveness of the Soviet power in the field of education and their negative sides.

Keywords: education, educational policy, the Soviet school, thaw, reform, Krasnodar Krai.

Т.Н. Ивченко

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СССР И ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В статье содержится информация о развитии системы образования СССР в послевоенное время. В ней отражены основные тенденции развития образования, трудности, с которыми сталкивалось советское руководство и общество в восстановительный период, изменения в системе образования, перспективы развития образования в городе и на селе.

Ключевые слова: советское общество, система образования, среднее образование, советская школа.

В послевоенный период начинается новый этап развития советской системы народного образования. В рамках первого послевоенного пятилетнего плана основной задачей было восстановление страны. В первую очередь, это касалось промышленности, но и сфере образования также было уделено значительное внимание.

По окончании войны главными задачами в области просвещения были восстановление и укрепление общеобразовательных школ в городах и районах, освобожденных от оккупации, введение всеобщего обучения детей во всей стране, Предусматривалось строительство и восстановление школьных зданий, расширение сети школ и увеличение числа обучающихся в них. Несмотря на ограниченные возможности финансирования социальной сферы, уже в 1950 году работало свыше 220 тысяч школ. Школьное строительство на селе осуществлялось по инициативе и на средства колхозов.

В этот период построены новые школьные здания, восстановлены библиотечные фонды, учебные кабинеты и внешкольные учреждения. Усиливается интерес к методике преподавания, были усовершенствованы содержание и методы работы средних и высших учебных заведений. Другой тенденцией послевоенного периода являлось усиление контроля за школой со стороны государства и партийных органов.

В целом интерес к образованию возрастал. Планы перестройки народного хозяйства предполагали развитие высшего и среднего специального образования, преимущество школьного и профессионального образования, так как страна остро нуждалась в кадрах. Еще в 1944 году было установлено обязательное семилетнее обучение. К концу 1940-х годов наметилась тенденция к переходу на десятилетнее обучение. Полная средняя школа была десятилетней, в нее принимались дети с семилетнего возраста. XIX съезд КПСС (1952 год) принял решение о завершении перехода на всеобщее среднее образование в крупных промышленных и культурных центрах СССР.

В городах сеть десятилетних школ расширялась, но в сельской местности этот процесс проходил сложнее: полных средних школ было мало, поэтому преобладали семилетние малокомплектные школы. Выпускники этих школ не могли продолжать образование, ведь сельские жители не имели паспортов и права покидать колхозы. Такое положение изменится лишь в 1961 году.

В 1950-е годы в связи с ростом производства остро ощущалась нехватка рабочей силы. Одной из основных образовательных задач было связать школу с потребностями производства. В 1958 г. был принят Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Утверждалось обязательное всеобщее восьмилетнее образование, срок обучения в полной средней школе был увеличен до 11 лет, вводилась обязательная производственная подготовка, было восстановлено совместное обучение мальчиков и девочек. В старших классах осуществлялась профессиональная подготовка, выбор рабочей специальности. Расширяется сеть школ, дающих

молодёжи среднее образование без отрыва от производства. Переход к 11-летней школе осуществлялся пять лет, но не дал особых положительных результатов, что заставило вернуться к 10-летнему сроку обучения [1].

В 1960-е годы планировался переход на всеобщее обязательное среднее образование, поэтому начальные и восьмилетние школы дополнялись старшими классами. Перспективы развития народного просвещения наметил XXII съезд КПСС в 1961 году, в новой Программе партии. Задачи научно-технического рывка СССР повышали интерес к научным знаниям. С 1966 года во всех учебных дисциплинах вводятся знания о применении достижений науки в производстве.

Однако рост числа полных десятилетних средних школ, расширение среднего образования требовали увеличения финансирования и подготовки кадров. И здесь наметились значительные проблемы, что стало одной из причин понижения качества образования в середине 1970-х гг. 1970–1980-е годы характеризуются замедлением темпов развития экономики, технологического перевооружения производства, появлением скрытой безработицы, снижением требований к квалификации кадров и кризисом коммунистической идеологии в целом, что не могло не отразиться на развитии образования.

В 1973 году Верховный Совет СССР утверждает «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании». В этом документе были отражены задачи народного образования. Целью народного образования называлась подготовка высокообразованных строителей коммунистического общества, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, способных успешно трудиться в различных областях хозяйственного и социально-культурного строительства [2].

Утверждалось равенство граждан в получении образования, обязательность образования, государственный и общественный характер учебно-воспитательных учреждений, бесплатность всех видов образования, содержание части учащихся на полном государственном обеспечении, единство обучения и коммунистического воспитания; сотрудничество школы, семьи и общественности в воспитании детей и молодёжи, связь обучения и воспитания данного поколения с жизнью, с практикой коммунистического строительства и т. д. [3].

Система народного образования в СССР состояла из дошкольного воспитания, общего среднего образования, внешкольного воспитания, профессионально-технического образования, среднего специального образования, высшего образования. Воспитание и образование в СССР становится делом общенародным, в котором участвовали общественные организации, были задействованы средства массовой информации, литература и искусство. При местных Советах работали постоянные комиссии по народному образованию, науке и культуре.

В середине 1960-х – начале 1970-х годов большое значение для общеобразовательной школы имели постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы», «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» и «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы», а также решения XXV съезд КПСС. Ставилась задача усовершенствования всей общеобразовательной системы [4].

В соответствии с Уставом средней общеобразовательной школы, принятом в 1970 году, создаются отдельно начальные школы (1-3 классы), 8-летние школы (1-8 классы) и средние школы (1-10 классы). Подчеркивались единство и преемственность всех ступеней общего среднего образования. Сеть общеобразовательных школ включала также средние школы с производственным обучением, средние школы с углублённым изучением отдельных предметов, школы-интернаты, средние общеобразовательные школы работающей

молодёжи, школы для обучения детей с физическими и умственными недостатками, специальные школы.

Школы с производственным обучением и школы с углублённым теоретическим и практическим изучением отдельных предметов создавались для удовлетворения различных интересов и развития способностей учащихся и для их профессиональной ориентации. Общеобразовательные школы с продлённым днём имели целью дальнейшее развитие общественного воспитания. В 1975-1976 годах в школах и группах с продлённым днём находилось 7,3 млн учащихся. Школы-интернаты обеспечивали благоприятные условия для всестороннего развития учащихся из семей, не имеющих необходимых условий для воспитания детей. В 1975-1976 уч. г. в 2,2 тыс. школ-интернатов обучалось и воспитывалось 777,6 тыс. чел. Для детей, лишившихся родителей и попечения, создана сеть детских домов [5].

Несмотря на проводимые в 1970-е годы реформы, к началу 1980-х падает качество обучения. Унификация программ и учебников превращалась в уравниловку. Учебный процесс был ориентирован на «среднего» ученика. Падает социальный престиж образования. Снижается связь школы с потребностями общества [6].

Однако попытки реформировать систему образования продолжались. Кроме соединения общего и профессионального образования вводилось всеобщее обязательное среднее образование. Проходил эксперимент по введению всеобщего начального образования детей с 6 лет. Во второй половине 1980-х годов было введено раннее обучение иностранным языкам. Но итоги этих реформ не повышали качественный уровень образования [7].

В 1984 году началась реализация системной школьной реформы. Главный акцент был сделан на демонстрации системы обязательного всеобщего среднего образования. Начался отход от единого типа учебных заведений, осуществлялась разработка вариативных учебных планов. Большое значение придавалось гуманизации и гуманитаризации учебной деятельности. Педагоги обрели большую свободу творчества, существенно усилились демократические черты в управлении образованием. Вводилась одиннадцатилетняя школа, устанавливалось обучение детей с шестилетнего возраста, серьезно пересматривались программы в плане повышения их научного уровня. Инновационным моментом реформы выступало введение обучения компьютерной грамотности. Обсуждалась возможность возврата к установке на получение профессии в условиях общеобразовательной школы (чего не удалось сделать ни в 1920-е, ни в 1950-е годы).

На завершающем этапе реформ советской школы, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. наметились новые тенденции, связанные с общественно-политическими переменами в стране. В 1988 г. приказом министра Г.А. Ягодина при Госкомитете был создан Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) «Школа» во главе с Э.Д. Днепровым. Целью создания ВНИКа была разработка принципиально новой образовательной политики, основанной на идеях развития личности школьника, вариативности и свободного выбора на всех уровнях образовательной системы, превращения образования в фактор развития общества.

В декабре 1988 года были разработаны и одобрены Всесоюзным съездом работников образования принципы: демократизация; плюрализм образования, его многоукладность, вариативность и альтернативность; народность и национальный характер образования; открытость образования; регионализация образования; гуманизация образования; гуманитаризация образования; дифференциация образования; развивающий, деятельностный характер образования; непрерывность образования. Параллельно с реформой среднего образования в конце 1980–1990-х годов, осуществлялась и реформа высшего образования. Ее основным содержанием были гуманизация и фундаментализация образовательных про-

грамм, рационализация и децентрализация управления вузами, диверсификация образования и введение его многоуровневой структуры, дальнейшее развитие демократизации и самоуправления в вузах. Однако эта реформа осталась не доведенной до логического конца. Сильные и слабые стороны этого процесса отразились в российском «Законе об образовании» (1992 года) [8].

Рассматривая итоги развития образования в послевоенный период, необходимо отметить, что образование в советское время являлось объектом пристального государственного внимания. В этот период наблюдалось увеличение расходов бюджета на образование. Например, в 1927 г. на образование выделялось 33,4 млн руб., а в 1968 году уже 7 144,1 млн руб. [9]. Конечно, речь идет о разных экономических возможностях страны, но эти цифры отражают и повышение общественной значимости образования. В итоге процент грамотности населения существенно возрос, что говорит о проведении грамотной образовательной политики.

Таким образом, глубокие перемены и преобразования внесли изменения в социально-экономические, политические условия и духовно-культурное бытие народа, выполнили требования плановой экономики, создавали стимулы для учебы, проводили отбор достойных кандидатов, не изменили потенциал отечественной системы образования. Советское образовательное пространство оставалось единым, обеспечивая общеобразовательную и профессиональную подготовку детей и молодежи, социально-культурную и духовно-нравственную целостность общества и преемственность его поколений.

Примечания

1. Шульгин В. Е., Кошман Л. В., Сысоев Е. К., Зезина М. Р. История русской культуры IX-XX вв. М., 2003. С. 221-223.
2. Шакиров Р. В. Школа и общество: системно-концептуальный анализ реформ образования в России в XX в. Казань, 1997. С. 196.
3. Там же. С. 197.
4. Белкин А. С., Ткаченко Е. В. Идеология, методология, научный аппарат историко-педагогического исследования // Образование. 2006. № 1. С. 12-13.
5. Шакиров Р. В. Указ. соч. С. 197.
6. Джурицкий А. Н. История педагогики. М., 1999. С. 302-304.
7. Крутецкий В. А. Психология : Учебник для учащихся педучилищ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 349-350.
8. Решения Армавирского Горисполкома, относящиеся непосредственно к деятельности Армавирского Горона, школ и детских учреждений города в 1943 году // Архивный отдел администрации г. Армавира (далее – АОАА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.
9. Текстовый годовой методический отчет // АОАА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

T.N. Ivchenko

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM OF THE USSR AND ITS REFORM IN THE POST-WAR PERIOD

This article contains information on the development of the education system of the USSR in the postwar period. It reflects the main trends in the development of education, the difficulties faced by the Soviet leadership and society in the recovery period, changes in the education system, the prospects for the development of education in the city and in the countryside.

Keywords: Soviet society, education system, secondary education, Soviet school.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В 1990-е гг. (на примере молодёжных стратегий)

В статье исследуются особенности молодёжных стратегий поведения в 1990-е гг., выявляются факторы, влиявшие на это поведение. Анализируется государственная политика в отношении молодёжи. Делается вывод, что 1990-е гг. стали временем формирования новых идеалов, в том числе и криминалистических, послужившие базой для формирования моделей молодёжного поведения на уровне повседневности.

Ключевые слова: молодёжь, политика, деидеологизация, культура, повседневность, идеалы, досуг.

«Перестройка» и последующие события 1990-х гг. оказали заметное влияние на развитие повседневной жизни молодёжи. Интеллигенция уверяла себя и всех, что гласность, бесцензурность печати породят «колосьбу идей» [1], высокая правда даст небывалый взлет духовности. Итог «плодоносной свободы» сказался уже к середине 1990-х гг.: бесцензурно выставлено напоказ бесстыдство – общественное и индивидуальное, визуализированы сексуальные тонкости, смакуются тайные пороки людей. А где же взлет духовности, где воспевание новых идеалов? [2]. Молодёжь оказалась в историческом «вакууме», когда рухнули советские идеалы и ценности их досугового, бытового, идейного пространства, но при этом им не предложили ничего взамен.

Перестройка укоротила процесс вхождения России в постмодерн: она открыла шлюзы для западной культуры, поток, который легко захлестнул Юг России. Массовая постмодернистская культура, сошедшая с телеэкранов, со страниц журналов, несмотря на свою примитивность, все же жёстко реализовала присущий постмодерну в целом дискурс, который опирался на агрессивное и негативное отношении к прошлому. Симптоматичен тот факт, что перестройка началась с крестового похода против советской истории, которая была, не просто переосмыслена, что всегда сопровождало смену поколений, а дискредитирована, отождествлена с «чёрной дырой». Произошел какой-то внезапный разрыв с прошлым, поколение молодых утратило полностью историческое чувство, вызвало на суд своих отцов, как живущих, так и умерших, обвинив их в том, что они, жертвуя собой, построили великую державу, одержали «слишком большой ценой» победу над фашизмом. Феномен «новых русских» – это сублимация отрицательного отношения к прошлому России, это фёдоровская «цивилизация молодых» в «чистом» виде [3].

Характерен и другой факт: игра, случай становятся мировоззренческими доминантами в нашей современной жизни и культуре; все превращается в игру, иногда смертельно опасную: бизнес, коммерция, политика, отношения между людьми вообще, мужчиной и женщиной в частности. Игровые автоматы, развлекательные шоу «счастливый случай» стали символом нашей культуры, «серьезное» отношение к жизни, предполагающее рефлексии и самосознание глубинных смыслов человеческого существования, воспринимается как разновидность шизофрении – писал А. Панарин [4].

Молодёжь Юга России переживала общие свойственные для всей молодёжи страны проблемы, а следовательно, вырабатывалась и схожая реакция на них.

Во-первых, нестабильность жизни, особенно экономическая, привела к резкому увеличению числа молодых людей, которые оказались в особо трудных жизненных ситуациях. Часть из них выбирала путь «ухода» от проблем. В изучаемый период повысилась численность наркоманов [5], алкоголиков среди молодёжи, увеличилось количество самоубийств.

Во-вторых, устойчивая тенденция к ухудшению экономического положения основной части молодёжи Юга России вела к психоэмоциональной перегрузке, что приводило к изменениям политических настроений в обществе, в том числе, усилению экстремистских настроений в молодёжной среде.

Стоит отметить, что на рост агрессивности и экстремистской направленности, а так же фашизации влияла не только экономическая ситуация в регионе, не менее важен тот факт, что молодёжь 1990-х гг. переживала глубокий идейно-нравственный кризис. Поэтому в молодёжной среде стали культивироваться негативные стереотипы поведения. Для многих молодых людей эгоистическая и иждивенческая психология стала неотъемлемой частью жизненной стратегии. Неопределенность настоящего, неуверенность в будущем, растущая безработица, трудности, связанные с получением образования, падение престижа ряда профессий порождали критическое отношение к действительности, вели к примитивизации сознания. Ложные потребности начинали подменять собой все лучшие качества личности. Неслучайно у молодёжи изменились идеалы: учителей и врачей заменили девушки лёгкого поведения, которым были доступны многие материальные ценности «нового мира». Стать «интердевочкой» – предел карьерных мечтаний. Космонавты, милиционеры и пожарники в свою очередь не выдержали конкуренцию с рэкетирами и бандитами. Как мы видим, мировоззрение молодёжи, её новая система нравственных ценностей, складывались в мире колоссальных противоречий [6]. Не случайно многие молодые люди 1990-х гг. пали жертвой стихийного, так называемого «дикого» рынка, правового нигилизма и социальной незащищённости.

В частности молодёжь была предоставлена сама себе. На протяжении 1990-х гг. наблюдалось сокращение финансирования культурных центров Краснодарского края, ухудшение их материальной базы и даже закрытие некоторых из них. Подростки оказались на «улице», совершенно ненужные официальным структурам и органам. Как мы знаем, «свято место пусто не бывает», организованный досуг подменили подвальные тусовки, подпольные спортивные клубы, в которых нередко проходили бои без правил. Криминальные структуры так же воспользовались ситуацией, создавая молодёжные бандформирования [7]. Только в конце 1990-х гг. ситуация стала меняться в лучшую сторону. В частности, для урегулирования отношений в сфере культурной деятельности были приняты законы Краснодарского края: «Об ограничении приватизации и репрофилирования учреждений культуры, искусства, кинематографии, памятников истории и культуры в Краснодарском крае» [8], «О библиотечном деле в Краснодарском крае» [9] и др.

В-третьих, в условиях деидеологизации общества, происходил быстрый процесс роста политической апатии среди молодёжи. С одной стороны демократические процессы создавали условия для свободного самовыражения молодёжи, уже не было чёткой регламентации проявления активности молодёжи, как в советский период. Однако, с другой стороны – полностью был разрушен механизм формирования подрастающего поколения политиков (прекратили действовать в Краснодарском крае молодёжные комиссии в составе Советов, отменены были квоты для молодёжи в разных органах управления и власти и т. д.) [10]. Политика сильно коррумпировалась и коммерциализировалась, это привело к сокращению молодёжи во властных структурах Юга России. Реорганизации (иногда бездумной) подверглись и отделы по делам молодёжи, не случайно их эффективность в 1990-е гг. была практически нулевой [11]. Итак, на Юге России большая часть властных решений, призванных решать молодёжные проблемы не были реализованы [12]. Непоследовательно проводилась программа «Молодежь России» [13], например, у администрации Краснодарского края не хватало бюджетных средств на её реализацию, а федеральные дотации постоянно сокращались. Активизировалась реализация этой программы только в 1996 г. (в стране развернулась президентская избирательная кампания).

Б. Ельцин накануне президентских выборов предложил программу действий на 1996–2000 гг., впервые за постсоветский период в неё был включён специальный параграф «Молодёжная политика». Но нельзя не заметить чисто декларативный её характер: вся суть политики сводилась к основным двум моментам: во-первых, что молодёжь сделала свой выбор в пользу реформ в 1991 г., а значит, поддержала курс власти, а во-вторых, прописывался призыв продвигать молодёжь во власть (пути и методы остались «за кадром»). Ещё бы, если учитывать, что в 1996 г. на цели «молодежной политики» было выделено всего 0,00964 % бюджета страны [14]. С 1993 г. готовился закон «Об основах государственной молодёжной политики в Российской Федерации» в изучаемый период данный закон был отклонен президентом. Вся поддержка молодёжи, как и сама молодёжная политика, сводилась к президентской целевой Программе «Молодежь России (1998–2000 годы)» [15].

В-четвёртых, не смотря на низкий уровень политической культуры, молодёжь региона была потенциально готова к участию в активных акциях протеста. В феврале 1993 г. около 16 % опрошенных молодых людей г. Краснодара говорили о поддержке властей, в то время как 20 % опрошенных были готовы выступить против власти. Росло равнодушие к выборам (очень низкая явка), распространялось мнение, что выборами ничего не решить, так как они будут фальсифицированы. К концу 1990-х годов недоверие к власти достигло критических показателей. Порядка $\frac{3}{4}$ молодежи не доверяли высшим органам власти. При этом Президенту отказывали в доверии – 82 %, Правительству – 67 %, Государственной Думе – 72 %, политическим партиям – около 70 %. Более подробный материал даёт в своей работе В.В. Касьянов, исследуя проблемы политической социализации молодежи [16].

В-пятых, нельзя не отметить ещё одну тенденцию, стремление молодёжи любыми средствами (девушки, например, через проституцию), покинуть страну. Это было реакцией на полное неприятие своей Родины, отсутствие патриотических чувств.

В-шестых, особое значение для развития молодёжи сыграли вузы региона. В частности, в 1990-е гг. в Армавирском государственном педагогическом институте откроется исторический факультет. Положительным опытом работы с молодёжью на факультете станет организация научно-проблемных кружков. Будет регулярно проводиться археологическая практика, этнографическая и музейная. Через приобщение к истории, в том числе родного края и города, преподаватели прививали чувство патриотизма. Многие выпускники 1990-х гг. в последующем сами стали преподавать историю подрастающему поколению студентов.

В-шестых, стоит отметить и специфику молодёжи изучаемого региона. Как справедливо отмечает Д.Ю. Чеботарёва: жизненные стратегии молодежи формируются под влиянием разноуровневых факторов. На макроуровне формирование жизненных стратегий молодежи осуществляется под влиянием ценностей постмодерна, которые утверждаются вследствие деинституализации общественной жизни, порождающей риск как системное свойство современного общества. В этих условиях у молодежи отсутствуют ясные представления о характере их будущего. Чем слабее социетальные, институциональные нормы и регуляторы, тем быстрее место традиционных ролевых и ритуальных моделей займут разнообразные жизненные стили, способствующие формированию и реализации разнообразных стратегий жизни. На микроуровне стремление к стилизации зависит от содержательной наполненности жизненных стратегий молодежи, которая задается региональной социокультурной средой. На мезоуровне территориально-производственный и социокультурный потенциалы региона, обеспечивая возможности молодежи приобщения к культуре, получения образования [17].

Социокультурное своеобразие Юга России обусловлено полиэтничностью региона и распространением двух основных религий – христианства и ислама. Для коренных народов Кавказа характерен высокий уровень этнического самосознания, значительное место занимают национальные культуры и ценности. Тем не менее, молодёжную культуру кавказских народов нельзя характеризовать как полностью традиционную, скорее можно говорить о её приверженности к элементам традиционной нормативной системы (маскулинность, культ старшинства и др.). Например, маскулинность региональной культуры выражается в ценности материальных вещей, власти и представительности, соревновательности в достижении благополучия и достойного статуса, а так же проявления себя в мужских видах спорта. Поэтому, среди студентов, проживающих в экономически развитых регионах Юга России, распространена индивидуально-профессиональная жизненная стратегия, тогда как среди студентов, проживающих в экономически депрессивных регионах, выражена патерналистская жизненная стратегия.

Итак, в эти трудные переходные годы закладывались ростки новой российской молодёжи базирующейся на традиционных ценностях народов Кавказа. В истории Кубани это проявилось в создании различных национальных культурно-просветительских организаций, в возникновении различных фольклорных молодёжных ансамблей и т. д. После кризиса первой половины 1990-х гг. происходило возрождение театральной жизни Кубани, отстраивались кинотеатры, приводились в порядок парки и другие общественные места. Восстанавливали свою работу аттракционы. Всё больше молодых людей выбирало новые формы время препровождения и досуга.

Примечания

1. Солженицын А. Возрождение России // Литературная жизнь. 1992. № 3. С. 7.
2. Разлогов К. Е. Культура в контексте социального кризиса // Современная мысль. 2000. № 5. С. 83.
3. Кутрев В. XXI век: конец культуры // Москва. 1998. № 9. С. 5.
4. Панарин А. О возможностях отечественной культуры // Новый мир. 1996. № 9. С. 177.
5. Молодежная субкультура и наркотики: социокультурные и социопсихологические факторы. Тверь, 1997. С. 64.
6. Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Шерегин Ф. Э. Жизненные планы, ценностные ориентации и моральный облик российской молодежи // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 6. С. 91.
7. См.: Преступность и правонарушения. Статистический сборник. М., 1990-2004.
8. Об ограничении приватизации и перепрофилирования учреждений культуры, искусства, кинематографии, памятников истории и культуры в Краснодарском крае // Кубанские известия. 1998. 19 сентября. С. 1-2.
9. О библиотечном деле в Краснодарском крае // Кубанские известия. 1999. 15 марта. С. 2.
10. Молодежная политика : Сборник документов и материалов. М., 1991. С. 7.
11. Государственная молодежная политика в действии: на материалах районов, городов, областей России. М., 1994. С. 91.
12. Касьянов В. В. Государственная молодежная политика (региональный аспект). Ростов н/Д., 1997. С. 48.
13. Указ Президента РФ от 15.08.1997. № 890 «О присвоении Федеральной целевой программы «Молодёжь России» президентского статуса» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3863.
14. См.: Айзенкоп Б. М. Молодежная политика в Российской Федерации. М., 2003.
15. Федеральная программа «Молодежь России» // СЗ РФ. 1994. № 22. Ст. 2459. Федеральная целевая программа «Молодежь России (1998-2000 годы)» // Российская газета. 1997. 1 июля.
16. Касьянов В. В. Политическая социализация молодежи в современной России. Краснодар, 1998. С. 84.
17. Чеботарёва Д. Ю. Жизненные стратегии студенческой молодежи Юга России. Дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 72.

E.V. Kozlova

**THE EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA
IN THE 1990s
(on the example of youth behavior strategies)**

In the article the peculiarities of youth behavior strategies in the 1990s are investigated, the factors influencing this behavior are revealed. The state policy regarding youth is analyzed. It is concluded that the 1990's. Became a time for the formation of new ideals, including forensic ideals, which served as a basis for the formation of models of youth behavior at the level of everyday life.

Keywords: youth, politics, deideologization, culture, everyday life, ideals, leisure.

Н.Б. Яндакова

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье дается обзор трех работ по истории русско-ордынских отношений известных отечественных учёных конца XX – начала XXI века: Ю.В. Кривошеева, В.В. Похлебкина, А.А. Горского. Рассматриваются авторские концепции, в которых отражается цивилизационный подход, реализуемый при анализе отношений Руси монголов и Орды, показывается сложность, многогранность и эволюция этих взаимоотношений на примере анализируемых исследовательских нарративов.

Ключевые слова: монголо-татарское иго, цивилизационная парадигма, Московское княжество, Орда, эволюция русско-ордынских отношений, современная историография Древней Руси.

В 90-х гг. XX в. вместе с распадом советской политической системы претерпевает кризис и методология советской историографии, подвергаются пересмотру основные периоды отечественной истории, а также концепции, сформировавшиеся в 30-х – 80-х гг. Новые подходы проявляются и при изучении комплекса русско-ордынских отношений.

На пересмотр некоторых положений «монгольского вопроса» в русской истории повлияли идеи русских евразийцев (от В.Г. Вернадского до Л.Н. Гумилева). Переход от формационной парадигмы к цивилизационной привел к переоценке роли Золотой Орды в истории Восточной Европы, появляются исследования на тему «золотоордынской цивилизации». Противостояние Руси и Орды в плоскости взаимоотношений «культуры» и «варварства» уже не рассматривается.

Вводятся в научный оборот новые источники, фактографические данные, которые подвергаются системному и скрупулезному анализу; выводы историков становятся менее прямолинейными и жесткими, исследователи призывают к взвешенным оценкам прошлого, с учетом всех позитивных и негативных моментов.

В этом отношении характерной работой является исследование Ю.Б. Кривошеева [1]. Он пишет, характеризуя русско-ордынские отношения: «Нам кажется, что, несмотря на внешнюю антагонистичность, непреодолимых препятствий между ними нет. Но для этого необходимо несколько смягчить их положения, касающиеся внутреннего состояния и развития Руси «под игом». Нет сомнений, оценки отношений как «дружеских» или «благожелательных» действительности не соответствовали. Имело место противостояние двух этнообщественных систем (хотя, может быть, и близких в своей основе), и противостояние жесткое. С другой стороны, полагаем, что и взгляд на русско-ордынские отношения как на «тотальное» подчинение Руси Орде, выразившееся в форме постоянного «террора» по

отношению к населению и князьям, по крайней мере, несколько преувеличен» [2]. И далее: «Речь идет о создании по возможности более полной картины русско-ордынских отношений, полной и сбалансированной, без идеологических и прочих перекосов в ту или иную сторону. Речь также идет и о попытке объяснить некоторые (все, видимо, не удастся) элементы отношений (их истоки, причины), которые далеко не всегда укладываются в рационалистические схемы, привычные нам. Религиозные представления, нормы обычного права, явления быта, обрядность – все это (конечно, наряду с «классическими» экономическими, политическими отношениями) необходимо учитывать при изучении русско-ордынских отношений» [3].

Исследователь приходит к выводу, что в русско-татарских отношениях XIII-XV вв. в соприкосновение пришли не только экономические, социальные и политические системы, не только кочевнический и оседлый миры, но и мировоззренческие системы: идеологические и ментальные. Без учета и изучения последних восприятие событий и явлений того времени обедняется и становится неадекватным средневековым реалиям.

Сводить более чем двухсотлетнюю систему русско-ордынских отношений к перманентной конфронтации означает упрощать внутреннее развитие самой Руси, сводить политическую и экономическую жизнь только к навязанному монголо-татарскому режиму и сопротивлению ему.

В своей работе «Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв.» автор преследует цель показать, что соединяло и разъединяло две крупные общественные системы евразийского средневековья. Ю.В. Кривошеев пытается перейти от трактовки русско-ордынских отношений как непрерывной борьбы к трактовке, предполагающей многостороннее и многоуровневое взаимодействие [4].

Широкую историческую панораму, не лишенную тонких аналитических оценок русско-татарских отношений дает в своей работе историк В.В. Похлебкин [5]. В справочнике, представляющем собой часть большой работы по истории внешней политики нашей страны за 1 000 лет, шаг за шагом прослеживается история отношений Руси с ее первыми восточными соседями – Золотой Ордой и ее наследниками. Справочные дополнения содержат уточненный хронологический перечень ордынских ханов, списки ханских послов и русских князей, приезжавших в Орду, географическое описание русско-ордынской границы и путей прохода ордынских войск в Россию, хронологический перечень ордынских походов на Русь, административных мер Орды и др.

До середины XIII в., пишет автор, внешняя политика древнерусских государств была ориентирована на запад Европы. Одним из последствий монголо-татарской победы над Русью явилось не только то, что «искусственно и резко было прервано историческое независимое развитие русской государственности», но и то, что центр интересов Руси переместился из Европы в Азию. С этого времени, указывает автор, меняется существо внешней политики русских князей: «из самостоятельной она становится вассальной, из ориентированной на европейскую государственность и культуру превращается в приспособленчески-азиатскую, из базирующейся на христианской психологии и понятиях начинает базироваться на восточно-рабской, азиатски-раболопной психологии» [6].

За 250 лет конкретная линия русско-ордынских отношений изменялась в прямой связи с эволюцией обоих государств, отмечает В.В. Похлебкин. Главной особенностью международно-правовых отношений Руси с Ордой, по его заключению, было отсутствие их юридического, письменного оформления каким-либо двусторонним документом-договором, соглашением, вассальным обязательством. Все договоренности русских князей с Ордой были устными, все дела решались при личном свидании с ханом или его мурзами. Между тем, замечает автор, с другими государствами – Византией, Генуей,

Египтом – ханы вступали в письменные юридически канонические международно-правовые отношения.

При отсутствии письменно закрепленных обязательств гарантии выполнения их русскими князьями носили характер вещественный: князья лично привозили в Орду дань, подарки хану, посылали туда своих родных в качестве заложников или приезжали туда сами, демонстрируя вассальную покорность. При этом ханы не предоставляли никакого эквивалента гарантий безопасности князьям. Автор характеризует приезды русских князей в ханскую Орду как «особый уникальный институт вассальной зависимости» [7].

Общий характер бесписьменных, юридически не фиксируемых и односторонне неравноправных русско-ордынских отношений, указывается в книге В.В. Похлебкина, коренным образом повлиял на представления о нормах права (международного, государственного, личного) у многих поколений русских государственных деятелей. Одним из важнейших исторических результатов господства Орды над Русью автор называет тот факт, что правовые нормы были исключены из системы мышления русского народа, что создавало не только препятствия на пути развития русской государственности, придавая ему «уродливо-извращенные, чисто рабские черты», но и оказывало негативное воздействие на формирование психологии русской нации [8].

По мнению автора, историческим фактором, который помог Руси выжить в борьбе с Ордой, стали азиатские завоевания Тамерлана в конце XIV в. В то же время резкое сокращение времени, интенсивности, силы походов ханов на Россию в XV в. он объясняет не только изменением соотношения военных потенциалов, но и сменой военной техники, появлением огнестрельного оружия в русских войсках и изменением военно-тактических представлений [9].

В интерпретации автора, военно-политический феномен «великого стояния» на Угре в 1480 г. явился «лучшим фактическим подтверждением упадка Орды, утраты ею своей прежней силы», в результате чего она добровольно отказывается удерживать Русь в вассальной зависимости [10].

Начиная с 1438 г. на территории Орды одно за другим возникают новые государственные формирования – Казанское, Астраханское, Сибирское ханства, Ногайская орда. В 1481 г. Орда перестает существовать как государственный организм. Ликвидация гигантской империи кардинально изменила общее международное положение Русского государства, его военно-политические планы и действия в отношении с Востоком в целом. Москва избирает активную, наступательную линию в отношении наследников Орды, в качестве нового тактического приема используя натравливание одной татарской группировки на другую [11].

После освобождения от ордынской зависимости все отношения с новыми татарскими государствами стали происходить на двусторонней основе, с подписанием договоров и межгосударственных обязательств. Таким образом, изменяется формальное и фактическое международно-правовое положение Московского государства и среди русских земель, и в Европе – оно становится суверенным государством, субъектом международных отношений.

Подводя итоги отношений Русского государства с Казанским ханством за сто лет, автор отмечает экономический характер многочисленных войн и конфликтов, в ходе которых до середины XVI в. территориальные претензии не возникали. Перелом в области русской внешней политики в отношении стран Востока, и Казанского ханства в том числе, происходит в царствование Ивана Грозного, когда формируется концепция активной завоевательной политики и присоединения к Московии пространства от Волги до Урала и от Казани до Каспийского моря.

«Новое слово» в русской политике второй половины XVI в. получило поддержку и обоснование со стороны Православной Церкви. Реальной основой для успешного осуществления завоевательных планов стали новые принципы организации армии и оснащение ее новым огнестрельным оружием западных образцов, что значительно повысило эффективность русских вооруженных сил [12].

Вскоре после покорения в 1552 г. Казанского ханства была ликвидирована независимость Астраханского ханства, а в 1598 г. окончательно присоединено к Москве и Сибирское ханство.

Фундаментальным исследованием отношений Руси и Орды является работа А.А. Горского [13].

В монографии прослеживается развитие политических отношений Московского княжества и Золотой Орды с 70-х годов XIII в. до начала XVI в., а также отображение этих отношений в общественном сознании. Книга состоит из девяти глав, каждая из которых соответствует времени правления одного из московских князей.

Возникновение Московского княжества, его территориальный рост и усиление происходили на фоне отношений с Ордой и в тесной связи с ними, указывается во введении. При этом если в начале этих взаимоотношений с одной стороны выступало небольшое княжество в бассейне р. Москвы, а с другой – огромная держава, раскинувшаяся от Дуная до Иртыша, то в начале XVI в. положение изменилось. Теперь крупнейшее государство Европы противостояло «нескольким десяткам мечущихся по степи людей» [14].

В княжение Даниила Александровича (70-е годы XIII в. – 1303 г.), пишет автор, были заложены первые камни в фундамент могущества Москвы. Московское княжество становится заметной силой и начинает проводить активную внешнюю политику, не всегда лояльную по отношению к Орде, чему способствовала внутриордынская борьба и противостояние ориентированных на разных ханов княжеских группировок Руси [15].

Говоря о деятельности Юрия Даниловича (1303-1325), А.А. Горский отмечает в ней элементы сопротивления воле (но не власти) Орды, однако осознанное стремление сбросить иноземную власть в его действиях явно не просматривается. Юрий не ставил под сомнение ханский сюзеренитет, не пытался самостоятельно полностью овладеть великим княжеством, право распоряжения, которым принадлежало хану. Его политика сводилась к попыткам отнять у великого князя часть его прерогатив, а когда появилась возможность получить в Орде великое княжение, Юрий ее использовал.

Политику Юрия Даниловича автор характеризует как твердую и решительную, порой граничащую с безрассудством. Благодаря этому Московское княжество сумело выстоять при неблагоприятных обстоятельствах, а переход к московскому князю великого княжения Владимирского создал прецедент, после которого потомки Даниила Александровича уже могли с полным основанием претендовать на первенство в Северо-Восточной Руси [16].

Иван Данилович Калита на протяжении своего княжения (1325-1340) соблюдал полную лояльность хану, резко отличаясь в этом отношении от своего старшего брата. В историографии Калита традиционно оценивается как «верный вассал» Орды, но автор призывает учитывать, что реальной альтернативы ордынской власти в то время не видел никто. Сопротивление иноземной власти в XIV в. вовсе не шло по нарастающей, и с укреплением единовластия в Орде при хане Узбеке прежнее своеволие сильнейших князей Северо-Восточной Руси сошло на нет [17].

А.А. Горский не согласен с традиционной оценкой Ивана Калиты как «создателя московского государства», поскольку в его правление не произошло принципиальных сдвигов: великое княжение владимирское еще не закрепилось за московскими князьями, территориальный рост владений не превосходил сделанного его предшественниками [18].

Дальнейшее присоединение земель при Семене Ивановиче (1340-1353) и Иване Ивановиче (1353-1359) сопровождалось продолжением политической линии по отношению к Орде, выработанной при Иване Калите. Однако с 1359 г., с началом в Орде продолжительной борьбы за власть, складывается новая ситуация, когда самым могущественным политиком впервые стал человек, не принадлежащий к «царскому» роду – Мамай. На Руси такая ситуация осознавалась достаточно ясно, пишет автор, и власть узурпатора не признавалась бесспорной – впервые ставится под сомнение сюзеренитет Орды над Русью.

Князь Дмитрий Донской (1359-1389) стал тем правителем, при котором первенствующее положение Москвы в северных и восточных русских землях перестало жестко зависеть от позиции Орды. Усилия Дмитрия Ивановича по превращению великого княжения Владимирского в «отчину» московских князей, увенчались успехом. С 1374 по 1380 г. Дмитрий правил фактически независимо, и даже какое-то время формально не признавал власть ордынского правителя, бывшего, по представлениям того времени, незаконным. Но идея верховенства законного и реально правящего в Орде хана – «царя», его более высокого в сравнении с великим князем владимирским статуса сомнению еще не подвергалась.

В книге во многом по-новому рассматривается политическое значение Куликовской битвы, которая, как считает автор, больше всего политической выгоды принесла Тохтамышу: разгром Мамаю способствовал объединению двух частей Орды под властью законного хана, в то время как понесенные русскими войсками потери не позволили эффективно противостоять Тохтамышу. Однако значение побед Дмитрия Донского над Ордой вышло далеко за рамки конкретных политических последствий. Куликовская битва стала одним из ключевых моментов формирования исторического и этнического самосознания великорусской народности. Парадоксально, что военное поражение 1382 г. Дмитрию Донскому удалось обернуть крупнейшей политической победой: законный «царь» Тохтамыш признал закрепление великого княжения Владимирского за московскими князьями, пишет автор [19].

Василий Дмитриевич (1389-1425) по отношению к Орде продолжал политику своего отца, хотя предпочитал более осторожную тактику. Он признавал свое вассальное положение по отношению к законным ханам, при правлении же временщика-узурпатора фактически вел себя как независимый правитель. Главным приобретением Василия Дмитриевича стало Нижегородское княжество [20].

Правление Василия Васильевича (1425-1462) пришлось на период, когда ордынские «замятни» стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а складыванием на окраинных территориях Орды особых, практически независимых политических образований (Казанское, Крымское ханство, Ногайская Орда). Однако правитель Большой Орды еще по-прежнему рассматривался как сюзерен великого князя [21].

Решающие перемены в отношениях с Ордой произошли в правление Ивана III (1462-1505). Уже в первые годы его княжения, отмечает А.А. Горский, определился сдвиг к более независимой политике, а в начале – середине 1470-х годов в общественном сознании начинает утверждаться идея о возможности полного освобождения из-под власти ордынского «царя», что во многом было связано с крепнущим убеждением в «царском», т. е. суверенном, характере власти великого князя московского. Поводом для прекращения даннических отношений послужил неудачный поход хана Ахмата на Москву 1472 г., которому автор придает большее значение, чем «великому стоянию» на р. Угре и склонен считать его датой начала независимого существования Московского государства. Впервые Москва не признала власти законного правителя Орды, стала заявлять о своей независимости в сношениях с третьими странами (Польско-Литовским

государством и Крымским ханством), хотя и не решалось открыто рвать контакты с Большой Ордой. После 1480 г. независимый статус Московского государства определился окончательно, поскольку наступающей стороной в московско-ордынских отношениях стало Московское княжество [22].

А.А. Горский полагает, что для XV-XVI вв. нет оснований говорить о возникновении представления, что освобождение от ига связано только с событиями 1480 г. – этот вывод принадлежит исторической науке Нового времени и впервые был сформулирован Н.М. Карамзиным [23].

Анализ развития московско-ордынских отношений позволил А.А. Горскому внести существенные уточнения в уже устоявшиеся в историографии понятия, такие, как «поддержка Ордой Москвы» и «борьба за свержение ордынского ига».

Московское княжество пользовалось ханским благоволением периодически, в небольшие отрезки времени, из которых самым длительным был период правления Ивана Калиты и двух его сыновей. Эти 30 лет многое дали в плане накопления экономического и политического потенциала Москвы, и автор интерпретирует их как «сбой» в традиционной политике Орды не допускать чрезмерного усиления кого-либо из вассальных правителей. По мнению автора, для XV в. само понятие «поддержка Ордой Москвы» уже не имеет смысла [24].

Сознательная борьба за ликвидацию сюзеренитета ордынского хана-«царя» не прослеживается вплоть до княжения Ивана III, указывается в заключении. До этого имели место акты сопротивления представителям иноземной власти; случаи неподчинения князей ханской воле; периоды конфронтации с Ордой, возглавлявшейся узурпаторами; оборона территорий от ордынских войск, однако за этим не стояло стремление полностью покончить с зависимостью, поскольку ордынский «царь» в глазах московских правителей являлся легитимным сюзереном великого князя. Так, открытое неподчинение Орде, переросшее в вооруженную борьбу с ней в 1370–1380-е годы, произошло в период, когда власть там попала в руки нелегитимного правителя – Мамай [25].

И только к концу правления Василия II и в начале правления Ивана III на фоне общего усиления Московского великого княжества и некоторого ослабления Орды начинает подспудно действовать идея перехода царского достоинства из павшей Византийской империи к московскому великому князю, что было несовместимо с признанием власти ордынского царя.

Случаи длительного фактического непризнания ордынской власти, и само освобождение от зависимости, по мнению историка, были инициированы не ослаблением Орды, а неприятием, по тем или иным причинам, ее правителей в качестве законных сюзеренов московских князей.

Автор полагает, что непосредственные рычаги сдвигов в отношениях с Ордой кроются не столько в изменении соотношения сил, сколько в переменах восприятия иноземной власти общественным сознанием. В то же время, нужно учитывать, что эти перемены происходили под влиянием событий в политическом развитии Орды, Руси и Восточной Европы в целом [26].

А.А. Горский делает принципиальный, вывод о двойственном характере русско-ордынских отношений. Он считает, что борьба за ликвидацию сюзеренитета ордынского хана-«царя» не прослеживается вплоть до княжения Ивана III. Акты сопротивления и конфронтации были, но «за всем этим не стояло стремление полностью покончить с зависимостью» [27].

Перелом русско-ордынских отношений, по его мнению, наступил не при Иване Калите, а в правление Дмитрия Донского. Таким образом, в оценке ордынского ига в отечественной историографии на рубеже XX-XXI вв. появляются как новые оценки отдельных

сторон русско-ордынских отношений, носящие преимущественно уточняющий и источниковедческий характер, так и продолжают развиваться «старые» базовые построения, сформулированные в ряде исторических трудов, появившихся в XX веке, особенно во второй его половине. Изучение поднятой проблемы носит междисциплинарный характер, отличается плюрализмом методологических подходов и в последнее десятилетие все больше подвергается «ревизии» со стороны некоторых национальных исторических школ.

Примечания

1. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб. : Изд-во Петербургского университета, 2003. 466 с.
2. Там же. С. 117.
3. Там же. С. 118.
4. Там же. С. 119.
5. Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238-1598 гг. : (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). М. : Международные отношения, 2000. 190 с.
6. Там же. С. 17.
7. Там же. С. 30.
8. Там же. С. 43.
9. Там же. С. 67, 68.
10. Там же. С. 72.
11. Там же. С. 72, 73.
12. Там же. С. 116-118.
13. Горский А. А. Москва и Орда. М. : Наука, 2000. 280 с.
14. Там же. С. 4.
15. Там же. С. 40, 41.
16. Там же. С. 58, 59.
17. Там же. С. 66-68.
18. Там же.
19. Там же. С. 118, 160.
20. Там же. С. 140.
21. Там же. С. 151, 152.
22. Там же. С. 184-185.
23. Там же. С. 186.
24. Там же. С. 187.
25. Там же. С. 187-188.
26. Там же. С. 187.
27. Там же. С. 189.

N.B. Jandakova

NEW APPROACHES TO THE STUDY OF RUSSIAN-HORDE RELATIONS IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

The article gives an overview of three works on the history of Russian-Horde relations by famous Russian scientists of the late twentieth and early twenty-first centuries: Y.V. Krivosheev, V.V. Pokhlebin, A.A. Gorsky. There is regarded author's concepts, which reflect the civilizational approach realized by historians in the analysis of the relations between Rus, Mongols and the Horde. It is shown the complexity, multifacetedness and evolution of these relationships.

Keywords: Mongol-Tatar yoke, civilization, Moscow Principality, Horde, evolution of Russian-Horde relations, modern historiography of Ancient Rus.

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЖИЗНИ г. АРМАВИРА

В статье исследуется процесс духовно-религиозного возрождения армянской диаспоры в 1990-е – 2000-е гг. Отмечается, что процесс религиозного возрождения напрямую был связан с активизацией национального самосознания. Делается вывод, что важную роль в духовно-религиозном возрождении армян Юга России сыграла Армянская апостольская церковь.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь, диаспора, культура, религия, возрождение.

С 1990-х гг. начался процесс религиозного возрождения армянской диаспоры г. Армавира, что было общей тенденцией развития российского общества в условиях духовного кризиса, наступившего вследствие падения коммунистической советской идеологии. В августе 1991 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало Ново-Нахичеванскую и Российскую епархию ААЦ. Следует отметить, что в советское время эта епархия с семью приходами также существовала. Ново-Нахичеванская и Российская епархия подразделялась на викариаты. По решению католикоса Вазгена I было создано два викариата: Ростовский (церковные общины Ростовской области и Поволжья) и Северо-Кавказский (общины национальных республик, Краснодарского и Ставропольского краев). Северо-Кавказский викариат возглавил доктор богословия, архимандрит Езник Петросян. С учётом специфики региона, где было сосредоточено более половины армянского населения России, процесс религиозного возрождения здесь принимал более масштабный характер. За короткий период армянскими общественными и религиозными объединениями была проделана огромная работа в деле церковного строительства: в Армавире, Владикавказе, Буденновске, Эдессии были отреставрированы сохранившиеся храмы, возведены новые – в Гайкадзоре, Краснодаре, Кисловодске, Пятигорске и других городах и местностях, открывались моленные дома, устанавливались памятные хачкары (крестные камни) [1].

В 1997 г. Католикосом всех армян Гарегином I принимается решение об организации на базе викариата самостоятельной епархии. В этом же году католикос создает специальный кондак (указ) об образовании епархии Юга России ААЦ с центром архиерейского престола в городе Краснодаре. Её главой становится получивший сан епископа Езник Петросян, затем – архимандрит (с 2001 г. епископ) Мовсес Мовсесян. Епархия Юга России подразделена на два викариата с центрами в Краснодаре (религиозные общины Краснодарского края и республики Адыгея) и в Пятигорске (общины Ставропольского края и республик Северного Кавказа). Совецательный орган – Епархиальный совет, состоит из 15 священнослужителей и мирян. Заседания совета проводятся не реже двух раз в год.

Процесс религиозного возрождения напрямую был связан с активизацией национального самосознания. Следовательно, два, по сути, параллельных направления взаимозависимы и взаимонеобходимы друг другу. С одной стороны, инициатором строительства того или иного религиозного объекта выступает религиозная община, а спонсором его реализации, как правило, является общественная организация, проводящая агитационную деятельность среди своих членов и населения с целью сбора средств. С другой стороны, рост духовного (религиозного) самосознания, с учетом специфики конфессиональной принадлежности армян, способствует консолидации нации, что в условиях диаспоры создает благоприятную почву для объединения отдельных её групп (в случае многочисленности и (или) дисперсного проживания) в виде культурных, просветительских, благотворительных организаций, облечённых статусом юридического лица, вступающих в контакт с властью,

а в случае межэтнического столкновения выступают в роли посредников. Таким образом, описывая события религиозного плана, мы будем сталкиваться с деятельностью той или иной армянской общественной организации.

По состоянию на 1 января 2001 г. в Краснодарском крае было зарегистрировано 12 приходов ААЦ, из них 8 действующих. Устав армавирского прихода ААЦ был зарегистрирован в Администрации г. Армавира.

Переломным в религиозной жизни армянского населения Северного Кавказа становится 1997 г., когда с визитом приезжает Верховный Патриарх и Католикос всех армян Гарегин I. На Кубани он посетил города Армавир, Краснодар, где встречался с верующими, духовными и светскими лицами, провёл переговоры с главой администрации Краснодарского края. Результатом этого визита стало образование епархии Юга России ААЦ с центром в Краснодаре. Это способствовало усилению роли церкви в образовательной сфере, активно стало идти религиозное строительство [2].

В юбилейный 2001 год, когда праздновалось 1700-летие принятия христианства в Армении в качестве государственной религии, на Кубани усилиями армянского духовенства и национальных общественных организаций был проведен целый ряд мероприятий, посвященных этой дате.

Следует отметить, что представители армянских общин Кубани и местное духовенство ААЦ принимали участие и в юбилейных мероприятиях, проводимых за пределами края: в Москве, Кисловодске, Пятигорске, Ростовской области. 14 октября Общероссийская организация «Союз армян России», возглавляемая тогда А.А. Абрамяном, посетила с четырехдневным визитом Армению для участия в торжественных мероприятиях, посвященных юбилейной дате. В состав делегации вошли армянское и русское духовенство, представители национальных общин из разных регионов России (свыше 400 человек), прибывшие в Ереван двумя самолетами из Москвы и Краснодара. В ходе визита делегация побывала в Арцахе (Степанакерт, Шуши), посетила церковь Св. Анны в селе Малишка, Горис, Эчмиадзин, Гарни.

Итак, община в деле церковного строительства выступает не только спонсором, но и её инициатором. Тесное сотрудничество между духовенством и общиной прослеживается также в проведении мероприятий, посвященных тем или иным национально значимым событиям (например, 1700-летие принятия христианства) и во время празднования календарно-религиозных дат. Например, для школьников воскресной школы организуются экскурсии в Ессентуки, Кисловодск, Курганинск, Краснодар, Пятигорск, Сочи, во время которых они встречаются со школьниками таких же воскресных школ. «Устраивали там маленькие концерты с музыкой и танцами, мы блистали своими знаниями армянской культуры, они – своими. Обменивались опытом, обсуждали общие для всех нас проблемы. Одним словом, совмещали приятное с полезным» [3].

Нельзя не сказать и ещё об одном событии: до 1930 г. в армянском сквере г. Армавира (около гимназии № 1) была церковь, освящённая в честь известного христианского святого мученика Георгия – Сурб Геворг. Как и многие другие религиозные объекты поклонения, она была разрушена. В 2011 г. в центре сквера по инициативе Артема Григорьевича Ованесова (основателя армянской общины Армавира) был установлен Хачкар. С этого времени у армянской общины была чёткая мечта – восстановить храм. Освящение фундамента церкви состоялось в 2014 г. при участии представителей диаспоры города и епископа Мовсеса Мовсисяна. За два года было возведено здание часовни Сурб Геворг. По очертаниям часовня похожа на разрушенную церковь. Её создавали армянские мастера, туф привезли из Армении. Часовня украшена традиционной рельефной

резьбой по камню и храмовой росписью. 3 мая 2016 г. состоялось торжественное открытие и освящение часовни. Открывали новое церковное здание, глава города А.Ю. Харченко, председатель Армавирской городской Думы А.В. Поляков и руководитель местного отделения Союза армян России Г.Р. Карапетян. Глава епархии Юга России Армянской Апостольской Церкви епископ Мовсес Мовсесян возглавил торжественное освящение часовни. Во время богослужения ему помогали армянские священники со всего Юга России. По завершении церемонии епископ обратился к собравшимся: «Возлюбленные братья и сестры!.. Святые отцы говорят, что истинная церковь строится внутри духа человеческого. Камень придет – камень уйдет, но та церковь, что в душе, будет жить в вечности. И я уверен, если бы в ваших душах не было церкви, то и сегодня не было бы ее освящения. Но вы сохранили ее в себе. А народ армянский нашёл главную опору в своей трудной судьбе. И какие только трагедии мы ни переносили. Среди них самые страшные – Геноцид и не затухающий Карабахский конфликт. Но та дорога, которой идет армянский народ – дорога святой веры – помогает нам. И в любую эпоху наша главная забота – сохранить священный огонь в лампаде, зажженной святым Григорием Просветителем» [4].

Таким образом, армавирское духовенство ААЦ сыграла важную роль в возрождении религиозных традиций у армян Армавира.

Примечания

1. Симонян М. С. История армянской диаспоры Кубани [Электронный ресурс]. URL: <http://mashtots.ru/archive/history.htm>; Святой Эчмиадзин: именно в этом городе находится Католикос (правление) Армянской апостольской церкви // Павлюченков В. Армавирский коридор : сб. докум. очерков. Армавир, 2007. С. 98-104.

2. Симонян М. С. История армянской диаспоры Кубани [Электронный ресурс]. URL: <http://mashtots.ru/archive/history.htm>; Белоусов О. Армянская церковь Успения Пресвятой Богородицы // Наш Армавир. 2004. 4 февраля. С. 2; Зирин И. Армянская Успенская церковь // Армавирочка. 2000. 2 февраля. № 5. С. 1; Ованесов А. Армавирская Армянская церковь становится кафедральным собором: в жизни армавирских армян произошло знаменательное событие – церковь становится религиозным и духовным центром Юга России // Армавирский собеседник. 1999. 5 февраля. С. 1.

3. Мирзоян О. Десять языков изучите, но родной – в первую очередь // Союз армян России. 2008. Январь. № 1. С. 9.

4. Крижановский Н. В Армавире открыли и освятили часовню Сурб Геворг [Электронный ресурс]. URL: <http://sararmavir.ru/content/church/news/397/>.

M.A. Kazaryan

ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH IN THE LIFE OF ARMAVIR

The article explores the process of spiritual and religious revival of the Armenian diaspora in the 1990s – 2000s. It is noted that the process of religious revival was directly connected with the activation of national self-consciousness. It is concluded that the Armenian Apostolic Church played an important role in the spiritual and religious revival of the Armenians of the South of Russia.

Key words: Armenian Apostolic Church, Diaspora, culture, religion, revival.

В.М. Хлопкова, О.Г. Каранкова

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ С 1990-х гг. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В статье рассмотрены основные этапы, тенденции исторического образования в России с 1990-х гг. до настоящего времени. Обозначены направления методического поиска, перспективы развития исторического образования на современном этапе.

Ключевые слова: историческое образование, федеральный государственный образовательный стандарт, историко-культурные стандарт, концепция исторического образования, единый УМК по истории России.

Российское общество с 1990-х гг. переживало период глубоких социокультурных перемен, что не могло не затронуть сферу образования. При этом сложность и определенная непоследовательность реформы системы образования, в том числе исторического образования как ее идейной, мировоззренческой составляющей, была обусловлена незавершенностью процесса реформирования общества в целом.

Успех реформ в обществе во многом зависит от образовательной политики, ее системности, последовательности и результативности. Образование играет значимую роль в становлении и укреплении российской государственности, оно призвано социализировать российскую молодежь, формировать ее ценностные ориентиры. Ключевую роль в этом процессе играет система исторического образования. Именно в рамках этой системы в первую очередь формируется гражданская идентичность, актуализируется историческая память. Сегодня, спустя почти три десятилетия после начала новой исторической эпохи, актуально проанализировать образовательную политику реформирования и модернизации образования, оценить масштабы и результативность реформы российской системы исторического образования, осмыслить проблемы и тенденции развития этой системы [1].

Трансформации системы образования обусловлены не только социально-политическим, социально-экономическим развитием российского общества за последние три десятилетия, но и общемировыми тенденциями. Целью и содержанием образования в мировой педагогической практике становится сегодня не овладение определенным набором информации, а освоение способов мышления и деятельности, формирование ценностных ориентиров, позволяющих человеку проектировать свою образовательную программу. В соответствии с современными психолого-педагогическими представлениями гуманитарное, в частности историческое образование должно способствовать формированию базовых, в том числе нравственных качеств человека, его способности жить в изменяющемся мире, формированию толерантности [2].

В идеале образование должно приобрести характеристики личностно ориентированного и гуманистического, прагматически направленного, диалогичного по характеру учебного процесса, имеющего деятельностный характер, способствующего демократическому воспитанию человека, приобретению им опыта критического мышления и межкультурной коммуникации [3].

В 1990-е гг. сформировалась новая гуманистическая образовательная парадигма, в основе которой – новое место человека в обществе в целом и в системе образования в частности. В соответствии с общественным запросом система образования существенно изменилась и приобрела по многим параметрам новые качества.

В рамках процесса реформирования системы школьного исторического образования в первое десятилетие можно условно выделить ряд этапов. Первый этап (конец 1980-х гг. – 1992 г.) характеризовался процессами распада централизованной системы исторического

образования, поисками подходов к построению новой образовательной системы в Российской Федерации. Границей этапа можно условно считать принятие летом 1992 г. Закона РФ «Об образовании». На втором и третьем этапе (1992 г. – конец 1990-х гг.) были внесены дополнения к закону РФ «Об образовании». Качественными параметрами этого этапа стали начало разработки стандартов исторического образования как принципиально нового для российской педагогики явления, переход на концентрическую систему образования, продолжением поиска модели стандарта исторического образования [4].

Перемены в российском историческом образовании начались с кардинального пересмотра содержания курсов истории, что напрямую было связано с поиском новых ценностных ориентиров. Унификация содержания и планирования исторического материала сменилась вариативностью, а сохранение единого образовательного пространства было обеспечено введением государственного стандарта. Существенно изменилась и структура подачи материала с переходом от линейной к концентрической системе, с акцентом на более углубленное, проблемное изучение истории в старших классах, что в свою очередь потребовало поиска новых форм обучения.

Процесс реформирования системы образования к началу 2000-х гг. приобрел более планомерные черты, что выразилось в создании Концепции модернизации российского образования. Модернизация образования рассматривается в ней как политическая и общенациональная задача, решение которой должно обеспечить достижение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Модернизация образования включает два центральных направления – кардинальное обновление содержания образования и экономики образования. Основные задачи модернизации – повышение доступности, качества и эффективности образования, создание объективного и независимого механизма измерения качества образования [5].

В поиске средств реализации данных задач переосмысливался отечественный и зарубежный опыт преподавания истории. Методика преподавания истории призвана раскрывать пять основных факторов образовательного процесса: цели, содержание, познавательные возможности учащихся, организация процесса обучения (формы, методы, приемы и средства), результаты обучения. Так как эти факторы тесно связаны между собой, реформы неизбежно затрагивают все направления. Формулирование новых образовательных целей, пересмотр содержания исторического образования стали импульсом для поиска новых форм и методов обучения истории. Наиболее эффективными для реализации личностно и прагматически ориентированного обучения считаются активные и интерактивные методы обучения, технологии проблемного, развивающего обучения.

За последние десятилетия в образовательную систему было внедрено немало инноваций, наиболее существенными и масштабными из которых является введение ЕГЭ, обновление стандартов, переход к профильному обучению. С введением обязательного Единого государственного экзамена преподавание истории вынуждено ориентироваться на то, чтобы учащийся успешно решал тесты и выполнял задания, ориентированные не на творческое мышление, а на соответствие определенной схеме. Нацеленность на ЕГЭ требует жесткой организации учебного процесса, однозначности проверяемых знаний. Профильное обучение также вызывает немало вопросов, база для его осуществления явно недостаточна.

Современные образовательные стандарты для всех ступеней образования диктуют новые условия образовательного процесса, которые должны отразиться в методике преподавания школьных предметов, в том числе и истории. Актуализируются методические проблемы активизации познавательной деятельности учащихся, расширения сферы самостоятельной работы, проектной деятельности учащихся, организации личностно-ориентированного

обучения. Предметом мониторинга согласно новым требованиям должен стать не только результат образовательного процесса, но и сам этот процесс.

Данная тенденция определяет новые требования к подготовке педагогических кадров. Подготовка педагогических кадров сегодня является важным фактором реформирования образования. В современной образовательной системе значительное место отводится профессиональным качествам учителя истории, которые раскрываются через ключевые компетенции, отраженные в Профессиональном стандарте.

Личность учителя в современном обществе является знаковой, на учителях лежит огромная ответственность за воспроизводство духовного потенциала общества. Следует отметить, что большинство учителей 2000-х гг. в своих ценностных ориентациях отмечают приоритеты личности, семьи, интеллектуального развития, готовности отстаивать свои идеалы, толерантности. И в меньшей степени отмечают значимость материального достатка, предприимчивости, карьерного роста [6].

Серьезному пересмотру должна подвергнуться методика преподавания истории. Это не означает отказа от предшествующих наработок, но на первый план должны выйти методы, способы и приемы работы, активизирующие познавательные возможности учащихся, творческий, исследовательский подход к учебной деятельности.

Методический поиск за рассматриваемый период отличался рядом особенностей. В 1990-е гг. он носил творческий, отчасти стихийный характер, преобладала инициатива «снизу», пересмотр содержания и традиционных методов обучения истории, подготовка новых учебников и учебных пособий. В 2000-е гг. методический поиск приобрел более планомерные черты, дискуссии переместились в область мониторинга качества образования, способов его повышения.

Основными направлениями методического поиска за два десятилетия стали дискуссии по вопросам о роли исторического образования, степени регламентации исторической науки и исторического образования государством и обществом, направленности методики преподавания истории в школе (знания, умение, мировоззрение), новых технологий в обучении истории (как педагогических, так и информационных), роли и структуре учебно-методического комплекса, содержании профильного обучения истории и т. д.

Но, пожалуй, основным вектором реформирования исторического образования за последние годы стал поиск единых мировоззренческих и научных оснований для формирования структуры и содержания исторического образования. Современная образовательная политика России отражает сложный процесс поиска и формулирования общенациональных интересов в сфере образования, которые должны стать базовыми приоритетами. Один из действенных механизмов складывания современной системы ценностей и мировоззренческих установок, особенно у молодого поколения, – изучение истории в школе и вузе.

Историческое образование и формирование российской идентичности неразрывно связаны. История должна перестать быть фактором, разделяющим российское общество, стать опорой формирования современной российской идентичности, способной постоянно воспроизводить целостность и значение России как одной из определяющих сил мирового развития и международных отношений [7].

О масштабах кризиса и безотлагательной необходимости его преодоления говорит тот факт, что задача формирования российской идентичности стала краеугольной в стандартах школьного образования второго поколения. Один из базовых документов новых стандартов «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» по сути дела представляет собой теоретическую основу для разработки и решения данной задачи. На решение проблем формирования российской идентичности в новых стандартах ориентирована разработка содержания отдельных гуманитарных

предметов и особенно такого предмета, как история. Среди основных задач преподавания истории в школе в числе первых стоит задача «формирования у молодого поколения ориентиров для гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации в окружающем мире» [8].

Многолетние дискуссии выразились в разработке Концепции исторического образования, Историко-культурного стандарта и единого учебно-методического комплекса по истории России (в перспективе разработка УМК по всеобщей истории).

В концепции определены основные подходы к преподаванию отечественной истории в современной российской школе. Концепция призвана обеспечить формирование единого культурно-исторического пространства. Она дополняет и конкретизирует в методологическом, научно-историческом, общепедагогическом аспектах требования ФГОС основного общего и среднего полного образования к результатам и условиям образовательной деятельности [9].

В концепции обозначены следующие методологически значимые задачи: создание условий для получения школьниками прочных знаний по истории России, формирование целостного представления об основных этапах развития многонационального Российского государства, показать историю России как неотъемлемую часть мирового исторического процесса, раскрыть сущность исторического процесса как совокупность усилий многих поколений россиян. Названы актуальные теоретико-методологические подходы, которые должны быть отражены в учебниках истории: синхронизация российского исторического пространства с общемировым, непрерывность процесса обретения национальной идентичности, непротиворечивость раскрытия исторических событий, ясность смысла и доступность изложения материала [10]. В концепции заложено многоуровневое представление об истории, которое должно способствовать осознанию школьниками своей социальной идентичности в широком спектре (гражданин своей страны, житель края, города, представитель определенной этнонациональной и религиозной общности, хранитель традиций рода и семьи) [11].

Таким образом, в условиях непрерывного реформирования образовательного процесса последних десятилетий методика преподавания истории должна учитывать изменения требований общества и государства к школе, стать более мобильной. Большое значение имеют междисциплинарные связи, так как современное образование приобретает синтетические черты, ориентировано на формирование целого комплекса компетенций, способствующих ориентации личности в современном меняющемся мире.

Примечания

1. Вяземский Е. Е. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. С. 5.
2. Вяземский Е. Е. Государственная образовательная политика Российской Федерации // Справочник учителя истории. 5-11 классы / авт.-сост. М. Н. Чернова. М., 2008. С. 16.
3. Там же. С. 15.
4. Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Историческое образование в современной России : справочно-методическое пособие для учителей. М., 1997. 224 с.
5. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2002. С. 3-6.
6. Что думают преподаватели о 1990-х гг. и их освещении в учебниках // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 10. С. 26-27.
7. Торкунов А. В. Состояние и задачи современного российского исторического образования // Преподавание истории в школе. 2010. № 2. С. 19.
8. Соколов В. Ю. Основания построения пространства самоидентификации в школьном историческом образовании // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1. С. 89-90.

9. Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Педагогические подходы к реализации концепции единого учебника по истории : пособие для учителей общеобразовательных организаций. М., 2015. С. 10.

10. Там же. С. 11-12.

11. Там же. С. 17.

V.M. Hlopkova, O.G. Karapkova

**THE FORMATION OF THE MODERN CONCEPT OF HISTORICAL EDUCATION:
THE EVOLUTION OF THE EDUCATIONAL PARADIGM
FROM THE 1990s UNTIL NOW**

The article considers the main stages, tendencies of historical education in Russia since the 1990s until now. The directions of methodical search, the prospects for the development of historical education at the present stage are indicated.

Keywords: historical education, federal state educational standard, historical and cultural standards, the concept of historical education, a single UMK on the history of Russia.

Л.Ю. Еременко

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ**

Данная работа затрагивает основные аспекты развития экономических и социально-интеграционных процессов, которые являются одним из важнейших черт состояния современной Абхазской экономики в целом. В тексте говорится о том, что в Абхазии продолжается ослабление ее социально-экономического потенциала, углубление кризисных тенденций и усиление социальной напряженности в обществе.

Ключевые слова: интеграция, идентичность, независимое государство.

Цель развития Абхазии – это стремление ее народа к сохранению и развитию своей социокультурной идентичности, формированию безопасного, стабильного и благополучного в материальном и духовном отношении общества, в котором каждый его член может реализовать свой интеллектуальный потенциал, развивать его на благо народа [1].

Ситуация в жизни абхазского народа существенно изменилась после его вхождения в состав Российской империи, в которой люди поддерживали свою жизнь по уже существующей системе социального развития. По ней социальное будущее формировалось не «по образу и подобию» прошлого, а в соответствии с реальными нуждами людей и их социальным идеалом [2].

Лишь в конце прошлого столетия в связи с распадом СССР и образованием независимой абхазской государственности перед ее народом встала, пожалуй, впервые проблема осознанного и целенаправленного участия в развитии своего общества.

Однако провозглашение независимой государственности (принятие Конституции, формирование органов власти и управления и др.), казавшееся людям заветной мечтой, обрекало их на самостоятельное решение остро стоявшей перед ними задачи. Она состояла в возрождении страны из руин войны и вступлении в русло безопасного и стабильного развития. Решать ее приходилось спешно в условиях послевоенной разрухи и международной изоляции, а также острого дефицита нового технологического опыта и человеческих ресурсов.

Возможность для перехода к новой технологии жизнеобеспечения, в том числе и к проектированию социально-экономического развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу, возникла в связи с признанием в 2008 г. суверенности абхазской государственности Россией и некоторыми другими странами. Признание независимости Абхазии явилось гарантом ее безопасности, что было подтверждено в Договоре «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», заключенном между РФ и РА 17 сентября 2008 г. [3].

Предполагалось поэтапно открыть границу Абхазия – Россия и уничтожить любые препятствия для свободного перемещения рабочей силы, товара и капитала, усилить взаимодействие в сферах здравоохранения, обороны, охраны правопорядка, безопасности, повысить уровень жизни абхазского народа, что в настоящее время немаловажно!

Данная тема довольно актуальна еще и потому, что абхазский народ борется с такими глобальными проблемами, как демографическая ситуация, проблема голода, нищеты и болезней, проблема сохранения мира, разоружения и другие. И решение всех вышеперечисленных проблем в большей степени зависит от уровня развития экономической интеграции и желания народа изменить свою жизнь.

Таким образом, Абхазии предстоит решить комплекс проблем экономического, политического и социального характера. Основным вектором экономики Абхазии является дальнейшая интеграция с российской экономикой.

Примечания

1. См.: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры Абхазии. Сухуми, 1973.
2. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991. Раздел III [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/567-istoriya_abkhazii_uchebnoe_posobie_1991_razdel_3.html (дата обращения – 20.03.2017).
3. Барганджия Г. Ю. Экономическое состояние и ресурсный потенциал Республики Абхазия. Сухум, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://apsnyteka.org/> (дата обращения – 21.03.2017).

L.J. Eremenko

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

This research work touches upon the main aspects of the development of economic and social integration processes, which are one of the most important features of the current state of the Abkhaz economy as a whole. The text says that in Abkhazia its social and economic potential continues.

Keywords: integration , identity, independent state.

РАЗДЕЛ II

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

С.В. Назаров

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ ГЕРМАНИИ

В статье, исследуются особенности преподавания истории в школах Германии. Делается вывод, что преподавание истории зависит от типа школы. Опровергается тезис о том, что в Германии отсутствует государственная регламентация в сфере преподавания истории, а учитель и ученики полностью свободны в выборе интерпретации исторических фактов. Отмечается схожесть германских компетенций, которые формируются у учащихся на уроках истории с российскими компетенциями.

Ключевые слова: образование, преподавание истории, учебный план, компетенции, концепция.

Принятие единого культурно-исторического стандарта и единых учебников по истории России оживили дискуссию о методике преподавания исторических дисциплин в школе. При этом противники унификации исторического образования зачастую обращаются к позитивному опыту преподавания истории в Германии, а в качестве аргументов приводят, что «никакой разрядки по поводу той или иной трактовки прошлого немецким учителям никто дать не может по одной простой причине: какую бы то ни было “единую” историю в Германии не преподают. Школьники должны не заучивать “правильные” трактовки, а анализировать, самостоятельно интерпретировать исторические факты» [1]. В то же время главным минусом отечественной методики изучения истории называют механическое заучивание фактов и их «официальную» трактовку. Отчасти соглашаясь с данными утверждениями критиков, хотелось бы более подробно остановиться на особенностях преподавания истории в германских школах.

Свой анализ начнём с утверждения критиков о том, что «никакой разрядки в отношении преподавания истории в Германии не существует». Этот тезис на проверку оказывается не совсем истинным. Во-первых, уже ст. 7 Конституции ФРГ указывает, что «всё школьное дело находится под надзором государства» [2]. Да и сложно найти такое государство, которое отказалось бы использовать образование, и преподавание истории в частности, для воспитания гражданина (подданного) формата необходимого этому государству. Другое дело, что воспитание это может осуществляться разными способами, исходя из политических и культурных реалий этого государства.

Во-вторых, в сравнении с Россией Германия не имеет единого закона об образовании, в каждой земле он свой, но цели образования в этих законах общие, такие как, например, в законе об образовании в Баварии: «...воспитывать в духе терпимости, миролюбия и уважения к другим людям, признания культурных и религиозных ценностей, распространять знания истории, культуры, традиций и обычаев особенно Баварии и формирование любви к Родине...» [3]. При этом в каждой земле принимается и свой «Kernlehrplan!» (Основной учебный план), который является руководством для школьных учителей. Правда, отмечу, что в отличие от отечественных бюрократов в образовании, немецкие не настаивают на включении в школьные планы по предметам перечень нормативно-правовых актов, на основе которых он составлен. Отсюда такой план видится более демократичным, ведь он не основан на директивных указаниях!? Однако обратим внимание на содержание «Kernlehrplan» по истории для гимназий, которые в Германии являются наиболее престижными школами, и окончание которых даёт право поступления в университет.

В основе школьного образования в Германии также лежит, столь хорошо знакомый отечественным педагогам, компетентностный подход. Поэтому обратимся к школьным планам по истории и посмотрим, какие компетенции формирует обучение истории. Итак, согласно «Основному учебному плану» земли Нижняя Саксония, преподавание истории направлено на то, чтобы «сформировать знания, умения и навыки, которые обучающийся сможет использовать в конкретных ситуациях... Учащиеся компетентны, если умеют использовать имеющиеся знания; умеют получать необходимые знания; умеют творчески использовать знания в принятии решений, умеют на практике использовать имеющиеся знания, умения и навыки» [4].

Большее внимание формируемым компетенциям уделяют составители «Kernlehrplan» земли Северный Рейн-Вестфалии. В первом разделе («Vorbemerkungen: Kompetenzorientierte Lehrpläne als neue Form der Unterrichtsvorgaben für die Fächer des Lernbereichs Gesellschaftslehre»), достаточно основательно рассматривается роль школы в формировании определённых компетенций у учащихся, при этом отмечается, что сама школа определяет, какие компетенции должны сформироваться у учащихся в ходе изучения истории в контексте преподавания других социальных дисциплин. В то же время указывается, что учащиеся должны понимать исторический процесс, уметь выделять факторы, влияющие на формирование общественных отношений, а также осознавать роль личности в истории. В плане воспитания политической культуры, знания по истории должны сформировать умения грамотно судить о текущих политических процессах, их связи с социальной и экономической сферами, а также прочности демократии.

В заключение раздела подчеркивается, что назначение истории, как и других социальных дисциплин, заключается в формировании четырёх базовых компетенций:

- Sachkompetenz,
- Methodenkompetenz,
- Urteilskompetenz und
- Handlungskompetenz [5].

Итак, как показал проведённый анализ существенных разногласий в определении формируемых компетенций в ходе преподавания истории, между школами различных германских земель не существует.

Теперь обратимся к содержанию и методике преподавания истории, по мнению ряда исследователей [6] здесь наблюдаются существенные расхождения и даже царит, по мнению журналистов, «федеральный хаос». Отчасти с данным утверждением мы согласимся, так как «региональные» особенности преподавания существуют, особенно между восточными и западными землями. Например, в первых чуть больше внимания уделяется изучению «социалистического прошлого», во вторых больше уделяется «аспектам покаяния» немцев за злодеяния периода нацизма. Однако преподавание истории, в частности количество часов, выделяемых на историю, их соотношение между различными периодами истории, фактическое наполнение курсов, методика преподавания и т. д., зависит в первую очередь от типа школы. Так, в Баварии история в школах *Hauptschule* преподаётся единым предметом с социологией и географией (Geschichte/ Sozialkunde/ Erdkunde) с 5 по 10 класс (5 и 6 классах – 2 часа в неделю, 7-10 классах – 3 часа в неделю) [7]. В школах *Realschule* преподавание истории осуществляется отдельным предметом с 6 по 10 класс два часа в неделю (не более 52 часов в год). Аналогичное соотношение в часах мы встречаем и в других землях Германии.

Теперь обратимся к содержанию курса, и вот здесь мы уже находим существенное расхождение. Так, преподавание истории в *Hauptschule*, носит слишком поверхностный характер. Например, в 5 классе изучаются только темы человек в древности (1 ч.), египетская цивилизация (2 ч.) и Древняя Греция, а точнее Афины (2 ч.). В 6 классе изучается

Римская империя (1 ч.), Южная Германия в период Римской империи (1 ч.), падение Римской империи и миграции германских племён (1 ч.). Ещё один час выделяется для работы с картами и источниками. Далее ученики изучают Баварию – природно-климатические, экономические и политические особенности – (4 ч.), тему «Отдых» – 3 ч., после чего возвращаются к изучению средних веков – 5 ч. При изучении этой темы рассматриваются такие вопросы как: 1) Империи в средние века; 2) Условия жизни в средние века; 3) Формы жизни (деревенская, монашеская, рыцарская, городская); 4) Встреча с исламом в средние века. Ещё один час выделяется на поездку в средневековый памятник в своем регионе.

В школах *Realschule* преподавание истории в 6 классе по содержанию очень близко к преподаванию Древнего мира в России, за исключением того, что в Германии не рассматривается история Древнего Китая и Древней Индии, зато включена тема посвящённая возникновению ислама. Более углублённое изучение истории по сравнению с *Hauptschule*, мы наблюдаем и при изучении средних веков в 7 классе. Темы и их содержание почти сходны с курсом истории средних веков в России, за исключением того, что история Востока рассматривается только в контексте Крестовых походов, при этом большее внимание уделяется истории Германии в средние века, особенно заостряется внимание на Реформации. Изложение средних веков завершается событиями Тридцатилетней войны и подписанием Вестфальского мира [8].

Такие расхождения в наполняемости курсов по истории между программами школ *Hauptschule* и *Realschule* характерно и для последующих классов, при этом знакомство с учебным материалом и компоновка тем в рамках изучения *Geschichte / Sozialkunde / Erdkunde* в *Hauptschule*, порождает чувство, что главной целью этого курса является не расширение «багажа» знаний учащегося, а формирование у него особых качеств, таких как толерантность, гражданственность, законопослушность и т. д.

Совсем иной уровень преподавания истории мы наблюдаем в гимназиях, в которых история изучается в 5-12 классах. Во-первых, изучение истории предполагает два уровня. Первый уровень с 5-10 классы предусматривает изучение всего курса истории. При этом в отличие от *Realschule* в гимназических курсах истории происходит с одной стороны расширение изучаемого исторического пространства, так, при изучении истории древнего мира учащиеся изучают уже Месопотамию, Израиль, Крит, Микены, Спарту, Трою и т. д. С другой стороны происходит и углубление изучения истории. Всего на изучение истории древнего мира и средних веков (до Реформации) в 5-6 классах отводится 104 часа.

Второй уровень изучения истории в 11-12 классах предполагает углубленное изучение определённых тем. Например, для гимназий Баварии предлагаются на выбор четыре спецкурса: 1) Индустриализация история и современность; 2) Пути образования нации в 18-19 вв.; 3) Демократия и диктатура национал-социализма; 4) Германия в период противостояния двух систем [9].

Что касается немецких учебников, то при всём их разнообразии они имеют четкую структуру: иллюстрации, текст и схемы. То есть сначала вы читаете текст, рассматриваете иллюстрации, а в конце учебника есть схема, которая структурирует полученную вами информацию. При этом, как и в российских учебниках, вопросы к параграфу нацелены на формирование определённых взглядов, в русле определённой исторической концепции, что особенно наблюдается при изучении новейшей истории, но это уже особая тема, заслуживающая особого внимания. Позитивной стороной изучения истории в германских школах, несомненно, является то, что большое внимание уделяется методике работы с источником, обработки и критической оценки информации. В программах по истории для *Realschule* и гимназий выделены специальные часы, посвящённые обучению школьников этим навыкам. В теории это подразумевает и преподавание истории в России, но на практике у учителя чаще всего до этого «не доходят руки».

Примечания

1. Шуман Е. Почему в Германии нет единого учебника истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ruB8/a-17620059>.
2. Конституция ФРГ.
3. Bayerisches Gesetz über das Erziehungs- und Unterrichtswesen (BayEUG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 31. Mai 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayEUG/true?AspxAutoDetectCookieSupport=1>.
4. Kerncurriculum für das Gymnasium Schuljahrgänge 5–10. Geschichte. Hannover, 2008. S. 5.
5. Kernlehrplan für das Gymnasium – Sekundarstufe I (G8) in Nordrhein-Westfalen. Geschichte. Düsseldorf, 2007. S. 12-13.
6. Михайлова Н., Кипнис Д., Кипнис А. Школьное образование в Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/TEXTBOOKS/GERMAN/schule.txt>.
7. Lehrplan für die bayerische Hauptschule. München, 2004. S. 442.
8. Lehrplan für die bayerische Realschule. München, 2004.
9. Rahmenrichtlinien. Gymnasium. Geschichte. Schuljahrgänge 5–12. München, 2002. S. 13.

S.V. Nazarov

FEATURES OF TEACHING HISTORY IN SCHOOLS OF GERMANY

In the article, the features of history teaching in German schools are explored. It is concluded that the teaching of history depends on the type of school. Refuted the thesis that in Germany there is no regulation in the field of teaching history, and the teacher and students are completely free to choose the interpretation of historical facts. The similarity of German competences, which are formed among students in history lessons with Russian competences, is noted.

Keywords: education, history teaching, curriculum, competences, concept.

К.Р. Зевалкин

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЧЕРЕЗ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ АНГЛИЙСКОЙ И ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

В статье проводится сравнительный анализ особенностей революционного террора Английской и Великой французской революций. Определяются особенности революционного террора в Англии и во Франции. Отмечается влияние лидеров революции Кромвеля и Робеспьера на формирование разновидностей революционного террора.

Ключевые слова: революция, террор, якобинцы, заговор, жертва, власть.

Для понимания заявленной проблемы представляется целесообразным сначала дать определение термину террор. Террор происходит от латинского *terrege*, что означает «пугать» или «трепещет». Как мы видим, основная цель любой революционной машины террора – это вызвать страх, панику, которые в результате могут дать желаемое смирение народа перед властью. Понятие революционного террора впервые стало использоваться в годы Великой Французской революции. Якобинцы, использовали этот термин при обосновании проводимой ими политики. Террор стал масштабной кампанией против врагов народа, в результате за период чуть более года было убито по разным подсчётам историков от 16 000 до 40 000 человек. В своих речах лидеры якобинцев не просто оправдывали свою политику, но и обосновывали её как единственно возможную для преобразования общества.

Террор Французской революции обрёл своего провозвестника 12 сентября 1789 г., когда свет увидел первый номер газеты Марата. В 1790 г. он писал, что «несколько ввремя отрубленных голов надолго остановят врагов общества». Когда он говорил о том, что бы отрубить «несколько голов», он вкладывал в эти слова смысл, отличный от общепринятого. Как справедливо заметил П. Гениффе, «для него “несколько голов” с таким же успехом могли означать несколько тысяч. В июле 1790 г. он сожалел, что в жертву не принесли 500 преступников, чья смерть позволила бы хоть на некоторое время, обеспечить счастья нации. Месяц спустя число жертв, подлежащих закланию, поднялось до 600, к концу года подскочило до 20 тыс., после падения монархии удвоилось и к ноябрю 1792 г. достигло весьма точной цифры в 270 тыс. предателей, подлежавших уничтожению. Такое насилие прискорбно, но неизбежно и даже гуманно, если вспомнить о 20 тысячах патриотов, уже убитых, как уверял Марат, контрреволюцией, и ещё о 500 тысячах, приговорённых ею к смерти» [1].

Многие англичане, современники Французской революции отмечали безжалостность революционной машины террора, заявляли, что во Франции установился настоящий ад (Сэр Эдмунд Бёрк и др.). Означало ли это, что революционный террор стал присущ революциям лишь начиная с французских потрясений? Или всё-таки это имманентное явление любой гражданской войны? Ведь в основе революционного террора лежат объективные причинно-следственные связи.

Что бы лучше понять разновидности революционного террора, необходимо провести параллели двух главных лидеров революций: О. Кромвеля и М. Робеспьера. Один из них военный гений, который реконструировал армию революции (создал армию нового образца), что и привело его к победе. Другой – адвокат, обладающий ораторским искусством, сумел вдохновить народные массы, которые и привели его к вершине власти, можно образно выразиться, что он стал диктатором при «помощи всего нескольких слов». Такие похожие и такие разные. Однако многие исследователи отрицают диктатуру Кромвеля, и как факт доказывают, что он был лучшим лидером, потому что, несмотря на все его недостатки, ему не нужно было править через страх, его люди вели мирную, мрачную и безрадостную жизнь, но всё же жили. В то время как Робеспьер развернул в стране массовый террор, которого мы не наблюдаем в Английской буржуазной революции. Поэтому в первом случае ведётся речь о радикальных силах, а во втором, о революционном терроре.

Не меняет данный стереотип и те факты, что Кромвель стал «убийцей» короля, потом изгнал из парламента пресвитериан и другие религиозные группы, в результате в парламенте остались только пуритане. В конечном счёте, он разгоняет парламент и начинает править как лорд-протектор. Человек, который боролся, чтобы свергнуть абсолютного монарха заканчивается свою политическую карьеру диктатором. Ирония судьбы [2].

Аналогично и Робеспьер, выступает за казнь Людовика XVI [3], при этом, начинает неплохо управлять страной после очередного переворота: сначала сделал множество полезных вещей, таких как расширение прав и свобод граждан Французской республики, упразднил многие феодальные пережитки, ограничил власть церкви... Однако, когда слухи об антиреволюционном заговоре с целью свержения правительства распространились в Париже, он начал массово убивать всех подозрительных, по мнению Бачко, это понятие стало основой всей системы террора [4].

Сначала по одному, потом десятками и, в конечном счёте, сотнями и так далее. Стоит сказать, что сам Робеспьер был искренним противником смертной казни. «Смертная казнь необходима, говорите вы. Если это правильно, то почему многие народы смогли обходиться без неё, и по какой случайности эти народы были наиболее мудрыми и наиболее счастливыми? Если смертная казнь является более пригодной для предупреждения крупных преступлений, то у тех народов, которые щедро её применяли, эти преступления

должны были быть более редкими. А на деле происходит как раз наоборот... Итак, нужно признать, что счастье общества не связано со смертной казнью, ибо общество, не обладающее добрыми нравами свободного народа, продолжает существовать и при отмене в нём смертной казни. Нужно верить тому, что мягкий, чувствительный благородный народ, который населяет Францию, и все добродетели которого разовьются благодаря режиму свободы, будет гуманно обращаться с виновными, согласиться с тем, что опыт и благоразумие разрешают вам санкционировать принципы, на которые опирается моё предложение об отмене смертной казни» [5].

Ещё более парадоксальный исторический случай. Целостная концепция «революционного порядка управления» была оглашена Робеспьером в двух его речах – «О принципах революционного правительства» (5 нивозе II г. – 25 декабря 1793 г.) и «О принципах политической морали» (17 плувиоза II г. – 5 февраля 1794 г.). К этому моменту террористическая система уже функционировала. 17 сентября 1793 г. принимается знаменитый закон о «подозрительных», на основании которого было вынесено большинство постановлений об аресте за весь период якобинской диктатуры [6].

Итак, мы видим, что вопрос сводится, прежде всего, к численности жертв, что, и позволяет исследователям отрицать политику революционного террора в английском революционном опыте.

Кромвель, имея опору в лице армии, просто не нуждался в массовых репрессиях, хотя и создал полицейский режим. Его правление было более стабильным и как результат, он умирает в 1658 году от естественных причин, в своей постели, передав правление своему сыну. Кромвель был торжественно похоронен в королевской усыпальнице, расположенной в Вестминстерском аббатстве.

У Робеспьера не было такого авторитета в армии, поэтому чтобы спасти революцию он был вынужден править исключительно через страх. Но после того как он осудил так много людей на смерть, в том числе и своих близких друзей соратников, он сам пал жертвой террора, той машины действие которой он запустил. После неудачной попытки застрелиться (историки до сих пор спорят, – пишет Е. Черняк, – было ли ранение Робеспьера в челюсть результатом попытки самоубийства, или это след от пули жандарма, ворвавшегося в Ратушу. Существует посмертная маска, будто бы снятая с Робеспьера. По ней видно, что наряду со следом от пули, выпущенной в подбородок, видно и другое повреждение нижней челюсти – результат выстрела, произведенного сзади. Именно это ранение не давало Робеспьеру возможности говорить. Таким образом, подтверждается подозрение, высказанное ещё современниками. Один из них – Малле дю Пан – писал по свежим следам событий 9 термидора о том, что заговорщики решили заставить Робеспьера молчать), он был арестован и обезглавлен вместе со своим ближайшим окружением (его брат Огюстен, Сен-Жюст, Кутон, Леба и др.). Могилы Робеспьера не существует, возможно, его останки покоятся вместе с казненными 10 термидора его сподвижниками в безымянной могиле на малоизвестном даже коренным парижанам кладбище Пик-Пюс («Лови блох»), где захоронены 1 306 «врагов нации и революции». Тела казненных обычно сбрасывали во рвы и засыпали известью, поэтому неудивительно, что нет никаких памятников и нет никаких опознавательных знаков [7].

Что касается «дальнейшей судьбы» О. Кромвеля, то его подвергли, так называемой «казни мёртвых». В конце января 1661 г. его тело изъяли из склепа и доставили в Лондон. На городской площади тело вздёрнули на виселице при огромном стечении людей. Но этим экзекуция не ограничилась. Труп вынули из петли, отчленили ему голову и водрузили на кол прямо возле королевского дворца. Затем тело изрубили на сотни мелких кусков и бросили их в городскую канализацию [8].

Таким образом, судьба двух лидеров выявляет проявления двух разновидностей революционного террора, что позволяет сделать вывод о закономерности данной политики в условиях революции. Но, несмотря на данную объективность, стоит отметить, что в каждой революции будет своя специфика, зависящая как от объективных условий развития страны, так и личностных качеств лидера.

Примечания

1. Гениффе Патрис Марат – идеолог террора // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 150-151.
2. Подробнее о О. Кромвеле и его времени см.: Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1960; Барг М. А. Великая английская революция в портретах её деятелей. М., 1991; Ковард Б. Оливер Кромвель : [пер. с англ. О. А. Гуньковой]. Ростов н/Д., 1997; Хилл К. Английская революция. М., 1947 и др.
3. Процесс и казнь Людовика XVI [Электронный ресурс]. URL: https://yadi.sk/d/-DVvnkkr2aC_O.
4. Vaszko V. Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Revolution. P., 1989. P. 80.
5. Робеспьер М. О смертной казни. Речь в Учредительном собрании 30 мая 1791 года // Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т. 1. С. 149-154.
6. См.: Террор в Порядке дня! 1793-94 гг. (подборка документов) [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/31671/1793-1794_terreur-ordre-du-jour_doc_z_1926.pdf; Документы истории Великой Французской революции. М., 1990. Т. 1.; Тэвдой-Бурмули А. И. Логика торжества добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/30558/2003_a-v-ado_robepierre_a-i-tevdoi-burmuli.pdf.
7. Где похоронен Робеспьер [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/35235763>.
8. Казнь мёртвых [Электронный ресурс]. URL: http://www.factruz.ru/bad_force_2/execution-dead.htm.

K.R. Zevalkin

REVOLUTIONARY TERROR: STATEMENT OF THE PROBLEM THROUGH THE COMPARISON OF THE LEADERS OF THE ENGLISH AND GREAT FRENCH BOURGEOIS REVOLUTIONS

The article compares the features of the revolutionary terror of the English and Great French Revolutions. Features of revolutionary terror in England and in France are determined. The influence of the revolution leaders Cromwell and Robespierre on the formation of varieties of revolutionary terror is noted.

Keywords: revolution, terror, Jacobins, conspiracy, sacrifice, power.

В.В. Назарова

ЯПОНСКАЯ ЖЕНЩИНА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ: К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗА

В статье рассматривается формирование образа японской женщины в европейской культуре, и его дальнейшее влияние на восприятие японок европейскими мужчинами. Указываются основные документы путешественников, агентов и дипломатов, а также литературные произведения, повлиявшие на стереотипное восприятие японской женщины. Делается вывод, что, несмотря на значительные изменения, произошедшие в положении японки в XX веке, её образ в европейской культуре по-прежнему носит стереотипный характер, несоответствующий действительности.

Ключевые слова: образ, женщина, стереотип, Япония, литература, красота.

Восприятие «чужого» всегда подчинено определённым стереотипам, которые утвердились в сознании людей собственной культуры. Что было и что сейчас известно иностранцам о японцах? Менялись ли их представления после непосредственного контакта с носителем этой цивилизационной модели? Или столкнувшись с реальностью, иностранцы начинали притягивать уже привычные их сознанию образы?

Нельзя не вспомнить лекцию Мицуёси Нумано, в которой профессор поднимает проблему влияния стереотипов на восприятие японских мужчин и женщин в России: «К сожалению, прежде всего я должен огорчить Вас, говоря, что я никакой не самурай и хотя у меня жена – японка, она тоже не гейша. К тому же, должен добавить, что в Японии сегодня не осталось ни одного настоящего самурая... Зато, как ни парадоксально, в России сегодня везде есть самурай и гейша. Я имею в виду то обилие довольно стереотипных образов японцев, которые существуют сегодня в массовой культуре в России... Итак, надо заключить, что образовался довольно серьёзный разрыв между массовыми, часто идеализированными или просто искажёнными образами традиционной Японии, которой уже давно нет, и такой реальной Японией, какая она есть в Японии» [1].

Исследуя записки путешественников, особенно второй половины XX века, когда статус японки менялся вместе с модернизирующим японским обществом, не может не заинтересовать тот факт, что, даже довольно высоко образованный иностранец, автоматически ассоциирует с японкой традиционный образ: послушной, покорной, тихой восточной женщины.

Ещё в первой половине XX века, описывая своё путешествие Бернгард Келлерман, особое внимание уделил внимание нескольким образам японок: прежде всего – это гейши, которые оставили самое большое неизгладимое впечатление: «Девушки были в шёлковой вышитой одежде, с широким, блестящим поясом с длинными концами. Их чёрные, как смоль, волосы были искусно причёсаны и слегка издавали запах китайской туши. Это были нежные маленькие создания. Их хорошенькие личики были напудрены, губы подкрашены, а брови нарисованы кисточкой в совершенно косом направлении. Ручки у них были маленькие и выхолненные...» [2]. Автор затрагивает образы женщин живущих в публичных домах, служанок, уважаемых жён и актрис театров, но все эти образы отражают подчинённое положение женщины по отношению к мужчине, она прекрасна, сотворена богами для радости и продолжения рода. Данное положение японок проявлялось во всём: в низких поклонах, в услужливом поведении, и даже в бытовых мелочах: «Перед вечером все пассажиры брали ванну. Чан, стоящий на баке за маленькой дощатой перегородкой, наполнялся кипятком. Красные, как рак, фигуры людей, от которых поднимался пар, толпились вокруг чана, и там господствовало большое, весёлое оживление. Все радовались горячей ванне. Сначала купались мужчины, потом женщины» [3].

Иностранцы, практически до начала XX века, больше воспевали красоту тихой японки. Возможно, это было связано с тем, что именно образ покорной женщины Японии сложился не только в массовом сознании, но и в среде интеллектуальной элиты России и Европы. О Японии мечтали многие поэты и писатели, политики и путешественники, некоторым посчастливилось побывать там и описать свои впечатления, другим пришлось ограничиться собственным воображением и тем образом японок, который господствовал в их собственной культуре. Поэтому не случайно многие возвращались к традиционным стереотипам сложившимся ещё в XIX – начале XX вв., преодолеть которые не удаётся и по сей день, так как именно в этих образах заключается привлекательность, загадочность Японии.

Многие современные исследователи, характеризуя положение современной японской женщины, по-прежнему приводят стихотворение Константина Бальмонта «Японке»:

*Японка, кто видал японок,
Тот увидал мою мечту.
Он ирис повстречал в цвету,
Чей дух душист и стебель тонок.
Японка, ты полуребёнок,
Ты мотылёчек на лету,
Хочу вон ту и ту, и ту,
Ты ласточка и ты котёнок.
Я слышал голос тысяч их,
Те звуки никогда не грубы.
Полураскрыты нежно губы –
Как будто в них чуть спетый стих.
Всегда во всём необычайна
Японка – и японцу – тайна. (Май, 1916) [4].*

В этой связи, нельзя не вспомнить слова В. Овчинникова: «Покорная рабыня или властная повелительница? О роли женщины в японской семье среди иностранцев ходит больше всего легенд. И, пожалуй, с ней же связано больше всего заблуждений. Ещё в довоенные годы обрёл популярность каламбур о наилучшем выборе в жизни: «иметь американскую зарплату, английский дом, китайского повара и японскую жену». Экзотический образ Чио-Чио-сан, созданный французским писателем Лоти и итальянским композитором Пуччини, надолго утвердил представление о японках как о существах удивительно женственных, безраздельно преданных и неизменно покорных. Мнение о современных Чио-Чио-сан всегда было идеализированным. Даже у иностранцев, проживших полжизни в Японии, не говоря уже о мимолетных туристах. Оказавшись в Токио в 1960-х годах, я каждое утро видел, как жёны всех моих соседей по переулку выходили за порог, дабы низким поклоном проводить своих супругов на работу. Словом, многие приметы местной жизни дают повод думать, что японская женщина – само воплощение покорности мужчине. В действительности же дело обстоит не совсем так... Реальной властью в доме и семейным кошельком обладает женщина. Хотя все положенные почести при этом воздаются номинальному главе семьи – мужчине» [5].

Как мы видим, не стареющим оказался и образ Чио-Чио-сан. Постоянно будоражило мысль иностранцев не раскрытая тайна гейши:

*И ждущу: к Японии счастливой
Продлишь ты бег свой торопливый –
В страну художества и нег –
Чтобы воспеть строфой игривой
Улыбку гейши шаловливой
И Фудзиямы вечный снег... (1926) [6].*

В погоне за «мифологическим» образом японки, многие иностранцы старались не замечать происходящих перемен. Однако действительность 20-30-х годов XX в. безжалостно перемалывала прежние представления о прекрасном поле. Это хорошо видно по той рекламе, которая широко распространилась в японских городах. Следует заметить, что в качестве рекламных моделей выступали почти исключительно женщины. Они рекламировали спиртные напитки, одежду, лекарства, средства гигиены, путешествия, бытовую технику (часы, радиоприемники).

Пиво «Sakura», 1928-1932

Свойственное для традиционного японского общества осмысление женщины, как существа, угождающего мужчине и заботящегося о нём, в полной мере проявилось и сейчас – именно женщина подносила бокал пива, предлагала выпить сакэ и послушать радио, лечила, приглашала в путешествие. Некоторые модели были одеты в европейское платье, но многие щеголяли и в кимоно. Но и кимоно не могло «спасти» «чисто» японскую красоту. На самом деле на рекламных плакатах того времени были представлены японские женщины, мало похожие на «настоящих» японок. Многие модели были стрижены по-европейски, некоторые делали завивку. Их миндалевидные глаза потеряли характерный для монголоидов разрез и черный цвет. Кожа была не тёмной, а белой, губы – ярко-красными, на щеках «играл» румянец, нанесенный с помощью косметики. Эти губы растягивались в широкой «голливудской» улыбке, совершенно не свойственной для образа традиционной японки. Улыбка обнажала зубы, что прежде считалось совершенно неприличным (обнаженные зубы – признак злодейства и агрессивности). Пальцы украшали кольца, отсутствовавшие в списке традиционных женских аксессуаров. Можно было увидеть и красавицу с розами, которые раньше выступали в качестве растения, характерного для «коварного» Запада, доказательством чего служили спрятавшиеся за ярким цветком шипы [7].

В Европе второй половины XX века, ходило множество мифов о японских женщинах и их красоте. Жан-Пьер Шаброль, отмечал, что мысль о возможности полететь в Японию его не взволновала: «я и без того знал все побасенки про японок и японские страсти. Нежные или похотливые, игривые или галантные, милые японские истории напичканы сладострастием и развратом...» [8]. Столкнувшись с действительностью, автор смог нарисовать разнообразные женские образы, поражаясь женственностью японок. Только по этим записям можно нарисовать многогранный образ японской женщины. Где-то путешественник исходил из уже устоявшихся во Франции представлений о японках, где-то пытался примерить к их взаимоотношениям полов европейские мерки. «Водушевившись, тётя и племянница взяли меня под руки, чтобы опять увлечь вперёд. Заметив моё недоумение, мадам Мото пустилась в объяснения, из которых я понял, что брать под руку женщину на улицах Токио – последнее хамство, зато, наоборот, в высшей степени галантно предложить ей свою» [9]. Или: «На пороге холла я пропустил женщин вперёд. Мистер Танака колко заметил мне, что это типично европейский обычай и что его спутник и он подчиняются ему только из уважения ко мне. Я невольно подумал, что если он действительно близкий друг мадемуазель Ринго, то моей Рощице

уготована “весёлая” жизнь» [10]. То, что японские женщины называли послевоенной свободой, для француза – это было полное подчинение женщины, хотя сами японки воспринимали своё положение иначе. В стране появились даже исследования посвящённые восприятию японцев иностранцами, в том числе их семейных обычаев, положение японки и многое другое. Авторы особое внимание уделяли существующим расхожим мифам, рассматривая причины их появления [11].

В контексте новых историко-политических событий и острых социальных противоречий многие европейцы обратились к судьбе и жизни современной им японской женщины. Используя устоявшиеся штампы и стереотипы, во многом объясняли подчинённое положение японки. Что касается представителей социалистического лагеря (Ульрих Макош, Н.Т. Федоренко и др.) основное их внимание было сосредоточено на рабочих женщинах Японии, их тяжёлых буднях и низкой заработной плате, но это уже отдельная тема, требующая более подробного анализа.

Примечания

1. Лекция профессора Нумано «Не только самурай и гейша» (Библиотека Иностранной Литературы в Москве 13 октября 2000 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://japonia.ru/info/new_window.php?id=284.
2. Келлерман Б. Страна хризантем : [пер. Э. Пименовой]. Ленинград, 1927. С. 9-10.
3. Там же. С. 191.
4. Подборку стихов см.: Молодяков В. Э. «Где гейши веселы, там весел звон» (Экзотическая Япония глазами русских поэтов) // Российский японоведческий журнал. М., 2011. № 2. С. 104.
5. Овчинников В. Чио-Чио-сан XXI века. Роль женщины в японской семье // Российская газета. 2010. 4 марта.
6. Перцов П. Ответ Д. П. Шестакову (на письмо из Владивостока) // Молодяков В. Э. Сны о Японии // Российский японоведческий журнал. М., 2010. № 1. С. 116.
7. Мещеряков А. Н. Япония первой половины XX в.: дискуссия о цвете кожи [Электронный ресурс]. URL: <http://east-west.rsuh.ru/article.html?id=113363>.
8. Шаброль Ж.-П. Миллионы, миллионы японцев : [пер. с фр.]. М., 1970. С. 21.
9. Там же. С. 31.
10. Там же. С. 87-88.
11. См.: Саканиси Сио. Гайдзин ёри мита нихондзин (Японцы глазами иностранцев). Токио, 1949; Токутоми Митиро. Сото ёри митару нихондзин (Как японцы выглядят со стороны). Токио, 1965.

V.V. Nazarova

JAPANESE WOMAN THROUGH THE EYES OF FOREIGNERS: TO THE QUESTION OF IMAGE STYLING

The article considers the formation of the image of a Japanese woman in European culture, and its further influence on the perception of Japanese women by European men. The main documents of travelers, agents and diplomats, as well as literary works influencing the stereotypical perception of the Japanese woman are indicated. It is concluded that, despite significant changes in the position of Japanese women in the twentieth century, its image in European culture still has a stereotyped character that does not correspond to reality.

Keywords: image, woman, stereotype, Japan, literature, beauty

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОТОИСКУССТВА В ЯПОНИИ

На формирование и развитие фотоискусства в Японии повлиял целый комплекс социально-политических и историко-культурных процессов, но японцы смогли, перенеяв опыт других стран, создать свои абсолютно уникальные направления. Популярность фотографии привела к тому, что именно в Японии были созданы все крупнейшие компании – производители фототехники. И сейчас японские фотографы – одни из лучших в мире.

Ключевые слова: японская фотография, история фотографии, Япония, фототехника, стиль укиё-э.

Как и на многие культурные процессы, на развитие фотографии [1] в Японии большое влияние оказали исторические события и географическое положение. Так как Япония расположена на островах, это привело к тому, что в XVI в. она изолировалась от других государств. Под страхом смертной казни японцам было запрещено покидать пределы своей страны, строить большие суда, пригодные для дальних плаваний. Страна была практически закрыта и для иностранцев – исключение было сделано только для голландцев и китайцев, которым разрешалось (с ограничениями) вести торговлю. Только в середине XIX века Япония была вынуждена отказаться от вековой изоляции под давлением крупных стран, стремившихся «свободно торговать» [2].

Однако даже в период изоляции Японии удавалось впитывать культуру других стран и учиться новому. Еще в 1646 году голландцы привезли в Нагасаки первую камеру-обскуру [3]. Ее называли «фотографическое зеркало» или «донкуру каамеру», описания этой камеры есть во многих трудах. Со временем эти камеры получили в стране широкое распространение.

Датой возникновения фотографии считается 1839 год, но для Японии знаковым стал 1853 год, когда в страну прибыли «черные корабли» во главе с командором Мэттью Перри. На борту был и фотограф Элифалет Браун, который впервые запечатлел виды Японии. Некоторые снимки впоследствии стали литографиями из «Дневника об экспедиции Перри в Японию» 1853-1854 годов. К сожалению, сохранились только эти литографии, так как во время пожара было уничтожено около 200 подлинных дагерротипов. Из сохранившихся самой старой считается фотография главы княжества Сацума (преф. Кагосима) Симадзу Нариакира, сделанная около 1857 года.

Первым профессиональным фотографом-японцем считается Симоока Рэндзе, который в начале 1860 г. в г. Йокогама создал первую в Японии фотостудию. Известными фотографиями того периода были также Уэно Хикома (в 1862 г. открыл коммерческую фотостудию в г. Нагасаки) и Утида Куити (в 1872 г. сделал, пожалуй, самую знаменитую фотографию императора Мэйдзи) [4]. Появляются первые фотостудии, учителя-фотографы, которые преподают в Военной Академии Японии. Позднее их ученики стали военными фотографами и благодаря им можно увидеть события Китайско-японской (1894-1895 гг.) и Русско-японской (1904-1905 гг.) войн.

Благодаря влиянию японского искусства укиё-э (картины изменчивого мира), которое известно с периода Эдо (1603-1868 гг.), в стране стали популярны псевдоцветные фотографии. Такие фотографии раскрашивались вручную и им присущи очень яркие, необычные цвета. Именно в такой технике Огава Кадзумаса издал фотоиллюстрации для 36 книг в первой «цветной» типографии.

Говоря о японской фотографии, нельзя не упомянуть вклад фотографа англичанина Генри Пич Робинсона, который считал, что фотография должна производить изобразительный

эффект на зрителя. Так как у японцев развито тонкое визуальное восприятие окружающего мира и единения с ним, чему значительно способствует религиозная традиция, то это нашло отражение и в развитии «эстетической» фотографии, которая по силе воздействия была сопоставима с японскими стихами хайку.

Влияние объективизма, сюрреализма и других течений искусства, популярных на Западе, стало характерным для развития японского фотоискусства тридцатых годов XX века. В этот период также достаточно быстро развивается документальная фотография. С этого момента Япония «идет в ногу» с развитием западной фотографии и практически сразу усваивает все новые идеи, течения и типы фотографий. Трансформацией национального искусства стало преобладание плюралистических направлений в творчестве фотохудожников [5]. Исторические события и здесь сыграли свою роль – на первый план выходят социальные проблемы, становясь основной темой в творчестве фотографов. Авторы стремятся через фотографию передать свою индивидуальность, а также больше сочетать фотоискусство с кинематографом, телевидением. Если вспомнить историю кинематографа, то первыми фильмами были так называемые «движущиеся картинки», которые часто создавались и с помощью фотографий.

Вторая половина 1980-х гг. становится новым этапом развития японского фотоискусства, когда появляется конструированная и топографическая фотографии, при этом продолжавшие сочетать в себе красоту природы, что является национальной особенностью японской фотографии. Фотография становится очень популярным видом искусства в Японии, и технический прогресс того времени также способствует ее развитию. Как мы знаем, крупнейшие производители фототехники Nikon (1917 г.), Panasonic (1918 г.), Olympus (1919 г.), Canon (1937 г.), Sony (1946 г.) и другие находятся как раз в Японии, а в 1980-е гг. появляются первые цветные цифровые фотоаппараты, что дает большую свободу фотографам для создания шедевров. И именно в этот период фототехника Японии выходит на мировую арену.

Современная японская фотография – это яркий букет красок и самых неожиданных ракурсов, которые всегда оригинальны, интересны и актуальны. По всему миру, в том числе и в России, проходит множество выставок японских фотографов. Фотоискусство Японии объединяет множество направлений – от экспериментальных до интернет-поколения, – и во всех прослеживаются традиции национального фотоискусства.

Таким образом, изучив историю развития японской фотографии, можно сказать, что на всех этапах ей присущи национальные черты. Какими бы ни были исторические условия, на протяжении последних двух столетий японские фотографы сохраняли самобытность и смогли придать своим произведениям национальный колорит. Ведь нигде больше не встретишь цветных фотографий в стиле укиё-э или анимэ. И это позволяет сохранять уникальность фотографий вплоть до наших дней.

Примечания

1. Беньямин В. Краткая история фотографии. М., 2013.
2. История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г. М., 1998.
3. Что собой представляет японская фотография XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://prophotos.ru> (дата обращения – 05.03.2017).
4. Культура – Фотография [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp> (дата обращения – 06.03.2017).
5. Основные этапы развития японской фотографии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.embjapan.ru> (дата обращения – 07.03.2017).

M.M. Solodkova

SPECIAL ASPECTS OF PHOTO ART EVOLUTION IN JAPAN

Formation and development of photo art in Japan was influenced by the complex of the socio-political, historical and cultural processes. Adopting the best practices of other countries Japanese created their own unique direction. Here in Japan the popularity of photography led to foundation of the world-largest manufacturing companies in the photography equipment sector. Now Japanese photographers are among of the best in the world.

Keywords: japanese photography, history of photography, Japan, photographic equipment, Ukiyo-e style.

A.A. Botash

ТРУДОВАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ЯПОНСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье проводится анализ особенностей маргинализации японской молодёжи. Рассматриваются проблемы глобализации и её влияние на трудовые отношения в Японии. Отмечаются новые явления в отношениях японской молодёжи к работе.

Ключевые слова: японская молодёжь, маргинализация, глобализация.

Под маргиналами в современной науке понимается пограничное состояние какой-либо группы. Чаще всего это состояние возникает в результате неоконченного перехода. В сложном положении оказывается молодёжь, которая в соответствии со своими возрастными и социально-психологическими особенностями, сама по себе занимает неустойчивые позиции, обладает повышенной мобильностью и психологической нестабильностью. Особый интерес представляет японская молодёжь, феномен маргинальности которой усложняется в условиях столкновения традиционных установок с новыми ценностями эпохи глобализации.

Японская молодёжь оказалась в традиционной экономической системе, для которой характерно «верность» предприятию, корпоративность и медленное продвижение по службе. Ориентация на глобальную ценность – «индивидуализм» подрывает традиционные установки японцев, они противостоят как бунтари, миру, в котором жизнь стабильна и хороша только для тех, кому удалось найти место внутри традиционной системы [1].

Когда на молодёжь влияют ценности глобальной культуры, но при этом всё общество пронизывают местные культурные ценности столкновение двух этих установок неизбежно. При таких условиях могут быть следующие реакции: одни могут осуществлять попытку интегрировать иностранные товары, идеи, смыслы и практики с идеалами, смыслами, опытом, японской культуры в целях стимулирования творчества и улучшения традиционных ценностей. Другие представители более традиционной молодёжи могут воспринимать иностранное влияние, как угрозу целостности смыслов, практик и институтов местной культуры, поэтому осознанно отходят от всего иностранного в целях защиты целостности японского общества и культуры.

В свою очередь, для повышения конкурентоспособности, японскому обществу просто необходимо проведение реформы сферы труда. Данный рынок должен стать «проницаем» для молодых квалифицированных специалистов, довольно амбициозных, что бы сделать карьеру не дожидаясь «солидного» возраста. К тому же такие сферы как нанотехнологии и робототехника – считаются сферами молодых специалистов, хорошо ориентированных в современных технологиях.

Итак, традиционная японская экономика основана на нескольких «китах»: а) пожизненный найм; б) группистское сознание; в) трудолюбие; г) единение со своей компанией

и д) нэнко (уровень заработной платы в зависимости от возраста и рабочего непрерывного стажа в данной компании).

Рассмотрим, как современная молодёжь относится к данным экономическим ценностям, готова ли она их поддерживать, и какие явления маргинализации порождены сочетанием принципов традиционной экономической системы с новыми тенденциями вызванными глобализацией.

Институт культуры вещания телерадиокорпорации Эн-эйч-кей, регулярно проводит социологические опросы по проблемам сознания японцев. В ходе данных исследований были выявлены довольно интересные и противоречивые ценности японской молодёжи. В начале XXI века, как и в последней трети XX столетия при выборе работы для японской молодёжи самую важную роль играют два фактора: добрые отношения с коллегами и отсутствие вреда здоровью. Данный приоритет показывает, насколько ещё сильны групповые ценности в молодёжной японской среде. Выбирая между престижностью и принесением пользы обществу, так же отдаётся предпочтение последнему. Практически не ценятся короткий рабочий день, возможность брать ответственность на себя и действовать самостоятельно без оглядки на других. Исходя из ответов, можно сделать вывод, что японская молодёжь чаще отдаёт предпочтение традиционным трудовым отношениям [2].

Многие молодые люди воспринимают как норму традиционные дружеские застолья, в конце трудовой недели, совместное проведение досуга с коллегами по работе. Ненамного снизилось и стремление обращаться за помощью и советом к более опытному сотруднику. Но данная ориентация представляет собой больше идеальную модель отношений на работе, чем реальные, свойственные для современной Японии. Многие японские предприятия уже не напоминают замкнутую семью, меняются требования к подбору нового персонала, поощряется конкуренция.

В 2008 г. в Японии был проведён пятый опрос по трудовой деятельности, результаты которого показали увеличение консервативных взглядов молодёжи в условиях экономического кризиса. Большинство молодых людей стали отстаивать принципы пожизненного найма и рост зарплаты по выслуге лет [3]. Японские исследователи этот несвойственный факт для молодёжи как социальной группы (особенно в западных странах, где индивидуализм находится в приоритете над коллективистскими ценностями) связывают с мировым экономическим кризисом, который затронул и японскую экономику. В этих условиях японская молодёжь оказалась в невыгодном положении, они больше стали подвержены риску потери работы. Можно сделать вывод, что логично было бы выступать за разрушение традиционных принципов экономического патернализма, ведь тогда увольнению подвергались бы лица не зависимо от возраста и выслуги лет, а главным критерием стал бы профессионализм и компетентность работника. Тем не менее, мы видим обратную реакцию. Почему? На наш взгляд это связано с тем, что окончив престижный вуз, студент рассчитывает заключить пожизненный контракт с крупной и стабильной компанией, который станет своеобразной страховкой от безработицы. Поэтому среди выпускников престижных вузов (которые в большинстве и представляли респондентов) страны больше сторонников пожизненного найма, чем использование крупными компаниями труда нерегулярных, временных работников. Зато наоборот, новые тенденции в экономике, стали открывать широкие возможности студентам не столь престижных учебных заведений, у них появился шанс проявить себя в крупных компаниях и, возможно, даже удержаться там, на рабочем месте. В свою очередь конкуренция со стороны наиболее скажем так маргинальной японской молодёжи, вызывает не только беспокойство, но и повышает мотивацию к труду у различных молодёжных групп.

Рассматривая маргинализацию японской молодёжи можно говорить не только о различных реакциях высших, средних и низших страт, но и о том, что среди японской молодёжи

начинает распространяться новый феномен «добровольных безработных». Эта категория объединяет разные группы молодёжи не зависимо от их имущественного и социального статуса. Главная их отличительная маргинальная черта заключается в том, что они готовы покинуть (и стоит отметить, что покидают) свою работу, даже в условиях экономического кризиса по причине отсутствия интереса к своему роду деятельности. Они могут жить, не стесняясь, за счёт своих родителей (проживая с родителями, можно существовать, даже имея низкий собственный доход; на зарплату временного работника прожить нелегко, однако если тебя содержат родители, то твой заработок становится чем-то наподобие собственных карманных денег, что позволяет вести довольно комфортное существование [4]) или в сложенных из картонных коробок «контейнерах». Для данных молодых людей предпочтительны частные интересы общественным. Они готовы сменить работу на более выгодную с точки зрения заработной платы (хотя большинство японской молодёжи это делать не будет, если на работе сложился хороший коллектив, им комфортно там и есть перспективы карьерного роста), если мало времени остаётся на досуг и личную жизнь (большинство понимают что работа – эта главная составляющая жизни), и т. д., то есть «добровольные безработные» – яркий пример отстаивания индивидуализма и других европейских ценностей, проникающих в Японию в условиях глобализации.

Как справедливо отмечает Гэнда Юдзи, в Японии есть так называемые фритеры – молодые люди, которые, окончив школу, никогда не были заняты на постоянной работе. По данным правительства, количество фритеров на 2014 г. составляло около 1 760 000 человек и эта цифра постоянно увеличивается. На рынке труда Японии происходит рост доли людей с непостоянной занятостью, в частности, фритеров. Однако вместе с тем в стране увеличивается и число SNEPов (с англ. Solitary Non-Employed Persons), которые не могут найти для себя даже непостоянного места работы, причём их количество уже почти сравнялось с числом фритеров [5]. Данные представители молодёжи демонстрируют открытую маргинализацию, расшатывая не только традиционные экономические устои, но и бойкотирую рыночные принципы конкуренции.

Примечания

1. Yamada M. The young and the hopeless. In McKinsey & Company's (Ed.), *Reimagining Japan: The Quest for a Future That Works* (P. 176-180). San Francisco, CA : McKinsey & Company, 2011. P. 178.
2. Требования к идеальной работе (статистические показатели) // Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010. С. 158.
3. The Japan Institute for Labour Policy and Training // The Japan Institute. 2008. No. 41. P. 8.
4. Ямада Масахиро. Почему японской молодёжи трудно создать семью? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nippon.com/ru/in-depth/a01002/>.
5. Гэнда Юдзи. Глубокий кризис, скрытый в тени растущей экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00109/>.

A.A. Botas

LABOR MARGINALIZED JAPANESE YOUTH IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article analyzes the peculiarities of the marginalized Japanese youth. Discusses the problems of globalization and its impact on labor relations in Japan. Observed new phenomena in the relations of the Japanese youth to work.

Keywords: Japanese youth, marginalization, globalization.

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье исследуется проблема отношения германского общества к мигрантам. Делается вывод, что большое влияние на эти отношения оказывают стереотипы в отношении мигрантов-мусульман, которые широко транслируются СМИ. Выделяются основные группы стереотипов. Отмечается влияние негативных стереотипов в отношении мигрантов на рост исламофобии и усиление антииммигрантских настроений.

Ключевые слова: иммигрант, стереотипы, ислам, исламофобия, экономика, радикализм, терроризм.

В современных условиях глобализации, а также с учётом последней волны миграции связанной с локальными военными конфликтами на Ближнем Востоке, особое внимание опять приобрёл вопрос миграции. Её регулирование, восприятие местным населением и особенно последствия для принимающей страны стали довольно острыми в политических и общественных дебатах разных стран.

Анализ результатов многочисленных социологических опросов в Германии позволяет сделать вывод о ряде стереотипов о мигрантах, особенно мусульманского происхождения, господствующих в обществе. Другими словами, как элементарная ксенофобия может создавать враждебный образ «чужака».

Данная тематика довольно актуальна, так как сегодня Германия привлекает мигрантов со всего мира. Однако нельзя не отметить тот факт, что увеличение числа желающих найти свой новый дом в Германии, приводит к подъёму тревожных антииммигрантских настроений. Характерно, что вклад иммигрантов в развитие германского общества часто игнорируются СМИ, зато в них преобладает дискурс изобилующий мифами и стереотипами в отношении мигрантов, которые лишь подпитывают чувство враждебности по отношению к ним местного населения, безусловно, это в свою очередь препятствует интеграции мигрантов и подрывает социальное доверие на национальном и местном уровнях.

Миграция слишком часто рассматривается как проблема, и существует риск того, что иммиграционную политику Германии скоро будет определять страх и заблуждения, а не факты. Сейчас мы можем наблюдать, демонстрации и митинги против открытой миграционной политики. В Германии прошли антиисламские выступления, ответом на которые стали шествия против исламофобии, так же участились тенденции преувеличения случаев конфликтного столкновения (изнасилования, драки и т. д.) местного населения с «пришлыми» мусульманами, сильное давление в период предвыборной кампании Ангелы Меркель, с требованием закрыть страну и т. д.

В данных акциях протеста особую роль играет организация Pegida («Патриотические европейцы против исламизации Запада»), возникшая в Дрездене. Её члены преподносят себя как гражданское движение, противостоящее усилению иностранного влияния в Германии и чрезмерному распространению ислама в стране. На первых демонстрациях было всего несколько сотен человек, но к концу 2014 г. их количество по приблизительным подсчётам возросло до 17 тысяч человек. Более того, социологический опрос журнала «Stern» выявил, что 13 % опрошенных поддержали бы акции Pegida, если бы они проходили рядом с местом их проживания.

Данная информация выдёргивается из контекста и в искажённом виде подаётся и в российских СМИ, с целью дискредитировать политическое влияние германского лидера, и противопоставить благополучную российскую действительность (где господствует принцип толерантности), с нестабильностью развития Германии и её несостоятельной миграционной

политикой. Но как мы знаем любая информация, имеет под собой определённую почву. Итак, рассмотрим самые известные стереотипы восприятия мусульманского населения в германском обществе.

Некоторые исследователи предполагают, что существует множество неправильных представлений о последствиях миграции, как для страны донора, так и принимающей. Именно эти представления подпитывают негативные настроения по поводу миграции.

Самое распространённое заблуждение связано с преувеличением численности иммигрантов. «Сейчас в Европе вообще и в Германии в частности мусульманское население растёт, уверенно опережая коренное по этому показателю. Это связано как с большим количеством беженцев, прибывающих из мусульманских стран, так и с высоким уровнем рождаемости в традиционных мусульманских семьях. Ведёт ли это к исламизации нашей страны и всего континента? Надо ли нам опасаться того, что наше традиционное немецкое право вскоре уступит исламскому шариату, а политики будут управлять нами по религиозным канонам?» [1].

В Германии рядовые граждане оценивают количество иммигрантов в четыре раза больше, чем есть на самом деле (согласно последнему опросу информационного агентства «Ipsos»). Участники исследования оценили количество мусульман в стране в 21 %, хотя на самом деле их доля составляет лишь 5 %. По информации Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев, с 2011 года число мусульман, живущих в Германии, выросло на 1,2 млн. По состоянию на 31 декабря 2015 г. в стране проживало 4,4-4,7 млн мусульман. Таким образом, доля мусульман в общей численности населения Германии составляла 5,4-5,7 %. В 2011 году, во время переписи населения, их было намного меньше (3,8-4,3 млн). В свою очередь с 2008 по 2015 г. доля мусульман турецкого происхождения сократилась с 68 % до 51 % [2].

Отметим, что около 65 % из них являются суннитами, 7 % – шиитами, 13 % – алавитами. Последние приверженцы толерантного течения в исламе, они выступают за свободу вероисповедания и равноправие женщин и многие другие либерально-демократические права и свободы. Конечно, есть в германском обществе и салафиты, то есть сторонники крайне консервативного толкования ислама. Германские СМИ часто ставят знак равенства между ними и исламистами. Их в Германии насчитывается около 6 000, к ним приковано повышенное внимание местных спецслужб [3].

В 2014 г. социальный опрос, проведённый германским «Фондом Маршалла» показал, что дезинформация об основных миграционных фактах является важным фактором, влияющим на антииммигрантские настроения. И если людям говорить правду о количестве мусульманского населения проживающего в их стране, то можно сгладить эти настроения.

Ещё одно заблуждение заключается в том, что все мигранты – это люди, приехавшие в Германию от отчаяния, из-за бедности, войны и т. д. Многие из них фанатики, поэтому приезжают с целью организации терактов (прокатившиеся в Германии теракты последних годов подтверждают и подпитывают этот стереотип, достаточно вспомнить теракт на рождественской распродаже-ярмарке). На этих страхах играют правые радикалы, которые постепенно набирают популярность в Германии.

Целый комплекс стереотипов связан с экономическими проблемами в Германии:

а) развитым странам не нужен низкоквалифицированный труд мигрантов (Центр миграционной политики, 2014). На самом деле, неспециализированные рабочие вносят свой вклад в функционирование Германской и европейской экономики. На не престижную работу принимают иммигрантов, что в свою очередь позволяет коренным жителям занять более квалифицированную и более высокооплачиваемую работу, без ущерба в целом для экономики (ОЭСР, 2008);

б) мигранты понижают заработную плату низкоквалифицированных работников: «все европейские страны испытали снижение средней заработной платы из-за эмиграции» [4];

в) мигранты отбирают рабочие места у граждан – это ещё один стереотип. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что страны с высоким уровнем безработицы, не привлекательны для мигрантов, они перемещаются туда, где имеется больше шансов найти работу. Как мы писали выше, мигранты обычно занимают такие рабочие места, которые местные жители не желают занимать, или не могут (в силу специализации), таким образом, дополняя местную рабочую силу, а не конкурируют с ней. Различные исследования показали, что дефицит рабочей силы на различных уровнях, широко распространён в Германии.

Последствием таких настроений и стереотипов можно считать и усиление правого радикализма. Многие исследователи связывают рост популярности Национальной демократической партии Германии (самая ультраправая из легальных партий в стране) с миграционным кризисом. Особой поддержкой НДПГ пользуется в восточных землях ФРГ среди молодого населения (до 30 лет). Многие сторонники радикализма жалуются на безработицу, экономический кризис, при этом склонны во всё винить мигрантов. Радикальные политики стали эксплуатировать заложенный в человеческой природе страх перед чуждым, неизвестным, доказывая, что невостребованность своей молодёжи связана с притоком чужих. Актуальный лозунг данной партии: «Германия для германцев, Турция – для турок». Однако в целом в Германии эта партия вызывает не меньше проблем и опасений чем мигранты. Согласно данным результатов опроса газеты «Die Zeit», проведённого в 2016 г., 41 % германцев считало, что террористическая угроза исходит, со стороны своих правых экстремистов, но правда 36,6 % были уверены, что исламисты более опасны и более привержены к террористической деятельности.

Укажем и ещё один распространённый экономический стереотип. Слишком часто мигрантов воспринимают в качестве «бремени» на систему социального обеспечения, однако не указывается вклад мигрантов в государственный бюджет страны.

Нельзя не отметить и гендерный стереотип. Противопоставляя европейские ценности мусульманским, чаще всего немцы апеллируют доводами неравноправия мужчин и женщин в исламских семьях. Поэтому, начинается пропаганда такого лозунга, как: «им-мигранты, особенно беженцы – это прямая угроза нашим женщинам». Любая девушка и женщина, которая ходит не в платке, носит джинсы или короткую одежду, может стать потенциальной жертвой изнасилования со стороны «религиозных фанатиков». Можно подумать, что насильниками выступают только мусульмане? И что фактов изнасилования немцы со стороны «своих» нет, как и проблемы домашнего насилия? Факты говорят об обратном. Но если эти случаи происходят в германской среде, чаще всего они рассматриваются общественностью, как исключение или бытовое происшествие, нередко говорят о провокационном поведении самой жертвы. В аналогичных случаях в мусульманских семьях начинают искать религиозный мотив, трактуя их «как суды чести», тему которых в последнее время стали муссировать в германских СМИ [5].

Итак, современное германское общество раскололось на две части (хотя и не одинаковые) [6]. Одни приветствуют культурное разнообразие в Германии, участвуют в национальных праздниках разных народов, организуют конференции с участием мигрантов мусульман, устраивают акции в защиту прав мигрантов мусульман. Другие усиливают стереотипы, связанные с восприятием «чужого», способствуя усилению исламофобии. В свою очередь они организуют акции протесты против мусульман мигрантов (стоит отметить, что вторая группа более представлена в тех городах и населённых пунктах, где либо малочисленна мусульманская община или мигрантов практически нет, этот факт даёт нам основание предполагать, что ксенофобия свойственна там, где люди не имеют прямых культурных, бытовых и других контактов с представителями других народов и религий, а узнают о мигрантах, только как о проблеме из СМИ). Таким образом, вполне возможно, что одной из важных причин ксенофобии является искажённое и стереотипное восприятие «чужого».

Примечания

1. Корнеева П. Германия и ислам [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=18983.
2. Kateryna Yakymets. Исследование: немцы преувеличивают количество мусульман в Германии [Электронный ресурс]. URL: <https://germania.one/2016/12/16/issledovanie-nemcy-preuvelichivajut-kolichestvo-musulman-v-germanii/>.
3. Laura Thompson. Changing Public Perceptions of Immigration [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globaldiversityexchange.ca/changing-public-perceptions-of-immigration/>.
4. Christian Lutz & M. Ingo Wolter. The Economic Impact of Immigration in Germany [Электронный ресурс]. URL: http://www.demogr.mpg.de/papers/workshops/001011_paper01.pdf.
5. Назаров С. В. К проблеме гендерной интеграции мусульманок в европейское общество на примере Германии // Проблемы всеобщей истории : Международный сборник научных трудов. Вып. 11 / Отв. ред. С. Л. Дударев. Армавир, 2013. С. 122-130.
6. Назаров С. В. Этническая толерантность – причина или панацея межнациональных конфликтов в современной Германии // Миграционные процессы и толерантность: история и современность : Материалы внутривузовской студенческо-преподавательской конференции. Армавир, 2013. С. 5-10.

I.G. Grigorova

STEREOTYPES OF THE PERCEPTION OF THE MUSLIM POPULATION IN THE GERMAN SOCIETY

The article studies the problem of the attitude of German society to migrants. It is concluded that the stereotypes concerning Muslim migrants, which are widely broadcast by the media, exert a great influence on these relations. The main groups of stereotypes are singled out. The influence of negative stereotypes towards migrants on the growth of Islamophobia and the strengthening of anti-immigrant sentiments are noted.

Keywords: immigrant, stereotypes, Islam, Islamophobia, economics, radicalism, terrorism.

М.П. Берташ

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТРАМПА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ (предвыборный и доинаугурационный периоды)

В статье анализируется проблема освещения СМИ избирательной кампании Дональда Трампа. Делается вывод, что зарубежные и отечественные СМИ освещали выборы и победу Трампа довольно однобоко и необъективно, формируя определенный «заказной» образ. При этом российские СМИ были более эффективны, так как цель, создать образ «Нашего Трампа» была выполнена, как и в дальнейшем развенчание данного мифа. В свою очередь крупные СМИ Америки не смогли подорвать влияние Трампа, скорее всего, что они пользовались влиянием не на широкие слои населения, и их целевая аудитория не охватывала большинство избирателей.

Ключевые слова: СМИ, выборы, Дональд Трамп, образ, социологический опрос.

Среди политических событий последнего времени особый интерес общественности привлекали выборы главы Белого дома в США. И это неслучайно, Америка достаточно крупный игрок, способный направлять внешнеполитический курс многих стран мира. Естественно, основное внимание СМИ было сосредоточено на личности самих кандидатов, а впоследствии и выбранного президента – Дональда Трампа.

Ещё летом 2015 года стало известно, что Трамп будет баллотироваться в президенты. Западные, и особенно американские СМИ, язвительно заявляли, что это шутка, так как, по мнению большинства американцев, Трамп воспринимался клоуном. Канал MSNBC (США) заявил, что «неужели кто-то всерьёз считает, что Дональд Трамп действительно собирается бороться за пост президента?» FOX News (США), убеждал общественность, что у данного кандидата нет решений для всех проблем американского общества.

Стоит отметить, более осторожный тон российских СМИ, которые на тот момент ещё не определились с линией подачи информации о каждом кандидате, в том числе и Трампе. Так, по НТВ (Россия) было сказано, что эксперты скептически оценивают шансы нового кандидата, канал Россия 24 ограничился тем, что Трампа назвал миллиардером-эксцентриком. 5 канал (Россия) довёл до зрителя информацию, что у Трампа это уже третья попытка стать президентом, которую стоит больше расценивать как пиар-ход. Российские газеты в принципе освещали эти события в аналогичном ключе.

Серьёзные изменения в освещении Дональда Трампа начнут происходить с лета-осени 2016 года. Связано это было с тем, что, во-первых, в Америке развернулась настоящая политическая борьба за власть, в ходе которой выделились основные кандидаты от двух ведущих партий – демократов и республиканцев, обозначились их лидеры. Поэтому американские СМИ уже не могли считать кандидатуру Трампа «шуткой», ведь он стал официальным кандидатом от республиканцев. CNN (США) не могли проигнорировать быстрый и полный противоречий взлёт на вершину республиканской иерархии Трампа. Тем не менее, в большинстве печатных и электронных американских СМИ звучало преобладающее одно мнение – «он не победит». В основном данное утверждение основывалось на результатах социологических опросов, которые фиксировали, что Дональд Трамп сильно отстаёт от Хиллари Клинтон (CBS News – 49 % против 39 %; FOX News – 48 % против 44 %).

Но особенно резко начинает менять освещение Дональда Трампа в российских электронных и печатных СМИ. И здесь мы можем выделить вторую причину изменений, которая приведёт с одной стороны к формированию образа «Наш Трамп» (Россия) и с другой стороны образу «националиста, чудовища, женоненавистника и угрозу мира и Америки» в американских и западных СМИ.

Причина становления двух противоположных образов проста. В её основе лежат высказывания Трампа о России и крымской проблеме. Все Российские каналы начинают убеждать зрителя в том, что «хороший был бы президент». Так канал Россия 24 в новостях не раз упоминал, что «Трамп в очередной раз высказался, что дружба с Россией пойдёт на пользу всему миру», но жаль, что ему – республиканцу просто не дадут занять Белый дом. Такого же мнения были и Вести FM (Россия) «Завалят Трампа, не дадут ему победить». Звезда (Россия) указал на то, что Трамп первый, из американцев который рассматривает возможность официально признать Крым российским. Действительно, администрация Америки должна была задействовать все ресурсы, чтобы к власти не допустить человека, лояльно высказывающегося о России (в дальнейшем это даст повод для обвинения Трампа в его связях с Россией, а Россию в том, что она подстроила победу своего кандидата, хотя для последнего обвинения российские СМИ дали достаточно поводов, освещая реакцию российского общества на победу Трампа).

По мнению руководителя департамента политологического анализа независимого фонда Центра политических технологий А. Ивахника, Россия развернула настоящую агитацию в российских СМИ за Дональда Трампа. Пресса и телевидение откровенно «болели» за Дональда Трампа и, наоборот, всячески стремились «топить» Хиллари Клинтон, хотя в победу Трампа мало кто верил. Поэтому успех Трампа стал неожиданным и для Кремля, и для пропаганды. Эффект сюрприза сыграл свою роль в популярности Трампа в России.

Вдобавок к этому у российской власти возникли большие надежды на возобновление диалога с Вашингтоном. Потому что российско-американские отношения были испорчены до предела, а Трамп не исключал возможности улучшения ситуации и диалога. Но дело не только в позиции власти, но и в необходимости скорректировать общественное мнение, считает А. Ивахник. «Общество было настолько сильно настроено антиамерикански за последние несколько лет, особенно в течение последнего года пребывания Обамы в Белом доме, что нужно было как-то менять этот настрой, – уточнил он. – Иначе попытки сближения с Трампом воспринимались бы с некоторым недоумением, а может, и с раздражением». Поэтому, как кажется политологу, и началась массированная пропагандистская кампания. «Она была нацелена на то, чтобы показать, что Трамп – это не Обама, а близкий нам по духу человек, с которым действительно о чем-то можно договориться, – пояснил он. – И буквально каждый его шаг широко освещался, причём исключительно со знаком плюс. А протесты, которые происходили по поводу его действий, представлялись исключительно как происки неких внутренних врагов» [1].

Итак, 8 ноября 2016 года Дональд Трамп избран президентом. В американских СМИ полное удивление (LIVE with Kelly) и даже истерика (FOX News). В российских СМИ полное ликование. Наверно наиболее показательны выступления в В. Жириновского (лидера ЛДПР), с шампанским в руках: «Это наша общая победа, это праздник, будут положительные изменения». «Дональд Трамп никогда не скажет, что Россия – угроза номер один» (Россия 24).

Как часто звучало мнение, что больше всех лидеров американскому президенту симпатизирует В. Путин. Вот с кем он хотел бы вести диалог и выстраивать отношения в первую очередь!? Миф «Трамп – наш» был поддержан и властью и общественностью.

Многие российские СМИ даже переходили в своих программах и публикациях рамки «приличия». Так достаточно вспомнить, как С. Михеев заявил, что победа Трампа – это очередная победа Кремля, мы управляем этим миром.

Дугин говорил о том, что мы его группа поддержки, наш кандидат выиграл. Звучали и такие высказывания, что есть сейчас два мировых лидера и две державы, они будут договариваться о разделе мира. Нельзя не упомянуть «песенку» Эрнеста Макаренко (член партии «Единая Россия»): «американцы шли на избирательные участки тихонечко по-русски напевали: трам-пам-пам»... Создавалась иллюзия всеисилия В. Путина, всё выдавалось как воля Кремля, естественно это имело противоположные последствия.

Во-первых, радость российского общества, и всенародная любовь (правда, недолгая) к Трампу. В России люди поздравляли друг друга с избранием Трампа. Были в отдельных городах (Обнинск, Ухта и др.) устроены пикеты в поддержку Дональда Трампа. Везде звучало, что Россия и США разобьют ИГИЛ, решат проблемы с Сирией и т. д. Были выпущены футболки, значки, портреты Трампа. Даже матрёшки и сахар с его изображением – вот действительно народная любовь.

Трамп стал самым популярным в Российских СМИ. Действительно в январе 2017 г. Трамп обогнал Путина в рейтинге самых упоминаемых персон в российских СМИ. За последние несколько лет это первый случай, когда верхняя строчка рейтинга осталась не за президентом РФ.

Самые упоминаемые персоны января			
1	Дональд Трамп	Президент США	202 145
2	Владимир Путин	Президент России	147 718
3	Барак Обама	Бывший президент США	61 155
4	Дмитрий Медведев	Председатель правительства России	40 862
5	Петр Порошенко	Президент Украины	34 763

Во-вторых, в европейских СМИ началась настоящая охота на «ведьм», а вернее охота на «Трампа». За его взлётом искали российский след. СМИ запугивали общественность всемогуществом российского президента, который может по своему желанию ставить правителей в любом государстве.

В конце 2016 г. старейший британский еженедельник «The Spectator», следуя традициям политической карикатуры XIX века, поместил на обложку изображение двух президентов, которые делят мир. Примечательно, что России «достаётся» Ближний Восток – именно слабость Обамы в данном регионе наиболее часто критиковалась американскими сенаторами, а республиканец Джон Маккейн даже признал, что из-за невнятной политической линии США России удалось стать ведущим политическим игроком в разрешении сирийского конфликта [3].

Подводя итоги, можно отметить, что как зарубежные, так и отечественные СМИ освещали выборы и победу Трампа довольно однобоко и необъективно. Налицо классическое манипулирование сознанием, так как подбирался заведомо компрометирующий или наоборот материал. Вопрос первый – чьи мероприятия освещаются чаще, второй – какая тональность передается, третий – на чём акцентируется внимание. Допустим, если, условно говоря, СМИ заполнены статьями о том, что Трамп – расист или ещё что-то, и идет просто вал таких статей, то совершенно очевидно, что ведется кампания дискредитации. И значит, действительно СМИ освещали событие необъективно [4].

И, тем не менее, события показали, что российские СМИ были более эффективны, так как цель, создать образ «Нашего Трампа» была выполнена, как и в дальнейшем развенчание данного мифа. В свою очередь крупные СМИ Америки не смогли подорвать влияние Трампа, скорее всего, что они пользовались влиянием не на широкие слои населения, и их целевая аудитория не охватывала большинство избирателей.

Примечания

1. Владимиров В. Феномен популярности Трампа в СМИ России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/amp/trump-popularity-in-russia/3701932.html>.

2. Мухаметшина Е., Чуракова О., Козлов П. Почему для Кремля опасно лидерство Трампа // <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/02/675855-trump-rossiiskih-smi#/galleries/140737493121076/normal/1>.

3. Логинов В. Трамп – звезда с обложки [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/02/12_a_10521617.shtml.

4. Мнение: созданный СМИ образ «Трампа-маргинала» сработал только в соцопросах [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/radio_brief/20161117/1481554146.html.

M.P. Bertash

INFLUENCE OF THE RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA ON THE FORMATION OF THE IMAGE OF TRUMP IN THE PUBLIC OPINION (pre-election and before the inauguration periods)

The article analyzes the problem of media coverage of the election campaign of Donald Trump. It is concluded that foreign and domestic media covered Trump's election and victory rather one-sidedly and biased, forming a certain "custom" image. At the same time, Russian media were more effective, as the goal, to create the image of "Our Trump" was fulfilled, as in the future debunking of this myth. In turn, America's major media could not undermine Trump's influence, most likely that they did not influence the general public, and their target audience did not cover the majority of voters.

Keywords: media, elections, Donald Trump, image, sociological survey.

РАЗДЕЛ III

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А.Н. Бодров, А.Д. Похилько

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НА ИДЕАЛЫ РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Раскрываются основные идеи революции, свободы, творчества и справедливости в русской философии XX вв. Поднимается вопрос о взаимосвязи идей революции и гуманизма. Делается вывод о том, что русские философы отстаивали идеи ценности личности и критически относились к идее социалистической революции. Особенно резко критиковал революционную идею в России И.А. Ильин. Ильин полагал, что эта идея безумна для российского человека и общества, она губительна для правосознания российского гражданина.

Ключевые слова: революция, гуманизм, свобода, справедливость, либерализм, экзистенциализм, марксизм.

Столетие со времени русских революций подчеркивает сохранившуюся актуальность проблемы человека как субъекта истории. Каким должно быть творчество истории? Что значит революция для истории? Является ли она творчеством или разрушением? Эти вопросы стояли сто лет назад, но они же стоят перед современным человеком и в современной России сегодня. Рассмотрим варианты ответов на эти вопросы на основе методологии экзистенциализма и персонализма.

В конце XIX и в начале XX века русские мыслители не только объясняли общественно-политические процессы в России, но и сами в некотором роде влияли на них, выпуская философские издания и даже участвуя в протестных движениях. Идеи революции, свободы и социалистические идеалы приобрели различные ориентации, во многом противоречащие друг другу. Вместе с тем методология экзистенциализма дает возможность раскрыть не только различия, но и общие черты в русской философской мысли.

Теоретические основы социализма у М.И. Туган-Барановского отличались общеэтическими принципами. Он писал: «Центральной идеей современного этического сознания является сформулированная Кантом идея верховной ценности и, как вывод отсюда, равноценности человеческой личности» [7, с. 26]. Неокантианство ученого экономиста позволило ему обосновать систему единого интереса человека вообще, «независимо от принадлежности к тому или иному классу» [7, с. 26-27]. Кантовский гуманизм служил основой так называемого ревизионизма и реформизма, который был противоположен духу революции с ее террором и диктатурой вождей.

Поиск путей к либеральному социализму привел другого русского мыслителя, экзистенциалиста (персоналиста) Н.А. Бердяева в борьбе против народничества к так называемому «легальному» социализму, но философ на этом не остановился. Н.А. Бердяев пришел к идеям либерального христианства. Его и других мыслителей либерального толка объединяло отрицание революции как способа достижения идеалов гуманизма, свободы и справедливости. В статье «Духи русской революции» он писал, называя революцию «катастрофой»: «Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер. Духи русской революции – русские духи, хотя и использованы врагом нашим на погибель нашу. Призрачность ее – русская призрачность. Одержимость ее – характерно русская одержимость. Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют

и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одежаниях» [1]. Революция – социальная болезнь, критерием которой является положение человека в обществе, степень развитости личностного начала, его творческого потенциала.

Подчеркнем, что идея здорового общества – это не просто метафора, а целая программа, обоснованная Э. Фроммом в его работе «Здоровое общество» [9]. Требование гуманистической экспертизы социальных проектов выражает позицию Э. Фромма, которую сам он называет «нормативным гуманизмом» и основывает такой вид гуманизма на нескольких важнейших предпосылках [9, с. 283]. К таким предпосылкам относится существование родовой природы человека, а также то, что здоровым обществом является общество, соответствующее потребностям человека. Больное общество делает большинство своих членов ущербными, несвободными. Человек поработается своеобразными путями «бегства от свободы»: в настоящее время это телевидение, газеты, футбол, социальные сети и прочее. В 1917 году для масс это были хлеб, мир и социальная ненависть. Такую ненависть, которую Ницше называл ресентиментом, злобной завистью, удалось использовать для снятия всякой законной ответственности за любые преступления.

В современном обществе симптомом социальных болезней служат неврозы. Частично купируют болезненные симптомы труд или учеба, но их влияние очень противоречиво [9, с. 283-290]. Основная тематика философии Ю. Хабермаса [10; 11; 12] – выявление социальных патологий уже развитых обществ на основе реконструкции процесса исторического развития. Такая «диагностика» дает основания для критики, осуществляемой философией и общей теорией истории [10, с. 13].

Главными проблемами русской философии XIX и начала XX века оставались идеалы личной свободы и общечеловеческой справедливости. Особенностью русской мысли было то, что она в основном развивала религиозную концепцию справедливости, но в то же время широко развивалась социалистическая и марксистская концепция [6].

Духовные поиски привели протоиерея Сергея Булгакова от экономики и социалистических идей к их отрицанию, в конечном итоге, к христианскому выбору идеалов свободы и справедливости, к так называемому «христианскому социализму». Будучи специалистом в области политической экономии, С.Н. Булгаков в 1917 г., в год Великой русской социалистической революции, выступил с резкой критикой идей социализма, которые, по мнению радикальных элементов, призваны воплотить в жизнь многовековые чаяния народов о свободном труде, о справедливом распределении материальных благ и счастливом благоденствии. Он писал: «Можно признавать правду социализма как отрицание неправды капитализма – и здесь его воодушевляют, несомненно, высокие чувства святого гнева, ревность к справедливости, сострадание к меньшей братии. Наряду с этим видеть и его ограниченность, и неправду, которая есть тонкое или грубое воспроизведение ограниченности и неправды капитализма» [2, с. 15]. Далее он подчеркивает, что социализм верит вместе с капитализмом, будто человеческое общество строится только на экономическом интересе. Мыслитель был убежден в том, что «социализм разделяет с капитализмом его неверие в духовную природу человека, и это несмотря на то, что он же предрекает для него такое радужное будущее» [2, с. 15].

Русский философ С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества» в целом признавал правоту тех реформаторов, которые стремились устранить зло в общественных отношениях. Однако он предупреждает о неистребимости зла в принципе, о его непрерывном переходе из одной сферы в другую, что приводит не к утверждению добра, а к смене одного вида зла другим его видом и формой. По мнению С.Л. Франка, идеалы революции и свободы обернулись для России в «полицейскую опеку над хозяйственной жизнью», а свобода частного предпринимательства объявлена величайшим злом, в результате ее

устранения возникла несправедливость «всеобщего рабства, которое именуется социализмом» [8]. Франк говорит, что колебания в политической жизни общества приводят к таким крайностям, как например, колебание «от крайности политического неравенства, бесправия низших слоев народа до крайности охлократии, подавления высших, более образованных слоев, носителей духовной и общественной культуры массой или чернью» [8].

Одна из наиболее резких отрицательных оценок Октябрьской революции в России содержится у И.А. Ильина. Для него революции – это апокалипсическое явление. Она несет в себе безбожие и бездуховность, отрицание человека как творца и отрицание идеи социального творчества: «а была безумием и притом разрушительным безумием» [3]. Безумием для всех социальных сил. Однако наибольшим безумием для интеллигенции. Какова же аргументация великого философа и правоведа?

Наибольшим безумием она была для интеллигенции, поскольку интеллигенция уверовала уверовавшей в ценность и спасительность западных государственных форм, республики и демократии, для России. При этом интеллигенция не сумела выдвинуть и организовать русскую форму участия демократии и республики. С сарказмом Ильин замечает, что русские интеллигенты «так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России» [3]. То, что немцу хорошо, для русского смерть.

Результаты научного наблюдения Ильина остаются заслуживающими внимания до наших дней. Особенно это касается проблемы правового сознания русского человека. Легитимное правовое сознание в условиях монархического государства оказалось разрушенным посредством введения неподготовленной государственной формы – республики. Отсюда диктатура, отрицание и закона, и права, социальная аномия.

Безжалостный вывод философа: ««Большевизм есть не что иное, как последовательно проведенная революция, ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия... дух восстания низшего на высшее... дух грабежа и террора. Этот дух заложен в каждой революции, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца» [4, с. 348].

Не случайно Ильин был одним из главных врагов большевиков. Он перешел от слов к делу, поскольку был идеологом белой гвардии. Против насилия должна применяться сила. Это важнейшее практическое следствие Ильин обосновывает в своей работе «О сопротивлении злу силой» [5]. Выступая в этой работе против толстовства, которому были подвержены большинство эмигрантов, он считал, что против откровенного зла, которое стало политикой государства, необходимо бороться силой. В то же время дилемму выбора между фашизмом и советским большевизмом он сумел разрешить правильно. Ильин не поддержал фашистов в тридцатые годы. Ему пришлось покинуть Германию и переехать в Швейцарию, где он нашел прибежище до конца своих дней.

Таким образом, существовало различие между русскими мыслителями по вопросам революции, идеалам свободы личности и общественной справедливости. Либерально-демократическое крыло русской философии не было единым. Часть мыслителей стояла на позициях рационализма, другая же часть мыслителей, стоявшая на иррациональных, религиозных, принципах, исходила из догматов христианства. Несмотря на различия, либерально-демократический лагерь русской философии имел общие позиции и отстаивал такие ценности, как приоритет личной духовной жизни индивида над «общественным бытием», в котором теряется личность.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины : Сборник статей о русской революции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html> (дата обращения – 14.03.2017).
2. Булгаков С.Н. Христианство и социализм. М., 1917. С. 15.

3. Ильин И. А. Русская революция была безумием // Иван Ильин. Наши задачи [Электронный ресурс]. URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/047.htm> (дата обращения – 14.03.2017).
4. Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И. А. Собр. соч. : В 10 т. Т. 5. М., 1996. С. 348.
5. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 323-518.
6. Муравьева М. Е. Трансформация гуманистических идеалов свободы и социальной справедливости в истории философской мысли : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/transformatiya-gumanisticheskikh-idealov-svobody-i-sotsialnoy-spravedlivosti-v-istorii-filosofskoy-mysli> (дата обращения – 14.03.2017).
7. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 4-е изд. Пг., 1917. С. 26.
8. Франк С.Л. Духовные основы общества. Ч. 2 : Основные принципы общественной жизни (об общественном идеале) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshestva/2_1_1 (дата обращения – 17.03.2017).
9. Фромм Э. Здоровое общество : [пер с англ.] // Психоанализ и культура : Избр. тр. Карен Хорни и Эриха Фромма. М. : Юристъ, 1995. С. 273-596.
10. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Наука, 1992. С. 13.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 379 с.
12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь Мир, 2003. 416 с.

A.N. Bodrov, A.D. Pokhilko

HUMANISTIC REFLECTION ON IDEALS REVOLUTIONS IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY

The main ideas of revolution, freedom, creativity and justice in the Russian philosophy of the twentieth century are revealed. The question of the interconnection of ideas of revolution and humanism is being raised. It is concluded that Russian philosophers defended the ideas of the value of the individual and were critical of the idea of socialist revolution. Especially sharply criticized the revolutionary idea in Russia Ivan A. Ilyin. Ilyin believed that this idea is insane for the Russian people and society, it is harmful to the legal consciousness of the Russian citizen.

Keywords: revolution, humanism, freedom, justice, liberalism, existentialism, Marxism.

С.А. Орлов

АДЫГСКАЯ СВАДЕБНАЯ КУЛЬТУРА В ПОЭЗИИ

«Характер адыгских песен» – весьма уместное краткое описание данной статьи. Здесь проводится линия научного подхода через исследования XIX века. Описание изучения адыгских просветителей ярко показывает значимость традиций песенного характера в адыгской свадьбе. Даётся не менее важное описание актуальности работы. Приводятся примеры публикаций ценных материалов адыгских исследователей.

Ключевые слова: народные песни, фольклор, адыгская свадьба, обряд, традиции, игрища.

Любая свадьба и любое свадебное игрище не происходит без народных песенных и поэтических форм выражения культуры, и это касается любого народа. Как заключение брака не мыслилось без традиционной свадьбы, так и свадьба не мыслилась без игрища [1].

При изучении феноменов, обычаев и традиций адыгской свадьбы можно сделать предварительный вывод, о том, что как собственно игрища, сама свадебная поэзия занимали большое место в исследованиях адыгских просветителей XIX века. Некоторые из них не только изучали

саму сущность песенного характера свадьбы: Хан-Гирей, Адыль-Гирей Кешев (Каламбий), но ещё и сами разрабатывали жанровую классификацию: З. М. Налоев, Ш. Х Хут. Прослеживается появление комплексного подхода к исследованию игрищ в трудах М. И. Мижаева, М. А. Меретукова и других.

К сожалению, в наши дни мало кто занимается темой свадебно-игрищного фольклора, но это не значит, что данная тема не может быть интересной и актуальной хотя бы для кавказоведов как минимум. Так или иначе, даже для простого рядового жителя республики Адыгея была бы интересна данная проблематика.

Уже в XIX веке, как показывают сохранившиеся исторические документы, видно, что конкретно в этот период времени выявлен наиболее яркий и прогрессирующий интерес к свадебной поэзии данной культуры. Так, можно взять в качестве примера творчество А.-Г. Кешева (Каламбий). В его работах были зафиксированы и проанализированы как структура свадебного обряда, так и содержание обрядного песенного фольклора. Нынешние исследователи с огромной благодарностью вспоминают его за то, что он сохранил уникальные материалы, проявив глубочайшие познания в области адыгской фольклорной культуре, и дал первые образцы научного анализа свадебного фольклора. Из всех четырёх видов песенной культуры А.-Г. Кешев (Каламбий) выделяет свадебную, впервые описывает ее специфические признаки в своей работе «Характер адыгских песен», а затем публикует ее в 1869 году в газету «Терские ведомости». Выделяя объективно скрытые закономерности проявления народных песен, учёный подчёркивает жанровые категории, сравнивая их с различными поэтическими элементами этой культуры. Определённую смысловую значимость придает трудам Каламбия его субъективный подход, ход мыслей и рассуждения о философском характере адыгских песен, их назначении. Филолог пытается донести до читателя свою мысль следующим образом: «Черкесские песни разделяются на героические, свадебные, плясовые и колыбельные... Плясовые, свадебные и другие песни на случай состоят почти из напева и музыки. Все эти роды песен сопровождаются игрою на скрипке и напевом... В сущности, все черкесские песни проникнуты одним и тем же духом и различаются чисто внешним образом: по месту, где они произносятся, и по поводу, их вызвавшему... В свадебном обряде еще ярче выступала воинственная черта. Героиня торжества, невеста, играла здесь пассивную роль победного трофея, несмотря на весь почет и рыцарское уважение, которыми ее окружали». Как видно по данным словам, Кешев правильно отметил особенность пространственно-временной приуроченности и музыкального интонирования свадебных песен [3].

Исследование народных адыгских песен и их первичную систематизацию в XIX развивают в своём творчестве составитель первых книг на адыгском языке публицист, лингвист Кази Атажукин и его коллега Паго Тамбиев. Высоко может быть оценен вклад в изучение адыгского фольклора, сделанный К. Атажукиным, который в середине XIX в. записывал и издавал народные песни как старинные, так и современные. Их тексты были изданы на страницах шестого номера «Сборника сведений о кавказских горцах». В этом же сборнике Н.Ф. Грабовский, описывая этнографические детали свадьбы в горских обществах Кабарды, упоминает термин *оридада* (свадебная песня).

Большинство адыгских фольклорных записей было опубликовано в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Многолетний труд исследователя-лингвиста, редактора СМОМПК Л.Г. Лопатинского, предпринятый в этом направлении, бесспорно можно назвать величайшим. Л.Г. Лопатинский внес огромный вклад в организацию собирания, публикаций и изучения фольклора народов Северного Кавказа, в развитие этнографической науки о народах Кавказа. Существенным вкладом в развитие адыгской фольклористики явились его сопроводительные комментарии, приложения и переводы к адыгским текстам, изданным на русском языке [2].

Таким образом, исследование фольклорной и обрядовой поэзии, связанной с адыгской свадебной культурой имеет давние традиции, исследовательское поле в научном изучении этого жанра далеко не исчерпано. Пока существует народ, его традиции и культура постоянно развиваются. В полной мере это относится к свадебному адыгскому фольклору. Каково содержание современной обрядовой поэзии, степень сохранения в ней традиционных элементов и роль новаций, формы существования этнической традиционной культуры в современном мире – вот та проблематика, которая в равной степени интересует как ученых-профессионалов, так и начинающих исследователей.

Примечания

1. Кешев (Каламбий) А. Г. Характер адыгских песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века. Нальчик, 1979. С. 339.
2. Пропп В. Я. Об историзме фольклора и методах его изучения // Фольклор и действительность. М. : Наука, 1976. С. 117.
3. Паштова М. М. Адыгская народная лирика. Традиционные необрядовые жанры. Нальчик, 2002 . С. 8.
4. Хут Ш. Х. Определение и классификация жанров народного эпоса адыгов. Классификация произведений адыгской народной лирики и драмы // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1984. Вып. 4. С. 30.

S.A. Orlov

ADYGHE WEDDING CULTURE AND POETRY

"The nature of the Adygeyan songs" is a very relevant short description of this article. Here the line of the scientific approach is conducted through the studies of the XIX century. The description of the study of Adygea enlighteners clearly shows the importance of traditions of song character in the Circassian wedding. An equally important description of the relevance of the work is given. Examples of publications of valuable materials of Adygeyan researchers are given.

Keywords: folk songs, folklore, Circassian wedding, rite, traditions, merrymaking.

РАЗДЕЛ IV

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Э.Р. Глечян

ФИЛОСОФИЯ ОБЫЧНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ПРАВА

Рассматривается взаимодействие факторов автономии и гетерономии в обычном праве. Влияние гетерономных факторов для этносубъектов правового сознания обусловлено изменяющейся геополитической обстановкой в мире. Факторы автономии связаны с традициями, языком и культурой. Делается вывод о том, что для сохранения этнической самобытности в контексте обычного этнического права требуется усовершенствование форм политико-правовой диалогической культуры.

Ключевые слова: этнос, автономия, гетерономия, право, позитивное право, субъекты права, социализация, общество, правовая культура.

Философия этнического обычного права направлена на установления его (самого этнического права) места, роли, значения в мире, его отношения к иным правовым нормам, и формам правовой культуры. К задачам философии обычного этнического права можно отнести изучение законов развития этносоциума, изучения нравственных категорий и ценностей различных этнических групп.

Обычное право исторически зародилось в первобытный период, однако в процессе развития цивилизации обычное право заменялось позитивным. Но между тем, в пространстве современного мира имеются различные этнические народы со своей самобытностью, культурой и этно-правовыми традициями, регулирующие правоотношения внутри соответствующего социума средствами обычного права.

Императивное понятие этнос в отечественной юриспруденции дается в Приказе Минобрнауки РФ от 03.08.2006 № 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации», где указано, что «этнос (народ, этническая общность) – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общей культурой с присущими ей образной и ценностной системами, общностью языка, психологического склада, этническим самосознанием и этнонимом. В самосознание общности входят представления об общем историческом происхождении и исторической судьбе, чувство общности, солидарности в понимании коллективного прошлого, настоящего и будущего» [1].

Хотя отечественная юстиция не имеет такой конкретный кодифицированный нормативно-правовой документ (кодекс) как этническое право, но понятие этнос с изложением прав этнических меньшинств находит свое отражение в ряде нормативных документов, таких как «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», Декларация СНГ РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и т. п. Международная юстиция также закрепляет права этнических меньшинств в правовых документах, таких как «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах», Международный пакт

от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах», Конвенция Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 года, № 169.

Этнические вопросы / проблемы часто становятся предметами законодательного регулирования, дебатов на международном уровне, с участием международных субъектов права. Полагается, что необходимо исследовать философию обычного этнического права более тщательно, поскольку этнические проблемы существуют и исторически существовали, при этом, следует признать, что источником традиционной культуры того или иного государства являются проживающие там этносоциумы, сохраняющие свою культуру и традиционализм.

Внутриэтническое право, будучи структурированное по принципу традиционализма, действует в режиме пересечения с требованиями верховенства позитивного права, являющегося обязательным по отношению к индивидам и иным социальным субъектам права, поскольку малочисленные этнические группы так или иначе располагаются в пределах определенного государства, где сформировано своё императивно-правовое пространство, основанное на нравах этноправового традиционализма этнической группы. Право же, как признанная человечеством форма необходимого поведения естественным образом возникает и действует во всех, без исключения, социальных кругах.

Современное мировое сообщество насчитывает множество этнических групп. Их изучениями в отдельных контекстах: права, социологии, политологии, педагогики, философии занимались многие видные отечественные [2-7] и зарубежные [8-10] ученые. Разумеется, список исследователей не является исчерпывающим, и каждый исследователь внес свой существенный вклад в науку, изучающие проблемы этнических меньшинств.

Обычное этническое право, как правило, сформировано в историческом контексте этноцентризма и борьбы этнических групп за права на самоопределения. Этноцентризм – свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума [11].

Обычное этническое право, как этап длительного исторического развития формировался в постоянной борьбе за существования своего этносоциума. В России, практически на всем его историческом этапе развития межэтнические, межнациональные конфликты стояли остро. К примеру, А.П. Столыпин говорил, что «надо всю Россию разделить на национальные курии во всех областях жизни, надо везде русскую национальность отгородить высоким барьером от инородцев – и тогда прочны будут и монархические политические устои, и социальные...» [12].

В тоже время современное геополитическое устройство мира создает условия интеграции межэтнических народов в единое целое. Но вместе с тем этнические народы стремятся сохранить свою самобытность, традиции, культуру, уникальность своего традиционного духовного и повседневного образа жизни. Совершенно справедливо отмечает П.Е. Завалишин, что негативная реакция на глобальный процесс вестернизации и порожденную им попкультуру наталкивает народы на защиту своей этнической индивидуальности [13].

По своему философскому, сущностному содержанию обычное этническое право – это право морали и нравственности, основанное на традиционализме, разумеется, если ведется речь о цивилизационном пространстве. В тоже время, в современном мире существуют «дикие» этнические нравы, а также основанное на них этническое право. К ним можно отнести дикие племена Африки, Латинской Америки, Азии и Северных регионов планеты [14]. Полагается, что дикость многих этнических племен основано на категорической неприемлемости цивилизации, старание максимального ограничения – не идентификации Себя (этноса) с «чужими», в том числе, говоря терминологией Э. Фромма –

средствами оборонительной агрессии [15]. По всей вероятности, у данных этнических субъектов усилена инстинктивная детерминация, однако ослаблен разум, в отличие от цивилизованных субъектов, у которых всё сложено совершенно противоположно: ослаблена инстинктивная детерминация, но усилены функции разума, что позволяет им разрабатывать различные версии достижения намеченной цели. Говоря об усиленной инстинктивной детерминации и отсутствия привычного для цивилизованного человека разума, обычное право «дикарских» этнических групп, как правило, основано на мифологии, которая исторически сформировало в сознания субъектов в контексте экзистенциальной потребности, основанное в почитании идолов и собственных (этнических) идеалов, которые, к примеру, как отмечает Э. Фромм, потребуют от них убийства собственных детей, или идеалу, который побуждает его беречь и защищать их [16].

Философское исследование обычного этнического права необходимо производить в единстве трех модулей: сравнительном историко-современном, политическом и правовом. В первом случае, анализ обычного этнического права необходимо производить не исключительно в историческом контексте, как таковом, а в сравнении с современным обычным этническим правом. Анализируя обычное этническое право конкретного этнического социума в политическом контексте, необходимо установить принадлежность социума к конкретному государству, роли и места социума в политической, социальной структуре государства, влияние их (этнуса) социокультурного бытия на культуру государства в целом, сходства и различия этнуса с нацией. Изучению данного направления уделяли внимание такие ученые, как А.Л. Сафонов [17], С.В. Соколовский [18], А.С. Шадже, Э. Шеуджен [19] и т. д. В контексте права, полагается необходимым исследовать саму суть обычного этнического права, – как отдельный источник права, а также дать оценку синтезу обычного этнического права с позитивным правом. В данном направлении отметим: И.Б. Ломакину [20], Е.В. Регеду [21], В.С. Нерсесянц [22], О.Г. Щедрина [23].

Исследуя философию обычного этнического права в правовом и политическом модулях необходимо акцентировать внимание на автономное правовое и политическое сознание субъектов политики и права конкретного этнического социума, поскольку как источником, так и субъектом обычного этнического права является этносоциум – социальный субъект этнического права – носители этноправового традиционализма.

Существование обычного этнического права является важнейшим источником мирового (международного), внутригосударственного права и соответственно претендует на уважение мирового сообщества, поскольку обычное этническое право является культурным явлением, исторически основанном на морали, религии или мифологии, нравственности, фольклоре.

Выражая свое опасение усиления, уже существующего дефицита духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, что всегда, во все времена исторически делало Россию крепче, сильнее, Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании Федеральному собранию призвал поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность [24]. Необходимо иметь в виду, что России является многонациональным государством, в число которых входят не только субъекты национальностей, но *коренные малые и автохтонные народы* (самостоятельные этнические общности), входящие в ту или иную языковую семью. В общей сложности на территории России проживает 258 663 чел., относящиеся к малочисленным этническим народам [25].

О сохранении традиций и сохранения «коренных законов» входящих в состав России традиционно исполнялись Российскими императорами. К примеру, император России

Александр I 15 марта 1809 году издал Манифест, в котором указано: « Божьею Милостью Мы Александр первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные оное населяющие от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались, обеща хранит оные в ненарушимости и непреложной их силе и действию; во удостоверение чего и сию Грамоту собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили» [26].

Исторически «право народов», куда по праву можно отнести и обычное этническое право рассматривалось в качестве право человеческого общества. По мнению Р.А. Калмакаряна «право народов» в концептуальном плане представляло собой распространение своего практического влияния на все сообщество людей, на которое, согласно общей философской идеи Аристотеля, взаимодействовали принципы общественного согласия и дружбы [27].

В то же время следует, в части, признать справедливое мнение автора там, где он указывает на распространение практического влияния «право народов» на все сообщество людей, поскольку история об этом нам свидетельствует. Однако сомнительным остается факт того, что распространения практического влияния «право народов» осуществлялось по взаимодействию принципа согласия и дружбы. Сомнения в данной части заложены в историческом контексте, поскольку современная история построена на «крови», захватах чужих земель и насильственного навязывания культуры одних народов другим, как правило, коренных народов. Но как бы там не было исторический процесс необратим, поскольку подвержен законам времени. Учитывая необратимость времени, следует согласиться с Р.А. Калмакаряна, что интеграция народов, и не важно, каким образом происходил процесс слияния (договорным или воинственным), порождает в объективном порядке новых субъектов права, которые призваны совместно с другими субъектами права создать условия для господства права [28].

Резюмируя изложенное, хотелось бы дать должное субъектам этноправового сознания, поскольку благодаря их стремлению к автономности, стремлению сохранить свою культуру и обычаи, они сотнями, а то и тысячами лет стоят на страже существования своего социума. Правовое сознание субъектов этносоциумов, как правило, ориентировано, прежде всего, на естественно-правовую концепцию, ввиду отсутствия внутриэтнического кодифицированного позитивного права. Но это не значит, что этносубъекты правового сознания в своей творческой деятельности не руководствуются позитивным правом, т. к., как было отмечено выше, большей частью мировые этногруппы проживают на территории государств, где сформирована сложная позитивно-правовая система, обязывающая исполнение ее норм всеми субъектами, находящимся в пределах территориальных границ государства, в том числе и этносоциумов. Собственные основания автономности правового сознания этносубъектов существуют в пересечении социокультурных и социально антропологических типов, поскольку для первого типа характерна аксиологическая детерминация этноправового сознания как особого социокультурного феномена, а для второго типа присуща обусловленность уникальными особенностями личности. Степень автономности правового сознания напрямую зависит от свободы, от меры влияния гетерономных факторов. Влияние гетерономных факторов для этносубъектов правового сознания обусловлено, прежде всего, постоянно изменяющейся геополитической обстановкой в мире, с его этноконфессиональными и социально-правовыми противоречиями, что в свою очередь, для сохранения этнической самобытности и обычного этнического права требует усовершенствования форм политико-правовой диалогической культуры, максимально исключая и избавляясь от «монологизма – гегемонии» в различных формах проявления.

Примечания

1. Приказ Минобрнауки РФ от 03.08.2006 № 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации».
2. Молчанов Б. А., Мамедов С. Н., Задорин М. Ю. Об отдельных вопросах охраны этнических и культурных прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4. С. 19-27.
3. Горбунов С. Н. Права коренных народов на благоприятную окружающую среду : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 191 с.
4. Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 210 с.
5. Плоцкая О. А. Обычно-правовое регулирование земельных отношений у зырян в период индивидуального владения землей // История государства и права. 2013. № 10. С. 13-16.
6. Плоцкая О. А. Регулирование обычно-правовыми нормами правового статуса женщин в браке у коми (зырян) в XIX – начале XX вв. // Семейное и жилищное право. 2013. № 4. С. 7-11.
7. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов : Учебник. М. : РУДН, 2015. С. 207.
8. Tomuschat (Hrsg.). Modern Law of Self-Determination // Martinus Nijhoff Publisher 1993. 347 p.
9. Thornberry. The UN Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities: Background, Analysis, Observations, and an Update. Universal Minority Rights. Edited by A. Phillips and A. Rosas. Turku/Åbo: Åbo Akademi University. Institute for Human Rights and London: Minority Rights Group (International), 1997.
10. Serge Schmemmann. Ethnic Battles Veering in Former Soviet Fringe // New York Times, May 25, 1992. P. 7.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
12. Столыпин П. А. Я верю в Россию. М. : ЭКСМО, 2012. С. 56.
13. Завалишин П. Е. Этнос как социальная общность : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Моск. Гос. обл. ун-т. М., 2004. 31 с.
14. Кабанов А. Б. Мировая история и социальный интеллект. Владимир : Тип. на Нижегородской, 2013. 108 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности : [пер. с нем. Э.М. Телятниковой]. М. : АСТ, 2016. С. 280-282.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2016. С. 302-300.
17. Сафонов А. Л. Этнос и нации. Онтология совместного бытия. М. : МГИУ, 2014. 177 с.
18. Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации // С. В. Соколовский; Программа сотрудничества ЕС и России (Тасис), Ин-т этнологии и антропологии РАН, Москва. М., 2004. 257 с.
19. Шадже А., Шеудже Э. Северокавказское общество: опыт системного анализа : монография. М. : Майкоп, 2004. 212 с.
20. Ломакина И. Б. Этническое обычное право: Теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2005. 43 с.
21. Регеда Е. В. Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Пенза, 2009. 162 с.
22. Нерсесянц В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2015. 848 с.
23. Щедрин О. Г. Этнические особенности русского правосознания : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов н/Д., 2004. 201 с.
24. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 13.12.2012. № 287(5960). Л. 4 - 4 об.
25. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р (ред. от 18.05.2010) «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59703/ (дата обращения – 02.02.2017).

26. Манифест от 15 марта 1809 г. «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии» // Собрание постановлений финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. СПб., 1902. Т. 1. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://1812w.ru/dokum/1800dok/1809borgo.php>.

27. Калмакарян Р. А. Философия международного права. Монография / Ин-т гос. и права РАН. М. : Наука, 2006. С. 19.

28. Калмакарян Р. А. Философия международного права. Монография / Ин-т гос. и права РАН. М. : Наука, 2006. С. 199.

E.R. Glechyan

PHILOSOPHY OF CONVENTIONAL ETHNIC LAW

The interaction of autonomy and heteronomy in customary law is considered. The influence of heteronomous factors for ethnosubjects of legal consciousness is conditioned by the changing geopolitical situation in the world. Factors of autonomy are associated with traditions, language and culture. It is concluded that in order to preserve ethnic identity in the context of ordinary ethnic law, it is necessary to improve the forms of political and legal dialogical culture.

Keywords: ethnos, autonomy, heteronomy, law, positive law, subjects of law, socialization, society, legal culture.

Д.А. Панарина

К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ДОГОВОРОВ

В статье рассматривается порядок государственной регистрации договоров посредством их нотариального удостоверения и регистрации в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии. Раскрываются особенности государственной регистрации права на объект недвижимого имущества, показаны различные точки зрения по вопросам недействительных сделок.

Ключевые слова: государственная регистрация, договоры, сделка, Гражданский кодекс.

Договорная практика неизбежно связана с совершением участниками гражданского оборота двух- и многосторонних сделок, затрагивающих не только частные, но и публичные интересы. Именно потому, что указанные сделки имеют широкое общественное значение, они требуют более пристального, чем обычные договоры, внимания со стороны законодателя. При этом смысл правового регулирования в данном случае сводится к обеспечению государственного контроля за гражданским оборотом уже на стадии совершения сделок: если сделки не прошли такого контроля, то только по этой причине они не могут влечь правовые последствия.

Публичный интерес к ряду гражданско-правовых договоров может проявляться в двух следующих видах государственного контроля:

1) контролем за соблюдением сторонами условий действительности договора (законностью содержания, способностью сторон к участию в договоре, соответствием воле сторон их совместному волеизъявлению, соблюдением формы договора);

2) контролем за состоянием прав на определенный объект, включая создание единого реестра таких прав, сведения которого были бы открыты и доступны любому заинтересованному лицу, намеревающемуся вступить в договор по поводу данного объекта.

Первый из упомянутых видов контроля осуществляется по российскому законодательству посредством нотариального удостоверения договоров (удостоверительной надписи), которое относится к нотариальной деятельности.

В силу п. 2 ст. 163 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, указанных в законе, а равно в случаях, предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась.

ГК РФ предусматривает следующие разновидности договоров, для которых установлена обязательная нотариальная форма:

- 1) договор залога в обеспечение исполнения обязательств по договору, который должен быть нотариально удостоверен (п. 3 ст. 339);
- 2) договоры об уступке права (требования) и о переводе долга, основанных на сделках, совершенных в нотариальной форме (п. 1 ст. 389 и п. 2 ст. 391);
- 3) все виды договора ренты (ст. 584).

Предусматривая же нотариальное удостоверение договора в случаях, когда по закону оно не требуется, стороны тем самым стремятся придать ему большую юридическую определенность и достоверность (действительность), поскольку нотариус обязан проверить все условия действительности договора. В частности, нотариус дает правовую оценку договору, проверяет законность его содержания, правоспособность и дееспособность сторон, устанавливает личности вступающих в договор лиц, соответствие их воли волеизъявлению, выясняет основания и цели сделки, разъясняет участникам сделки правовые последствия совершаемых действий. По этой причине оспаривание нотариально удостоверенной сделки значительно сложнее, чем оспаривание сделки, совершенной в простой письменной форме, но все-таки возможно.

Второй вид контроля в настоящее время осуществляется Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (ее территориальными органами), находящей в ведении Министерства экономического развития РФ [1], – в отношении договоров с объектами недвижимости, а также федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, находящейся в ведении Министерства образования и науки РФ [2]) – в отношении лицензионных договоров.

Необходимость в государственной регистрации права на объект недвижимого имущества обусловлена физическими особенностями указанного объекта как вещи, перемещение которой без несоразмерного ущерба ее назначению невозможно либо вообще, либо, если речь идет о воздушном и морском судне, судне внутреннего плавания, космическом объекте, хотя и возможно, но лишь в течение определенного промежутка времени и лишь до строго определенного места. Такая физическая «привязка» недвижимой вещи к определенному месту требует создания условий, при которых все третьи лица – участники имущественного оборота – имели бы гарантированную возможность достоверно установить принадлежность права на эту вещь конкретному лицу. Приобретение исключительного права также предполагает необходимость обращения к достоверным информационным ресурсам для выяснения вопроса о том, кто может осуществлять распоряжение данным правом на законном основании [3].

Следовательно, одной из главных целей акта государственной регистрации является защита участников гражданского оборота. При этом указанная цель достигается посредством придания соответствующему акту свойства публичной достоверности.

В настоящее время рассматриваемый вид контроля может осуществляться государственной регистрацией как прав на недвижимое имущество, так и сделок с ним. Так, в соответствии с п. 1 ст. 551 ГК РФ по договору продажи недвижимости государственной регистрации подлежит лишь переход права собственности на недвижимость. Вместе с тем такой вид договора купли-продажи недвижимости, как договор продажи предприятия, уже сам подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации (п. 3 ст. 560 ГК РФ).

Важно отметить, что государственная регистрация перехода права на объект недвижимости необходима лишь для возникновения у приобретателя именно права на данный объект, но не договорного обязательства, служащего средством удовлетворения интереса приобретателя в этом праве. Поэтому не требующий государственной регистрации договор, являющийся основанием перехода права на недвижимость, влечет возникновение соответствующего договорного обязательства в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта (для консенсуальных договоров) либо в момент передачи имущества (для реальных договоров). Однако при этом следует все же учитывать, что исполнение такого договора до государственной регистрации перехода права на недвижимость не может являться основанием для изменения отношений сторон такого договора с третьими лицами. Указанное обстоятельство объясняется тем, что система государственной регистрации прав должна основываться на принципе публичной достоверности [4].

В силу п. 3 ст. 433 ГК РФ договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом. Вместе с тем, в соответствии с п. 2 ст. 165 ГК РФ, если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна сторона уклоняется от ее регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда.

Приведенные формулировки закона породили среди цивилистов спор о том, какой сделкой – недействительной или несостоявшейся – выступает договор, подлежащий государственной регистрации, но не прошедший ее. Одна группа авторов полагает, что несоблюдение требования о государственной регистрации влечет недействительность сделок [5]. Распространено мнение и о том, что сделка, не прошедшая государственную регистрацию, недействительна лишь в случаях, прямо установленных законом для каждого вида сделки, подлежащей государственной регистрации, в противном же случае сделка считается незаключенной [6].

По мнению Е.В. Сергеевой, рассматривая конкретные споры по договорам, требующим обязательной государственной регистрации, суды, решая вопрос об их недействительности либо незаключенности, исходят из специальных норм Гражданского кодекса Российской Федерации, относящихся к конкретным видам договоров. В связи с этим, автор предлагает внести соответствующие изменения в статью 165 Гражданского кодекса Российской Федерации относительно правовых последствий несоблюдения обязательных законодательных требований к государственной регистрации сделки, поскольку эти последствия, согласно другим рассмотренным нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, не всегда связаны с ее ничтожностью [7].

Не совсем однозначно решается и вопрос о том, что представляет собой самое требование о государственной регистрации сделки: наряду с широко распространенным взглядом на государственную регистрацию сделки, как на самостоятельное условие ее действительности, предлагаются и иные трактовки рассматриваемого требования. В частности, существует подход, согласно которому государственная регистрация является элементом формы сделки.

Некоторые авторы идут еще дальше и утверждают, что государственная регистрация договора должна быть отменена полностью. Например, Р.А. Зейналова считает, что «государственная регистрация договора – институт излишний для современного государственного оборота. Доводы о возможном недобросовестном поведении частных лиц при отсутствии таковой лишены своего полноценного обоснования, поскольку, как показывает практика, злоупотребления со стороны названных лиц имеют место и в настоящее время – при существовании данного института» [8]. На наш взгляд такая постановка вопроса является излишне категоричной. В условиях правовой неграмотности значительной части

населения сохранение государственной регистрации договоров является важнейшим средством защиты интересов граждан и юридических лиц.

Представляется, что решение вопроса о последствиях несоблюдения сторонами требования о государственной регистрации сделки напрямую зависит от определения природы указанного требования. При этом следует исходить из того обстоятельства, что любая правовая норма должна толковаться исходя из действительной воли законодателя, обусловленной преследуемой им целью правового регулирования данной группы общественных отношений.

Предусматривая обязательность государственной регистрации договоров, законодатель тем самым стремится установить дополнительный контроль за сделками со стадии их совершения. Поэтому его логика сводится к тому, чтобы не признавать значение юридического факта за договорами, не прошедшими в нарушение закона процедуру государственной регистрации. При этом с точки зрения порождения свойственных им юридических последствий договоры, не отвечающие данному условию, иррелевантны независимо от того, признавать ли их недействительными или незаключенными.

По общему правилу, закрепленному в п. 2 ст. 168 ГК РФ, сделка, не соответствующая требованиям закона или иного правового акта, ничтожна, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. В частности, применительно к таким условиям, как соблюдение формы сделки и требования о ее государственной регистрации, законодатель в ст. 165 ГК РФ как раз и определил специальные последствия их несоблюдения.

Следовательно, применительно к договорам, требующим государственной регистрации, действует следующее правило: несоблюдение требования о государственной регистрации договора влечет признание его незаключенным, если закон прямо не устанавливает, что такой договор недействителен (ничтожен) или не предусматривает иных последствий нарушения данного требования. Договор-сделка, требующий государственной регистрации, по общему правилу считается до конца заключенным лишь в момент такой регистрации (п. 3 ст. 433 ГК РФ).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что государственная регистрация входит в сложный юридический состав, одним из элементов которого является сделка как гражданско-правовой акт. Это означает, что и сделка, и государственная регистрация приобретают значение юридических фактов только при последовательном накоплении элементов всего состава, причем такое накопление начинается со сделки, а заканчивается государственной регистрацией. А поскольку первым и к тому же основным элементом юридического состава является сделка, признание судом недействительным акта государственной регистрации, как последнего и второстепенного элемента состава, не способно до конца устранить возникшую неопределенность зарегистрированного права и именно поэтому лишено смысла.

Таким образом, для возникновения обязательства из договора, требующего нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, необходим юридический состав, включающий договор-сделку, а также акт его нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, поскольку только после совершения таких актов договор приобретает качество юридического факта.

Примечания

1. Положение о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: утверждено постановлением Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457 (2017 год, действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс».

2. Положение о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам: утверждено постановлением Правительства РФ от 16 июня 2004 г. № 299 (2017 год, действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс».

3. Груздев В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву : монография. М., 2010. С. 198.
4. Алексеев В. А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. М., 2007. С. 35-36.
5. Сергеев А. П. Гражданское право. Т. 2. М., 2010. С. 353.
6. Павлова И. Ю. Незаклученность или недействительность договора как последствия несоблюдения требований к форме и государственной регистрации договора // Государство и право. 2005. № 10. С. 54.
7. Сергеева Е. В. Недействительность и незаключенность договоров, требующих государственной регистрации: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: pandia.ru/text/77/246/75766.php (дата обращения – 17.02.2017).
8. Зейналова Р. А. О правовых последствиях отсутствия государственной регистрации договора // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 77.

D.A. Panarina

THE PROBLEM OF STATE REGISTRATION OF TREATIES

The article describes the order of State registration of treaties through their notarization and registration in the Federal service of State registration, cadastre and cartography. Peculiarities of State registration of rights to immovable property, showing the different points of view on issues of invalid transactions.

Keywords: State registration, contracts, deal, the civil code.

A.M. Васильев, С.М. Васильева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В данной статье мы раскрыли проблемные вопросы понятия квалификации, а также дали понять, что к наиболее сложным и дискуссионным проблемам, относятся проблемы разграничения убийств и смежных составов преступлений, сочетания различных квалифицирующих признаков убийства, особенности квалификации преступлений на некоторых досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: статья, закон, следователь, суд, квалификация.

Квалификация преступлений – один из элементов правоприменительной деятельности, которой постоянно, практически ежедневно, занимаются работники судов и правоохранительных органов. Её значение трудно переоценить. От правильности выбора и применения нормы закона в каждом случае зависит не только судьба конкретного человека, но и правильное толкование, а, следовательно, и осуществление принципов уголовного права [1]. В уголовном и смежных с ним отраслях права криминального цикла (уголовном процессе, криминалистике, криминологии) термин «квалификация» применяется к правовой оценке социального явления, которое в соответствии с законом может быть отнесено к преступлению. Он определяет вид и тяжесть преступления, совершенного человеком, а значит, и уровень его общественной опасности и другие признаки, позволяющие дать уголовно-правовую оценку действий субъекта.

Таким образом, квалификация преступления в наиболее общем виде представляет собой уголовно-правовую оценку конкретного общественно опасного деяния, устанавливающую соответствие признаков совершенного деяния признакам состава преступления, предусмотренного конкретной статьей уголовного закона. Когда такое соответствие будет установлено, можно говорить о наличии преступления и о том, под действие какой статьи

Особенной части УК РФ подпадает анализируемое деяние [2]. Задачами квалификации является решение следующих вопросов:

- является ли преступлением общественно опасное деяние, подвергаемое анализу; не относится ли оно к гражданско-правовым, административно-правовым деликтам либо аморальным, безнравственным поступкам (так, например, следователям приходится в ходе проверки устанавливать: совершено ли самоубийство или смерть причинена другим лицом);

- если деяние является преступлением, то под признаки какой конкретной статьи (части, пункта) Особенной части УК РФ подпадает (например, совершено простое убийство или квалифицированное);

- подлежат ли применению статьи из Общей части УК РФ, регламентирующие такие понятия, как стадии осуществления преступления, вопросы соучастия, обстоятельства, исключающие преступность деяния; множественность преступлений (например, совершено покушение на убийство или оконченное причинение тяжкого вреда здоровью);

- нет ли коллизии, конкуренции уголовно-правовых норм (например, об убийстве и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего);

- не допущено ли в действиях, совершенных лицом, юридических ошибок (т. е. заблуждения лица по поводу наказуемости или ненаказуемости совершаемых им действий (бездействия) и юридических последствий) или фактических ошибок (заблуждения (неправильного представления) лица, совершающего преступление, об объекте и предмете посягательства, направленности действий, развитии причинной связи, способах и средствах совершения преступления).

Результаты квалификации фиксируются в документах, предусмотренных УПК РФ. Они имеют обязательную силу как для лица, чьи действия оцениваются, так и для всех юридических лиц, уполномоченных реализовать решения, вытекающие из квалификации деяния [3]. Понятие «квалификация» в теории и правоприменительной деятельности употребляется в двух значениях: как процесс установления признаков преступления, происходящий во времени, и как результат деятельности следствия и суда, зафиксированный в процессуальном документе [4]. Результат – формула обвинения – не может появиться спонтанно без предварительной познавательной деятельности следственных органов и суда по установлению наличия состава преступления в поведении лица, привлекающегося к уголовной ответственности. Для итоговой квалификации обязательным признаком является ссылка на конкретную норму уголовного закона – пункт, часть, статью Особенной части УК РФ, а в необходимых случаях и на статьи Общей части УК РФ (например, ч. 3 ст. 30, и п. «а» ч. 2 ст. 105 и УК РФ – покушение на убийство двух и более лиц) [5].

Так, например, уголовным правом закрепляются признаки конкретного деяния. А в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности следователь устанавливает обстоятельства, имеющие прямое уголовно-правовое значение и подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Это время, место, способ, виновность, форма вины и мотивы, характер и размер вреда, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельства в отношении имущества, подлежащего конфискации. Кроме того, прямое отношение к результату квалификации имеет норма УПК РФ о недопустимости изменения обвинения к худшему в судебном разбирательстве (ст. 252 – Пределы судебного разбирательства). Наконец, для определения признаков преступного деяния важна правильная организация и тактика поисковой деятельности по выявлению объектов (носителей) криминалистической информации.

Таким образом, процесс квалификации преступлений синтезирует в себе поисково-познавательную деятельность по сбору и анализу конкретной информации, позволяющей в итоге дать юридическую оценку совершенного деяния.

С учетом сказанного можно дать следующее определение квалификации преступления: это установление и юридическое закрепление точного соответствия признаков совершенного общественно-опасного деяния и признаков состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой.

Примечания

1. Васильев А. М., Теличко О. В. Гарантии обеспечения потерпевшему компенсации морального вреда // Современная научная мысль. Материалы Международной научно-практической конференции / гл. ред. М. П. Нечаев. Чебоксары, 2016. С. 182-185.

2. Васильев А. М., Васильева Н. А. Современные особенности модернизации России в контексте свободы – несвободы // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 1 (3). С. 288-289.

3. Васильев А. М., Сирик М. С. Нарушения требований исполнительного законодательства сотрудниками федеральной службы судебных приставов России // Исполнительное право. 2015. № 2. С. 3-7.

4. Лавриненко А. С., Васильев А. М. Права потребителя // Состояние и перспективы развития юридической науки на современном этапе. Материалы II Всероссийской конференции. Армавир, 2016. С. 76-80.

5. Васильев А. М., Мошкин С. В. Борьба с коррупционной преступностью: вопросы теории и практики. Армавир, 2017. С. 17-18.

A.M. Vasiliev, S.M. Vasileva

THE THEORETICAL BASIS OF THE CLASSIFICATION OF CRIMES

In this article we have uncovered the problematic issues of the concept of qualification, and was given to understand that the most complex and controversial issues include the problems of differentiation of homicide and related offences, the combination of different qualifying signs of murder, peculiarities of qualification of crimes on certain pre-trial and trial stages of criminal proceedings.

Keywords: article; law; investigator; judge; qualifications.

Ф.А. Марков

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются правовые и культурологические аспекты формирования единого реестра историко-культурного наследия Краснодарского края

Ключевые слова: государственный реестр, Краснодарский край, культурное наследие, археологические памятники, охрана, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей.

В условиях всё возрастающего интереса к региональной истории перед многими историками стоит задача всестороннего изучения своей местности, своего уникального исторического прошлого. Ведь изучая прошлое, мы строим свое будущее, руководствуясь богатым опытом поколений, живших за много веков до нас. В свою очередь этот процесс

немыслим без изучения и научного исследования объектов культурного наследия (т. е. следов существования человека в прошлых эпохах) – уникальных, ничем не заменимых и не возобновимых свидетельств исторического развития народа, общества и государства, произведений материального и духовного творчества, представляющих научную, историческую или иную культурную ценность. Уникальность Кубани с этой точки зрения заключается в том, что здесь представлены все археологические эпохи [1]. Объекты культурного наследия, расположенные на территории Краснодарского края, являются неотъемлемой частью национального богатства и достоянием народов Российской Федерации, частью всемирного культурного наследия, а также находятся под охраной государства в интересах настоящего и будущих поколений народов, проживающих на территории региона. Всестороннее изучение памятников позволяет воссоздать более полную и красочную картину прошлого нашего края.

Уникальность Кубани в том, что здесь представлены все археологические эпохи. Историко-культурное наследие нашего края богато и разнообразно. Памятники прошлого, безмолвные очевидцы летописи событий, запечатленных в предметах материальной культуры нашего края, представлены огромным количеством объектов археологического наследия в регионе. Все объекты культурного наследия, расположенные на территории как края, так и страны в целом подлежат государственному учету и внесению в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Российской Федерации.

Государственный учет памятников истории и культуры осуществляют уполномоченные в этой области государственные органы охраны памятников, функциями которых являются: установление режима содержания и использования памятников истории и культуры; планирование, организация и координация работ по выявлению, консервации и реставрации памятников истории и культуры; организация использования данных памятников и их пропаганды в целях развития науки, народного образования и культуры [2]. Государственному учету подлежат все объекты культурного наследия, независимо от того, в чьем пользовании или собственности они находятся [3]. Уполномоченным органом в сфере государственного учета памятников истории и культуры на территории нашего края является Управление государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Управление является единственным органом исполнительной власти Краснодарского края, в полномочия которого входит контроль за сохранением объектов культурного наследия в целом и их внешнего облика в частности [4].

В Российской Федерации ведется единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, содержащий сведения об объектах культурного наследия [5]. Реестр представляет собой государственную информационную систему, подключаемую к инфраструктуре, которая обеспечивает информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, и включающую в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования реестра, методов и формы ведения реестра [6].

Сфера деятельности Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края (до 2013 года – Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края) определяется положением об Управлении по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, которое утверждено постановлением главы администрации Краснодарского края от 16 мая 2007 года № 477.

Управление государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края – это орган исполнительной власти Краснодарского края, который специально

уполномочен в области сохранения, популяризации, использования и государственной охраны объектов культурного наследия [7].

Основными целями обеспечения сохранности объектов культурного наследия и их рационального использования в целях культурного развития граждан Кубани являются:

- сохранение культурного наследия народов Российской Федерации;
- формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения доступа различных групп граждан к информационным ресурсам наследия и культурным благам;
- создание условий для сохранения и развития культурного потенциала нации;
- создание условий для адаптации сферы культуры к рыночным условиям существования;
- интеграция в мировой культурный процесс [8].

Ежегодно, начиная с 2010 года, для проведения работ по подготовке документации для формирования единого государственного реестра и составления учетной документации по объектам археологического наследия того или иного муниципального образования Краснодарского края, указанного в государственном контракте, в соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» согласно государственному контракту и, соответственно, техническому заданию к договору специалистами-археологами выполняется следующий объем работ:

1) подготовительные работы по обработке историко-архивных и библиографических материалов:

- предварительное ознакомление с литературными и графическими материалами;
- проработка печатных материалов по региону исследований (работа в библиотеках);
- изучение и анализ фондовых, архивных материалов и письменных источников;
- сбор данных по геоморфологии изучаемой территории;
- разработка задания на выполнение работ, схемы маршрута поездок, графика проведения работ;

2) полевые работы по обследованию памятников археологии на территории того или иного района Краснодарского края:

- визуальное обследование объектов археологического наследия;
- фотофиксация объектов археологического наследия;
- описание объектов археологического наследия;
- привязка памятников в системе координат WGS-84;
- проведение топографической съемки археологических объектов;

3) камеральная обработка материалов:

- обработка и вычерчивание планов памятников;
- составление учетных карточек;
- подготовка пояснительной записки и обзорной схемы объектов археологического наследия с их охранными зонами исследуемого района, обследованных в учетном году (масштаб карты 1:100 000).

Специалисты-археологи, осуществляющие деятельность по подготовке документации для формирования единого государственного реестра и составления учетной документации по объектам археологического наследия Краснодарского края, опираются, прежде всего, на положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [9].

1. Положение устанавливает общие принципы формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – Единый реестр).

2. Единый реестр – это государственная информационная система, включающая в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения реестра.

3. Единый реестр ведется Министерством культуры Российской Федерации на бумажных и электронных носителях.

4. При выявлении объектов, представляющих собой историко-культурную ценность, Минкультуры России и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области охраны объектов культурного наследия, осуществляют их государственный учет в специальных документах – учетных картах. В нашем крае таким органом является Управление государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края.

5. Учетные карты являются частью Единого реестра и подлежат бессрочному хранению с соблюдением условий, обеспечивающих предотвращение их хищения, утраты, искажения, а также подделки внесенных данных. Уничтожение учетных карт не допускается.

6. Основанием для регистрации Минкультуры России объектов культурного наследия в Едином реестре являются решения органов государственной власти о включении объектов культурного наследия в реестр (решения о принятии объектов культурного наследия на государственную охрану).

7. Регистрация Минкультуры России объектов культурного наследия в Едином реестре осуществляется посредством присвоения объектам культурного наследия регистрационных номеров, состоящих из арабских цифр.

Ведение реестра осуществляет Министерство культуры РФ. Ведение реестра включает в себя:

- присвоение регистрационного номера объекту культурного наследия в реестре;
- мониторинг данных об объектах культурного наследия, вписанных в реестр при регистрации в нем объектов;

- документационное обеспечение реестра.

Реестр содержит следующие сведения:

- наименование объекта;
- сведения о времени возникновения или дате создания объекта, дате основных изменений (перестроек) данного объекта и (или) дате связанного с ним исторического события;
- сведения о местонахождении объекта;
- сведения о категории историко-культурного значения объекта;
- сведения о виде объекта;
- описание особенностей объекта, являющихся основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению;
- описание границ территории объекта;
- фотографическое изображение объекта;
- сведения об органе государственной власти, принявшем решение о включении объекта культурного наследия в реестр;
- номер и дата принятия решения органа государственной власти о включении объекта культурного наследия в реестр;
- сведения о наличии зон охраны объекта культурного наследия [10].

Все названные сведения и данные представляются в Министерство культуры для обеспечения единого банка данных реестра.

Ко всем объектам культурного наследия, обследуемым в том или ином районе Краснодарского края и впоследствии вносимых в единый государственный реестр, предъявляется ряд общих требований: полное наименование объекта, местонахождение объекта, указание номера объекта по государственному списку, размеры объекта (например, для курганов:

высота, диаметр, охранный зона; для могильников, поселений, селищ – площадь), координаты GPS, кадастровый номер участка (квартала), наименование пользователя. Внесение памятников истории и культуры, расположенных на территории края в единый государственный реестр, должно обеспечить сохранность объектов культурного наследия и их рациональное использование в целях культурного развития граждан Кубани.

В целом государственная охрана и учет объектов культурного наследия, расположенных на территории Краснодарского края, является одной из приоритетных задач органов государственной власти Краснодарского края и органов местного самоуправления в области сохранения и популяризации объектов культурного наследия для нынешнего и последующих поколений края и страны в целом.

Примечания

1. История Кубани с древнейших времен до конца XX века : Учебник для высших учебных заведений. Краснодар : Перспективы образования, 2004. С. 16.

2. Закон Краснодарского края от 6 февраля 2003 года № 558-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края». Ст. 14.

3. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Ст. 15.

4. Положение об управлении по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 09.09.2011 г. № 375.

5. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

6. Маркова Н. А., Басов И. И. Некоторые аспекты в области государственного учета и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия Краснодарского края // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III : Материалы Международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / Науч. ред. С. Н. Малахов; сост. С. Г. Немченко. Армавир : Изд. Шурыгин В.Е., 2015. С. 89.

7. Постановление главы администрации Краснодарского края от 16 мая 2007 г. № 455 «Об управлении государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края».

8. Закон Краснодарского края от 6 июня 2002 г. № 487-КЗ «О землях недвижимых объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального и местного значения, расположенных на территории Краснодарского края, и зонах их охраны».

9. Положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Утверждено Приказом Министерства культуры РФ от 3 октября 2011 г. № 954. С изменениями и дополнениями от 3 июня 2014 г.

10. Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 26.04.2008 № 315.

F.A. Markov

ABOUT FORMATION OF THE SINGLE STATE REGISTER OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS IN KRASNODAR REGION

The paper examines the legal and cultural aspects of the formation of a single register of the historical and cultural heritage of Krasnodar Region.

Keywords: state register, Krasnodar region, cultural heritage, archaeological monuments, protection, restoration and using of historical and cultural values.

РАЗДЕЛ V

РЕЦЕНЗИИ

С.Н. Малахов, А.С. Малахова

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ТОРГОВЛЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В издательстве Северокавказского федерального университета вышла в свет монография – *Прокопенко Ю. А., Чаплыгина С. Ф. Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого Шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V – начале XIII века. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017. 250 с. : ил.*

Исследование социокультурных процессов раннего средневековья на Северном Кавказе одна из сложнейших научных проблем, изучение которой позволяет более полно восстановить картину этногенеза народов Северного Кавказа. Особую роль в стимулировании этих процессов сыграл Великий Шелковый путь (ВШП). Географическое пространство Кавказа было не только препятствием, но и своеобразным коридором, контактной зоной Востока и Запада, Юга и Севера, пролегавшей через места обитания автохтонных этносов и социумов. Тонкие нити караванных троп и торговых связей сыграли важную роль в этногенезе и политогенезе, экономическом становлении местных средневековых сообществ.

Авторами монографии исследуется феномен региональных и международных торговых и этнокультурных контактов в период с V по начало XIII века в границах Северного Кавказа.

При раскрытии темы Ю.А. Прокопенко (автор концепции и структуры монографии) и С.Ф. Чаплыгина вводят в научный оборот понятия «пространство социокультурного влияния», «северокавказский участок Великого Шелкового пути», «зона действия северокавказского участка ВШП». Изложение материала подается в проблемно-хронологическом порядке в виде глав, написанных Ю.А. Прокопенко индивидуально (гл. II-V, VIII) или в соавторстве с С.Ф. Чаплыгиной (гл. I, VI, VII, IX-XIII), что указывается в оглавлении. Несмотря на некоторую дробность структуры монографии, логически и содержательно она читается как цельное и глубоко фундированное, научно аргументированное сочинение и имеет вполне завершенную форму.

Историографические аспекты изучения торговых путей Северного Кавказа в период средневековья рассматриваются в широком хронологическом диапазоне – от первых упоминаний о них у античных авторов до научных концепций в исследовательской литературе начала XXI века. Особое внимание уделено истории изучения ВШП в целом и, в частности, его северокавказскому ответвлению. Следует отметить, что эта тема особенно актуализировалась в исторической науке в связи с современными экономическими проблемами, в рамках развития торговых связей Востока и Запада в начале XXI века.

Профессор Ю.А. Прокопенко на уровне монографического изучения впервые в 1999 г. поднял проблему истории функционирования северокавказских торговых путей в Средневековье, обосновал наличие маршрутов, их хронологию, товарную номенклатуру в домонгольский период. В настоящей монографии автор подчеркивают, что, несмотря на имеющуюся литературу общего и фактологического характера, появившуюся за последние десятилетия по проблемам транскавказских торговых путей, влияние ВШП на социокультурное развитие региона в полной мере ещё не исследовано. Монография Ю.А. Прокопенко и

С.Ф. Чаплыгиной вводит в научный оборот новые источники, сопровождая их доскональным системным и концептуальным анализом.

Опираясь на концепцию французского историка Фернана Броделя о формировании торгового и экономического пространства «миров-экономик» в Средневековье, Ю.А. Прокопенко квалифицирует Центральное Предкавказье как периферийное пространство «миров-экономик» Византийской империи и Сасанидского Ирана в IV-VI вв. Проводится тщательная реконструкция на основе археологических артефактов номенклатуры торговых связей. Датировка торговых контактов уточняется по нумизматическим находкам, картографируются торговые маршруты и определяется их воздействие на политическую и социальную жизнь местных племен. Поднимается важная проблема выделения «торговых узлов», реэкспорта и «миграции вещей» во внутреннем этническом пространстве и на сопредельные территории. Подобные, по терминологии автора, «игры выбора» торговых маршрутов и «игры транспортировки и обмена» в регионе Северного Кавказа имели хронологические различия и были обусловлены сменой геополитической ситуации. В монографии обосновывается на каждом историческом этапе смена маршрутов, изменение в наполненности их товарами, а также предпринимается плодотворная попытка привязать поступление предметов и артефактов к конкретной международно-политической ситуации. Авторы сумели показать взаимосвязь торгово-обменной активности как с динамикой международной ситуации, так и с проблемами внутреннего развития этносоциальных образований на Северном Кавказе.

Анализ чеканов сасанидских, арабо-сасанидских, куфических и византийских монет и их подражаний указывает, по мнению Ю.А. Прокопенко, на постоянный приток монеты в VII-IX вв. на Северный Кавказ, что было тесно связано с вовлечением кавказских племен в ирано-византийское соперничество, а позднее – хазаро-арабское противостояние. Находки сасанидских гемм, украшений из перламутра, ближневосточных и среднеазиатских шелков свидетельствуют, на расширение географии торговых путей, включая Китай, Среднюю Азию, Иран и Южную Азию и Восточное Средиземноморье в IX-XII вв. В монографии выявляются и систематизируются причины находок тех или иных категорий товарообмена на определенных территориях. По наблюдению автора, археологические находки могли маркировать маршруты перемещения товаров, выполнять функцию оплаты за проезд, быть военными трофеями и платой наемников-воинов, свидетельствовать о миссионерской деятельности Византийской империи и распространении новых религиозных верований, а также быть личным имуществом купцов, караваны которых постигло несчастье.

Подобная постановка вопроса авторами при интерпретации «артефактов импорта» в северокавказской этнической среде вполне обоснована и не позволяет «генерализировать» все находки импорта в категорию товара, связанного исключительно с товарным обменом. Критически излагается тезис в связи с находками монетных подражаний на территории Хазарского каганата, что это была попытка хазар организовать собственное монетное производство. Автор полагает, что подражания могли иметь различные функции, не обязательно связанные с обменом. Плодотворной выглядит попытка выделить Донской и Волжский торговые пути, связывавшие Центральное Предкавказье и Русь в X – начале XIII в., определить причины их активизации и номенклатуру товаров.

Торговые пути были не только маршрутами, на которых и через которые проходил обмен продуктами ремесла, миграция людей. Через них также осуществлялся обмен идеями, производственным опытом, религиозными представлениями, этногеографическим познанием мира. Ю.А. Прокопенко и С.Ф. Чаплыгина в двух главах (гл. VI-VII) рассматривают особенности религиозных представлений населения Центрального Предкавказья на территориях, примыкавших к транскавказским магистралям. Опираясь на археологические материалы, авторы отмечают, что в период с V по IX век здесь ещё доминируют

«языческие» домонотеистические представления и культы, при этом затрагивают спорный вопрос о присутствии зороастрийских верований у аланских племен. Следует отметить, что тезис о том, что зороастризм «препятствовал» распространению христианства требует дальнейших обоснований, как, впрочем, и утверждение о поверхностной христианизации аланского общества. Напротив, анализ находок предметов культовой христианской металлопластики может свидетельствовать о распространении христианства в широких слоях аланского этноса в X-XIII вв. Обзор этих находок, данный Ю.А. Прокопенко в VIII главе монографии, убедительно показывает, что ослабление ввоза нательных крестов из Византии компенсировался местным производством и поставками из Руси, Крыма, возможно, Закавказья в домонгольский период.

Реальным воплощением межкультурного синтеза в зоне влияния ВШП явилось распространение христианства в северокавказском регионе. Авторы рассматривают различные по времени и географии импульсы влияния христианской идеологии на культуру местных народов, воплотившиеся в архитектурные культовые памятники. Храмы различных стилей и форм указывают не только на внешние культурные импульсы, но и на характер рецепции иноземных религиозных форм сознания культурными структурами автохтонных народов, адаптацию и синтез различных религиозных систем, приведших к симбиотическому существованию различных религиозных идеологий в культурном пространстве транскавказских торговых путей. На повседневно-бытовом уровне яркой иллюстрацией взаимопроникновения культур является история средневекового костюма горских народов, основные черты которого удастся восстановить по археологическим данным (гл. X). Авторы предпринимают плодотворную попытку не только реконструировать некоторые типы одежды, выделить в ней заимствования, определить гендерные, социальные, эстетические, религиозно-апокроепные элементы, но также на основе зооморфных, растительных, сюжетных, христианских образов и символов, присущих украшениям одежды, предметам бытового уровня, вооружению восстановить картину религиозных представлений, ее динамику, образные доминанты, которые были характерны для социумов, находившихся в зоне культурных контактов (гл. XI). В заключительной главе (XII) авторы предпринимают плодотворную в методологическом отношении попытку, опираясь на кросс-культурные исследования, выделить некоторые психологические механизмы, характерные для межкультурной коммуникации населения, проживавшего в зоне культурного влияния Великого Шелкового пути. Несмотря на некоторый гипотетический характер части выводов, следует признать актуальной и полезной такую постановку вопроса, поскольку в этом видится перспективный переход к новым уровням обобщений и реконструкций в области изучения межкультурных контактов средневековых народов Северного Кавказа с внешним миром, формированию их уникальной историко-культурной идентичности.

Монографию завершают заключение, в котором авторы подводят краткие итоги проделанной работы, обширный список источников и литературы, имеющий самостоятельную ценность и иллюстрации. Исследование Ю.А. Прокопенко и С.Ф. Чаплыгиной является важным вкладом в изучение проблем торговли и межкультурной коммуникации на Северном Кавказе в раннесредневековый период и выполнено на высоком научно-методологическом уровне. Авторам удалось раскрыть, привлекая археологические и письменные источники, различные аспекты функционирования северокавказского отрезка Великого Шелкового пути в домонгольскую эпоху. Особую ценность представляет работа авторов по выявлению, источниковедческой обработке и систематизации археологических артефактов – молчаливых свидетелей межкультурного обмена в Раннем Средневековье. Работа, проделанная авторами монографии Ю.А. Прокопенко и С.Ф. Чаплыгиной, является новым результативным шагом на пути изучения истории народов Северного Кавказа в культурологическом и историческом аспектах.

С.Н. Малахов, А.С. Малахова

**О МАЛОИЗВЕСТНЫХ СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ
ПРИУРУПЬЯ**

Краеведческая книжная полка Кубани пополнилась ещё одним изданием, рассказывающем о творческом пути, научных исканиях, общественной позиции известного кубанского и украинского литератора, журналиста Василия Николаевича Орла (Орёл Л. Г. **И это всё – о нем. Краеведческие очерки / Науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар : ООО «Экоинвест», 2016. 202 с. : ил.**).

Творчество В.Н. Орла (1928–1987) как литературоведа и краеведа Кубани становится известно читателю только с 90-х гг. XX века благодаря активной популяризации его имени Ларисой Гавриловной Орёл, вдовой журналиста. Первый биобиблиографический очерк о Василии Николаевиче появился в известном сборнике «Кто есть кто в кубановедении», изданном под редакцией доктора исторических наук, профессора Б.А. Трёхбратова. Сейчас уже опубликованы полная библиография работ В.Н. Орла, его избранные труды. Большая работа в этом направлении было проделана кандидатом филологических наук, профессором В.К. Чумаченко.

Архив журналиста, занимавшегося в основном литературным краеведением Кубани, изучением украинско-северокавказских литературных связей бережно сохранен и передан Ларисой Гавриловной Орёл в Литературный музей Кубани, некоторые документы и их копии поступили в Отрадненский районный архив и Отрадненский историко-археологический музей, с которым в годы работы в станице Отрадной (тогда это был народный музей) тесно сотрудничал В.Н. Орёл. Его пребывание в Отрадной в конце 1950-х – 1960-х гг. оставило яркий след в развитии краеведения в Приурूपье. Он одним из первых стал собирать и публиковать материалы о Гражданской войне и ее участниках в Приурूपье, освещать историю пионерского движения. Супруги В.Н. и Л.Г. Орёл, молодые и инициативные педагоги, создали один из первых школьных литературных музеев на Кубани – в ст. Малотенгинской – посвященный творчеству украинского поэта Т.Г. Шевченко, они стояли у истоков пионерского движения «соломахинцев», связанного с именем учительницы Т.Г. Соломахи, погибшей в годы Гражданской войны за «коммунистические идеалы»...

Краеведческие очерки под названием «И это всё – о нём» – первый опыт самостоятельного широкого и многопланового показа литературно-краеведческой и общественной деятельности В.Н. Орла, предпринятый автором в виде отдельной книги, содержащей 17 очерков, двенадцать из которых были ранее опубликованы Л.Г. Орел в различных малотиражных изданиях.

Уроженец станицы Васюринской, В.Н. Орёл много лет жил в Отрадной, работал журналистом в районной газете «Советское казачество», переименованной на излете хрущёвского периода в «Сельскую жизнь», учительствовал, стал собирать материалы об украиноязычных писателях Кубани: Я. Кухаренко, В. Мове-Лиманском, Ф. Щербине, Г. Доброскоке, О. Кирие, Я. Жарко и других. Мечты написать полноценную книгу об украинской струе в кубанской литературе, защитить диссертацию, к сожалению, так и не осуществились. Однако его изыскания об основоположнике кубанской литературы Я.Г. Кухаренко оказались настолько ценными, что известный украинский ученый-шевченковед Е.С. Шаблювский отметил вклад В.Г. Орла в изучение творчества Кобзаря, как «важную страницу советского шевченковедения». Любовь к родному языку, а также иные обстоятельства вынудили Василия Николаевича покинуть Кубань, и с 1964 года он переезжает на Украину, обосновавшись затем окончательно в Николаеве.

В книге увлекательно рассказывается об изучении В.Н. Орлом жизни и творчества Я. Кухаренко, Т.Г. Шевченко, К.Л. Хетагурова, оперного певца, уроженца станицы Отрадной В.П. Дамаева, украиноязычных поэтах и писателях Кубани 20-х – 30-х гг. XX века. Много страниц посвящено раскрытию неутомимой музейно-организаторской деятельности В.Н. Орла, которая выливалась не только в его конкретной работе (он был непосредственно причастен к организации Отраденского краеведческого музея, школьного музея им. Т.Г. Шевченко в станице Малотенгинской, музея в станице Васюринской), но и в интеллектуальной, документально-материальной поддержке замыслов его коллег по литературоведческому и краеведческому «цеху» в период создания Литературного музея Кубани, дома-музея Т.Г. Соломахи в станице Попутной.

В течение жизни в книжном собрании В.Н. Орла накопилось много изданий с автографами. Посвящения и инскрипты раскрывают круг литературных и научных связей В.Н. Орла, помогающих уточнить его духовно-мировоззренческие, профессиональные и дружеские связи с украинской и кубанской интеллигенцией. Невольно эту семейную традицию продолжила автор очерков, Лариса Гавриловна Орел. Автографам, в которых отдается дань признания ее супругу на книгах, подаренных вдове литературоведа, посвящен отдельный очерк.

Уже забытая страница из истории пионерского движения в Приурूपье (первый районный слет «соломахинцев» в станице Попутной, состоявшийся в 1964 г.) живо предстает в очерке «Соломахинцы». В книге можно найти новые подробности и фотодокументы об организации (от замысла до воплощения) Василием Николаевичем Орлом школьного музея имени Т.Г. Шевченко в станице Малотенгинской в 1963 г.

Новые подробности можно узнать об исследовательских и личных связях В.Н. Орла с современниками: кубанским писателем, поэтом и краеведом В.П. Бардадымом, осетинским поэтом и писателем Н.Г. Джусойты, композитором А. Кос-Анатольским и художником В. Касияном из Украины, советскими писателями Г. Степановым, В.Бородиным и В. Большаковым, историком-архивистом Г.Т. Чучмаем и др. Книгу завершает публикация первых глав недописанной повести В.Н. Орла «Самородок земли российской», посвящённой оперному певцу В.П. Дамаеву.

Несмотря на некоторую тематическую и содержательную неравноценность очерков, их объединяет одна тема – воссоздание образа незаурядной личности журналиста и литературоведа В.Н. Орла. Автор пишет заинтересованно, стремится искренне, во всем многообразии бытия отразить разнообразие, глубину жизненных и литературных планов, близкого человека и современника, к сожалению, во многом так и не реализовавшего свой творческий потенциал по причинам социальных, идеологических и исторических обстоятельств того времени. Уникальные фотодокументы из семейного архива удачно дополняют текст очерков, делая их главного героя и характеризующую эпоху более зримыми. Книга очерков представляет ценный материал для воссоздания истории литературного краеведения на Кубани и истории краеведения в Приурूपье в середине XX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОАА – Архивный отдел администрации г. Армавира

АОАТР – Архивный отдел Администрации Тбилисского района

ВИ – Вопросы истории

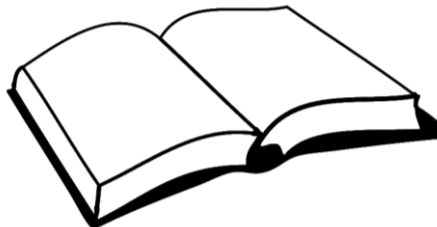
ВИЖ – Военно-исторический журнал

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края

ГАРО – Государственный архив Ростовской области

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аганесова Виктория Сергеевна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ананьев Александр Викторович – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Берташ Максим Петрович – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; maks.bertosh@mail.ru

Бодров Альфред Николаевич – преподаватель Сергиево-Посадского филиала Московского института предпринимательства и права (г. Хотьково Сергиево-Посадского района Московской обл.); alfredbodrov@yandex.ru

Боташ Анна Андреевна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Быкова Мария Александровна – студент 4 курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; maria.bykova2013@yandex.ru

Быковченко Анастасия Дмитриевна – студент 3 курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; bikovchenko96@mail.ru

Васильев Алексей Михайлович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, права и социально-экономических наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; alexey771977@mail.ru

Васильева Светлана Михайловна – кандидат юридических наук, капитан юстиции, следователь СО МВД России по Отраденскому району Краснодарского края; vnatali1979@bk.ru

Геворгян Гаяне Аршалуйсовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Глечян Эдуард Русланович – аспирант кафедры религиоведческих и религиозно-философских дисциплин Армавирского гуманитарно-социального института; glechyan1980@mail.ru

Готова Рузана Руслановна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Григорова Инна Геннадьевна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; parahina1972@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа

Еременко Лариса Юрьевна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; ereomencko.lara@yandex.ru

Зевалкин Кирилл Робертович – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ивченко Татьяна Николаевна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; myasishcheva.tanya@mail.ru

Ильенко Анна Николаевна – учитель истории и обществознания, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 3 им. Адаменко И.Д.; vlasovailenko@mail.ru

Казарян Маргарита Акоповна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; kristin_89@inbox.ru

Карапкина Олеся Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; olesya.karapkina@mail.ru

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, академик Международной академии информатизации

Козлова Елена Викторовна – магистрант 1 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; le.kozlova9189368753@yandex.ru

Коломойченко Алексей Николаевич – магистрант 3 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; kolomoychenko84@mail.ru

Криворучко Любовь Викторовна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; lubovilyushina@rambler.ru

Лазуревская Юлия Андреевна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; lazurevskaya88@mail.ru

Логиновская Татьяна Михайловна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лубков Александр Игоревич – бакалавр юриспруденции, магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; alexander.lubkov@gmail.com

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Малахова Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права НЧОУ ВО «Армавирский лингвистический социальный институт»

Марков Федор Анатольевич – научный сотрудник Центра археологических исследований ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Молчанов Юрий Борисович – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Назаров Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; senaza@yandex.ru

Назарова Вероника Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; senaza2@yandex.ru

Орлов Сергей Александрович – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; serega.orlov1993@mail.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; panarin.arm@mail.ru

Панарина Дарья Андреевна – студент 2 курса юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»; panarina.dasha@bk.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; panarin.arm@mail.ru.

Похилько Александр Дмитриевич – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-экономических наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; nauka2007-2008@mail.ru

Савченко Жанна Юрьевна – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; zhanna.savchenko.2013@mail.ru

Семенько Светлана Павловна – магистрант 3 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; svetlana.semenko.1980@mail.ru

Сидякина Анна Геннадьевна – научный сотрудник МБУК «Муниципальный историко-краеведческий музей Усть-Лабинского района (г. Усть-Лабинск)

Симонянц Иван Васильевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Смоленцев Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Солодкова Мария Михайловна – бакалавр; лектор-экскурсовод; ФГБУ «Центральный военно-морской музей Министерства обороны РФ» (г. Санкт-Петербург); solodkovamaria@mail.ru

Сургутов Александр Викторович – магистрант 3 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ткаленко Никита Сергеевич – студент 3 курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; nik.tkalenko.1996@mail.ru

Хлопкова Виктория Михайловна – доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; vikstorri@mail.ru

Чабанова Диана Рафаэловна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Яндакова Наталья Борисовна – магистрант 3 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЯ РОССИИ

Марков Ф.А. Средневековое поселение «Иль-1» (Северский район Краснодарского края)	3
Ананьев А.В. Деятельность властей по казачьей колонизации Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века	5
Яндакова Н.Б. К вопросу о концептуализации татаро-монгольского ига в отечественной историографии первой четверти XIX века	13
Лубков А.И. О причинах и планах переноса Кубанской линии на реки Лабу и Белую	18
Ткаленко Н.С. Привлечение к подданству России закубанских народов как один из методов политики И.Ф. Паскевича (1827-1831 гг.)	21
Логиновская Т.М. Развитие образования на Кубани в первой половине XIX века	24
Дударев С.Л., Ананьев А.В. Социально-экономические изменения в аграрном секторе Северо-Восточного Кавказа под влиянием капиталистической модернизации во второй половине XIX в.	27
Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю., Ананьев А.В. Промышленное развитие и торговля на Северо-Восточном Кавказе и их влияние на социально-экономический облик автохтонного населения региона (вторая половина XIX в.)	35
Сидякина А.Г. Новации в сфере транспортной инфраструктуры Кубани и Причерноморья в начале XX века: становление автомобильного сообщения	45
Криворучко Л.В. Роль Ставропольской гимназии в развитии северокавказского просветительства ...	48
Панарина Е.В. Великая русская революция 1917 г. в представлениях П.Н. Милюкова	51
Молчанов Ю.Б. Страницы биографии командарма И.Л. Сорокина	55
Гевордян Г.А., Коломойченко А.Н. Борьба советских органов власти с повстанчеством на Кубани в 1920 году	59
Коломойченко А.Н. Особенности повстанческой идеологии на Кубани в 1920 году	62
Лазуревская Ю.А. Возникновение воздушного сообщения на Северном Кавказе	67
Смоленцев Д.Н., Малахов С.Н. Церковная повседневность станицы Отрадной 1920-1930-х гг. глазами подростка	70
Симонянц И.В. Краеведческая работа на Кубани в первой четверти XX века	79
Панарин А.А. Сталинская концепция построения социализма в одной стране в свете марксистской теории	84

Семенько С.П. Изменение брачно-семейных отношений традиционной казачьей семьи на Кубани в 20-30-е гг. XX века	87
Савченко Ж.Ю. Участие комсомола в общественно-политической жизни кубанской станицы в 1920-е гг.	90
Быковченко А.Д. Возникновение и становление Ейского военно-авиационного училища	93
Сургутов А.В. Строительство оборонительных сооружений и охрана тыла на территории Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны	97
Готова Р.Р. Проблема обеспечения населения Кубани товарами широкого потребления в послевоенный период	100
Ильенко А.Н. Специфика роли кубанского казачества в составе Красной армии в Великой Отечественной войне	103
Аганесова В.С. Проблемы развития сельского хозяйства на Кубани в 1953-1964 гг.	107
Быкова М.А. Международное сотрудничество советской молодежи в период «оттепели»	109
Чабанова Д.Р. Приоритеты государственной образовательной политики в период «оттепели» на примере Краснодарского края	112
Ивченко Т.Н. Основные тенденции развития системы образования СССР и ее реформирование в послевоенное время	117
Козлова Е.В. Повседневная жизнь населения Юга России в 1990-е гг. (на примере молодёжных стратегий)	121
Яндакова Н.Б. Новые подходы к изучению русско-ордынских отношений в постсоветской историографии	125
Казарян М.А. Армянская апостольская церковь в жизни г. Армавира	132
Хлопкова В.М., Каранкова О.Г. Становление современной концепции исторического образования: эволюция образовательной парадигмы с 1990-х гг. до настоящего времени	135
Еременко Л.Ю. Социально-экономическое развитие современной Республики Абхазия	139

РАЗДЕЛ II ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Назаров С.В. Особенности преподавания истории в школах Германии	141
Зевалкин К.Р. Революционный террор: постановка проблемы через сопоставления лидеров Английской и Великой Французской буржуазных революций	144

<i>Назарова В.В.</i> Японская женщина глазами иностранцев: к вопросу становления образа	147
<i>Солодкова М.М.</i> Особенности развития фотоискусства в Японии	152
<i>Боташ А.А.</i> Трудовая маргинализация японской молодёжи в условиях глобализации	154
<i>Григорова И.Г.</i> Стереотипы восприятия мусульманского населения в германском обществе	157
<i>Берташ М.П.</i> Влияние российских и зарубежных СМИ на формирование образа Трампа в общественном мнении (предвыборный и доинаугурационный периоды)	160

**РАЗДЕЛ III
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<i>Бодров А.Н., Похилько А.Д.</i> Гуманистическая рефлексия на идеалы революции в русской философии XX века ...	164
<i>Орлов С.А.</i> Адыгская свадебная культура в поэзии	167

**РАЗДЕЛ IV
ПРАВОВЕДЕНИЕ**

<i>Глечян Э.Р.</i> Философия обычного этнического права	170
<i>Панарина Д.А.</i> К проблеме государственной регистрации договоров	175
<i>Васильев А.М., Васильева С.М.</i> Теоретические основы квалификации преступлений	179
<i>Марков Ф.А.</i> К вопросу о формировании единого государственного реестра объектов культурного наследия на территории Краснодарского края	181

**РАЗДЕЛ V
РЕЦЕНЗИИ**

<i>Малахов С.Н., Малахова А.С.</i> Новое исследование о торговле на Северном Кавказе в Раннем Средневековье	186
<i>Малахов С.Н., Малахова А.С.</i> О малоизвестных страницах истории краеведения Приурупья	189
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	191
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	192

Для заметок

Для заметок

Научное издание

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

Научный и учебно-методический ежегодник

Выпуск XIV

Редакционно-издательский отдел

Зав. отделом: А.И. Грибкова

Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич

Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко, А.С. Грачевский

Подписано к печати 29.06.2017. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 23,26. Уч. изд. л. 16,63. Тираж 500 экз.

Заказ № 70/17.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел

© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35

☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: www.agpu.net